

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

1604
—
1979

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

*ЭТО РАССКАЗ
ОБ ОДНОМ ИЗ СТАРЕЙШИХ
ГОРОДОВ СИБИРИ,
О НАШИХ СОВРЕМЕННОКАХ,
КОТОРЫЕ СВОИМ ТРУДОМ
УМНОЖАЮТ ПРЕЖНЮЮ
И СОЗДАЮТ НОВУЮ СЛАВУ ТОМСКА,
ОТМЕЧАЮЩЕГО СВОЕ 375-ЛЕТИЕ.*

Новосибирск
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1979

**9(C18)
К62**

Томская областная писательская организация создает своеобразную библиотечку о тружениках своего края. Первые три книги, вышедшие в течение 1975—1978 гг., рассказывают о нефтяниках, рабочих сельского хозяйства и лесной промышленности. Нынешняя, четвертая, посвящена 375-летию Томска, которое отмечается в октябре 1979 г. Томские писатели и журналисты рассказывают о людях современного сибирского города, о своеобразии его облика и истории. Книга иллюстрирована фотографиями и репродукциями картин томских художников.

Л 20904—073
М 143(03)—79 89—79. 1905040000

© Западно-Сибирское
книжное издательство, 1979.

КРАСКИ РОДНОГО ГОРОДА

Еще в конце 1978 года жители Томска стали замечать в привычном облике некоторых площадей и улиц новые детали: красно-белые стелы, стенды, пилоны, плакаты, на которых обязательно присутствовало число — «375». Это началась подготовка к юбилею одного из стариннейших сибирских центров — нашего родного и любимого города Томска.

Да, Томску — 375 лет! Стаж для Сибири весьма солидный, особенно по сравнению с возрастом городов и поселков, которые в последние два десятилетия заиграли разноцветными огоньками на карте необъятного края от Урала до Тихого океана.

Мы живем сегодня и работаем для будущего. Но мы не можем не думать о прошлом, так как оно — основа настоящего. Широкая и полноводная река современной жизни Томска имеет свой исторический исток, свой родниковый ключ, и нам, томичам последней четверти XX столетия, не следует забывать, какой сложный и прихотливый путь прошел поток, рожденный тем ключом. Не следует — хотя бы для того, чтобы в полной мере оценить настоящее.

Томский острог был построен осенью 1604 года отрядом служилых людей, прибывших из Сургута под командованием Г. И. Писемского и В. Ф. Тыркова. Новая крепость защищала коренное сибирское население от опустошительных набегов кочевников, а русские крестьяне и ремесленники

познакомили местных жителей с дотоле им неизвестными зерновыми и техническими культурами, процессами производства и методами строительства.

Томские казаки продвигались дальше на юг, на восток, возводя новые городки и остроги, осваивая новые земли. Они нашли удобные пути в Монголию и Китай, достигли Охотского моря и Тихого океана, добрались до Камчатки. Даже простой этот перечень говорит, сколь велика заслуга Томска как столицы первопроходцев Сибири и Дальнего Востока.

В XVIII веке Томск потерял значение военной крепости, но, занимая выгодное географическое положение, начал играть роль крупного торгового центра, через который по Сибирскому тракту на восток и запад двигались основные потоки товаров.

В 1804 году образовалась Томская губерния, объединившая огромную территорию современных Томской, Новосибирской, Кемеровской, части Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей, Алтайского и части Красноярского краев. Томск начал развиваться как губернский центр, чему немало способствовало открытие неподалеку от него золотых приисков. В городе вырастали магазины, гостиницы, роскошные особняки купцов-«миллиончиков». Появились мелкие промышленные предприятия. И начались первые рабочие волнения, протесты против угнетения, жестоко подавляемые властями.

Во второй половине XIX века Томск начал приобретать все больший вес в Сибири как культурный центр. Открылся театр, в репертуаре которого пьесы Грибоедова, Гоголя, Островского, Шекспира, Шиллера, а позднее, в начале XX века,—Горького и Чехова. Приезжали на гастроли выдающиеся артисты Петербурга и Москвы—В. Ф. Комиссаржевская, П. Н. Орленёв, К. А. Варламов, В. Н. Давыдов... Крупные русские писатели—В. Г. Короленко, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, В. Я. Шишков в разное время связаны своим творчеством с нашим городом. Побывали здесь Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, Н. Г. Гарин-Михайловский.

Но особую славу заслужил Томск за развитие в Сибири и на Дальнем Востоке высшего образования и науки. Первый университет, первый технологический институт, первые Высшие женские курсы... Первые в то время—значит, пробивались они ценой огромных усилий общественности через препоны, чинимые царскими властями, которые больше чумы боялись образованного народа.

Не зря боялись. На рубеже столетий—XIX и XX—Томск стал одним из центров революционной борьбы в Сибири. Здесь рано (в 1893—1895 гг.) возникли марксистские кружки (среди студентов, политических ссыльных, затем—рабочих), из которых в 1903 году родилась организация РСДРП ленинского-искровского направления. Здесь работали видные деятели партии А. И. Ульянова-Елизарова, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, Н. Н. Яковлев и многие другие, чьи имена связаны с битвами 1905 и 1917 годов, с борьбой за Советскую власть и социализм.

Советская власть окончательно утвердилась в Томске в декабре 1919 го-

да, и с того времени началась новая история нашего старого города. Его прежние краски культурного и научного центра, успевшие померкнуть в годы реакции и белогвардейщины, стали наливались свежестью и силой, к ним добавились новые — индустриальные.

В Кузбассе создается мощный угольно-металлургический комплекс. Партия призвала страну: «Лицом к Кузбассу!», «Все для Кузбасса!» — и Томск становится одной из опорных баз невиданного строительства. Он поставляет лес, кирпич, арматуру, шахтное оборудование, но главное его богатство, которым он щедро делится не только с Кузбассом, — это кадры. Подготовка инженеров, квалифицированных рабочих, врачей, научных работников, преподавателей — вот первейшая задача Томска, и с ней он блестяще справляется. Именно в эти годы стремительно рос индустриальный (бывший технологический) институт, от него отпочковался электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта, а из университета выделились медицинский и педагогический, были открыты десятки техникумов и курсов. Томские вузы дали жизнь целому ряду высших учебных заведений в различных городах Сибири.

Забегая вперед, можно сказать, что и в войну, и во все послевоенные годы, вплоть до наших дней, эта особая миссия достойно выполнялась томичами и снискала городу прочную славу «кузницы кадров». Недаром на фронтонах трех наших вузов — политехнического, медицинского и университета — и двух НИИ — вакцин и сывороток и СФТИ — сияют ордена — заслуженные награды Родины.

С первых дней войны городская парторганизация решительно поставила всю хозяйственную, научную и культурную жизнь на службу фронту. Только за первые 6 месяцев войны около 30 процентов томской партийной организации (в том числе 50 секретарей первичных парторганизаций) ушло на фронт. Героически сражались воины-томичи. Более 40 из них удостоены высшего звания Героя Советского Союза; десятки тысяч награждены орденами и медалями. Орденосные гвардейские полки и дивизии составляют гордость и славу Томска. Более 120 тысяч человек послал наш город на борьбу с фашистской нечистью, около 60 тысяч полегло на полях сражений — почти каждый второй! Об этом безмолвно напоминает нам Вечный огонь мемориала Победы в Лагерном саду — горячий лепесток Огня у могилы Неизвестного Солдата.

Свой вклад в Победу внесло Томское артиллерийское училище (ныне высшее командное ордена Красной Звезды училище связи). За годы войны оно выпустило несколько тысяч офицеров; 35 из них стали Героями Советского Союза, а А. Б. Шилин удостоен этого звания дважды.

Одна из стел мемориала Победы посвящена тылу. Истинным подвигом томичей явилась работа по приему и размещению 50 тысяч эвакуированных советских людей, организация госпиталей, быстрейший ввод в строй почти 40 промышленных предприятий, прибывших в Томск осенью 1941 года (многие из них начали давать продукцию уже через 2—4 месяца). При

поддержке и под руководством горкома ВКП(б) в первые же дни войны был создан комитет ученых, ставший боевым штабом по мобилизации науки на службу фронту. Более 1600 исследований выполнили томские ученые. За выдающиеся достижения в науке в годы Великой Отечественной войны А. Г. Савиных, А. П. Кулев, К. В. Радугин, И. В. Баянуров, Д. А. Жданов, С. П. Сыромятников и другие удостоены Государственных премий СССР, более 30 человек получили высшие правительственные награды.

Послевоенные пятилетки, особенно восьмая, девятая и десятая, в еще более яркие цвета окрасили экономическую, научную и социально-культурную жизнь Томска.

На основе решений съездов партии и пленумов ЦК проводится большая работа по техническому перевооружению предприятий, совершенствованию технологий, механизации и автоматизации производственных процессов, обновлению продукции, рациональному использованию мощностей. Короче — развертывается борьба за высокую эффективность и качество труда. Так, только за девятую и три года десятой пятилетки введены в действие сотни автоматических и поточно-механизированных линий, тысячи единиц нового высокопроизводительного оборудования, в том числе станки с числовым программным управлением (ЧПУ). Появились целые цеха станков с ЧПУ. На ряде предприятий и объединений уже внедрены АСУ — автоматизированные системы управления производством, качеством труда и продукции. Неуклонно растет выпуск продукции высшей категории, с государственным Знаком качества.

Во все районы Союза и в 70 зарубежных стран идут изделия томской промышленности. На ее развитие все больше влияет открытие и освоение нефти, газа, различных руд, высококачественной древесины, строительных материалов. Использование их с глубокой переработкой на месте становится главным направлением в экономике города и области. Например, на наших глазах рождается новая отрасль — нефтехимия: первая очередь гигантского нефтехимкомбината уже в 1980 году даст государству продукцию на десятки миллионов рублей. Растет и развивается лесопромышленный комбинат.

Томск превратился в город-стройку. Но это было бы невозможно без решения областной и городской парторганизациями вопросов развития строительной индустрии. Ее основой стали заводы крупнопанельного домостроения, железобетонных конструкций, керамзитового гравия и другие. Укрепляются строительные коллективы, растет эффективность строительного производства.

Каждодневно и неустанно заботясь об индустриальном развитии города, наши партийные организации продолжают укреплять значение Томска и как научного и культурного центра, его славную роль сибирской кузницы кадров.

Расширяются и крепнут наши вузы. Возьмем хотя бы политехнический институт, который в 1976 году отмечал свое 80-летие. Из 60 000 специа-

листов, подготовленных в его стенах, 800 выпущено до революции, 5000 — до войны, а сейчас он ежегодно выпускает 2500 инженеров!

В 1980 году университету исполняется 100 лет. Старейший сибирский вуз по решению правительства выполняет функции учебно-научного центра Западной Сибири, ответственного за координацию учебно-методической и научно-исследовательской работы в области актуальных проблем высшей школы, естественных и общественных наук, а также за подготовку и переподготовку научно-педагогических кадров для вузов сибирского региона.

Неуклонно возрастает научный потенциал Томска. Быстро развиваются отраслевая, вузовская и академическая науки. Томский научный центр в 1978 году преобразован в филиал Сибирского отделения АН СССР.

Томская наука всегда отличалась прочными связями с производством: для подтверждения этого достаточно вспомнить созданный в СФТИ дефектоскоп для проверки качества рельсов и стальных труб. Новым этапом в развитии таких связей стали комплексные договоры о научно-техническом содружестве коллективов ученых и предприятий. Силами институтов — автоматизированных систем управления и радиоэлектроники и политехнического — создается АСУ «Область»; АСУ технологическими процессами и научными исследованиями, также разрабатываемая томскими учеными, получила высокую оценку президента АН СССР А. П. Александрова. Эти и десятки других исследований ярко иллюстрируют известный тезис Л. И. Брежнева, высказанный им в речи по поводу юбилея АН СССР, что «наука становится материальной силой».

Томск растет. За последние десять лет население его увеличилось в 1,5 раза, и такой темп поставил перед городской парторганизацией ряд сложных проблем, прежде всего, по обеспечению продуктами питания, жильем, коммунально-бытовыми и социально-культурными услугами.

Партия поставила задачу перед развивающимися областями Сибири — обеспечить население основными продуктами питания за счет производства их на месте. Общими усилиями томских партийных, советских органов и всех трудящихся эта задача в области успешно решается. Вокруг города построены птицефабрики и совхозы, обеспечивающие потребности в яйцах, молоке, овощах, картофеле. В десятой пятилетке войдут в строй действующих тепличный комбинат, бройлерная фабрика, комплексы — крупного рогатого скота, свиноводческий, рыбопромышленный. Реконструируется мясокомбинат.

Развиваются транспорт, коммунальное хозяйство, благоустройство города. Здесь нельзя не вспомнить строительство троллейбуса и аэродрома, коммунального моста, систем артезианского водопровода и дальнего теплоснабжения... Без комплексного решения коммунально-бытовых вопросов невозможно наращивание темпов жилищного строительства.

Дворец культуры «Авангард», Дворец зрелищ и спорта, широкофор-

матный кинотеатр «Родина», новый облдрамтеатр вместе с десятками белоснежных зданий новых микрорайонов значительно изменили силуэт города. А на очереди другие новостройки — Дворец пионеров, спортшкола, областная клиническая больница...

Одним словом, в любой сфере жизни нашего города видно, как осуществляется разработанная партией широкая программа социально-экономического развития. Значительное ускорение ее реализации дали поездка по районам Сибири и Дальнего Востока Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и посещение Томска Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

Труд томичей высоко оценивается партией и правительством: за успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании Томск пять лет подряд награждается переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Итак, Томску — 375 лет! И трудящиеся города, самоотверженным трудом отвечая на заботу партии и правительства о его развитии и расцвете, приносят юбилею в дар свои достижения. Томску и томичам есть чем гордиться — и в истории, и в дне сегодняшнем. К сожалению, здесь невозможно назвать сотни славных имен замечательных тружеников промышленности, транспорта и строительства, вузов и школ, науки и культуры, службы быта и общественного питания, невозможно показать в полном объеме результаты их деятельности.

В какой-то мере эти пробелы восполняет сама книга, которую Вы, читатель, держите в руках. Томские писатели и журналисты дарят ее родному городу в день его рождения. Четвертая книга своеобразной библиотечки о тружениках земли Томской, она явилась некоторым итогом деятельности в этом направлении областной писательской организации. Первые сборники: «Стрежовой» — о нефтяниках, «Трудный колос» — о сельских тружениках, «Тяжелая новь» — о рабочих леса, — логически привели к «Любимому городу». (Но заметим в скобках, итог этот — промежуточный, так как впереди — новые книги.)

Да, жизнь наша необъятна, но из нее всегда можно выделить фигуры, в которых, словно в фокусе, видны многие и многие яркие ее черты. И у авторов «Любимого города» их герои являются как бы средоточием лучших человеческих и профессиональных качеств, присущих советским людям. Они живут и работают на своем месте, а мы через них видим завод, стройку, вуз, институт, школу, мастерскую художника... И мы радуемся и гордимся тем, что такие люди есть в нашем городе, в нашей стране.

Секретарь Томского горкома КПСС
Ю. И. ЛИТВИНЦЕВ.

РАБОЧАЯ ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

СКАЗ О ТОМСКИХ ТЕРЕМАХ

*** * ***

По томской земле из конца в конец
Ходила молва когда-то,
Что жил за Ушайкой один купец
Куражливо и богато.
В науке коммерческой зная толк,
Держал в кулаке округу,
А если кутил, то гудел весь Томск...
Но старость сулила скуку.
Обрыдли безумства и блажь кутежа,
Забавы одни и те же.
От скуки, видать, запросила душа
Ее красотой утешить.
А как же утешить ее, коль сам
С тоски и похмелья черен?..
«Пусть будет на зависть другим купцам
Мой терем зело узорен».
А что в разуменье купцу вошло,
Не выбить ничем, известно.

Стал сыскивать знающих ремесло —
Умельцев резьбы древесной.
Нашелся такой. Неказист на вид,
Но смётка в глазах и смелость.
Купец перед ним серебром звенит:
«— Сумей угодить, умелец!..»
Одежка у Кузьки худа, бедна.
В седой бороденке — стружки.
«— Душе, говоришь, красота нужна?..
Как малому — побрякушки?
Да только не всякому красота
Утеху дает в награду —
Лишь тем, у которых душа чиста,
Приносит она усладу.
А ты-то... Да ладно, господь с тобой!..
В охотку, а не в угоду
Украшу твой терем такой резьбой,
Какой не видал ты сроду.»
...Покуда хозяин чай пивал,
Вел счет барышам и тратам,
Кузьма спозаранку пилил, строгал.
Собою доволен, крикал.
Узоры сплетались, теряя вес,
Над стружками воспаряя.
Похоже, не терем вставал, а лес —
Блаженные кущи рая...

* * *

Бывало, купец говорил Кузьме,
На лавку усевшись грузно:
«— Эх, Кузька, труды твои видеть мне
С чего-то смешно и грустно.
Умелых людей завсегда люблю,
С того и тебя жалею:

Создашь красоту, ну а я куплю,
И станет она моею.
Соседи завидовать будут мне
И на красоту дивиться.
Она подчинится моей мощне,
Как все мужской девица».
Кузьма усмехался: « — Однако ты
Рассудком богат не шибко.
Ведь нету хозяев у красоты —
И в этом твоя ошибка.
Любого парнишку резьба моя
Порадует крохой чуда,
Но будет слепа к ней душа твоя,
Чужое в узорах чужа».
Купцу рассужденья Кузьмы смешны.
В своей правоте уверен,
Хочет он хрипло: « — Не будь мощны,
Не вырос бы этот терем!
Гляди-ка, трясины кругом, тайга,
Но плечи расправил город.
Его поднимает моя денга
Из гиблых болот за ворот.
От силы моей, моего ума
Становится город краше...»
« — Денга-то твоя. — отвечал Кузьма, —
Да спины-то гнутся наши».

* * *

На терем купеческий посмотреть
Немало сходилась люда.
« — Ух, батюшки-светы!.. А вправду ведь
И сердцу и глазу любо!»
Купец горделиво ступал на порог:
А чо, мол, не жаль — глазейте!

Вот я, мол, барышник таежный, смог —
Попробуйте вы сумеите!
И зависть мучила других купцов
Да тех, чей кошель потуже.
« — Неужто мы хуже в конце концов?
Ей богу, ничуть не хуже!.. »
...Все тоньше, искусней узора вязь,
Да с выдумкой непростою.
Росли терема, меж собой хвалясь
Затейливой красотой.
Карнизам, башенкам, резьбой
Хвалились, хотя по сути
Не могут хвалиться дома собой —
Богатством хвалились люди.
Но так выходило, что похвальба
На пользу пошла невольно —
Украсила Томск теремов резьба
Причудливо и крамольно.
К свободе и счастью людей звала
Узоров игрой веселой,
Средь мира, где жадность, вражда и мгла,
Была красота крамолы.

* * *

Купец, умирая, позвал Кузьму.
О нем не забыл с годами.
« — Твоя была правда... — сказал ему,
Едва шевеля губами. —
Бывало, гляжу на узора вязь,
И хмурюсь, и вижу ясно,
Что вся моя жизнь — воровство да грязь...
Что прожил ее напрасно...
Другой в моем тереме будет жить,
Блаженствовать без печали...

Хотел было терем со зла спалить,
Да слезы глаза застлали...
И так ведь, известно, за все года
Немало я сделал злого...
Хочу я... свой терем... тебе отда... —
И умер, не кончив слова.
А слуги прогнали Кузьму взашей,
Швырнули вдогонку шапку.
Но шел он с улыбкою до ушей,
Как будто от хмеля, шатко.
Ведь прежде не думал он, может быть,
Бесхитростный мастер Кузька,
Что совесть в кромешной душе будить
Способно его искусство.
Он умер, не много нажив добра
За годы работы честной.
Но в Томске с тех пор повелись мастера —
Умельцы резьбы древесной.
Искусство не меряли на рубли.
Слагая узор, как песню,
Они в красоту обратить смогли
Кичливую блажь купечью.
Творили крамольную красоту
Мозолистые ладони.
Вплетали умельцы в узор мечту
О лучшей, счастливой доле.
В резьбе их и нынче мечта жива.
Над уличной суетою
Парят невесомые кружева,
Плняя нас красотою.

Мечтаю хоть раз испытать восторг,
Нечаянно обнаружив,
Что в сути написанных мною строк
Есть что-то от этих кружев.

СЕРГЕЙ ЗАПЛАВНЫЙ

РАБОЧАЯ ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ

«Города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса», — считал Владимир Ильич Ленин.

Триста с лишним лет экономическая жизнь Томска строилась исключительно на пригородном хлебопашестве, транспортных перевозках, торговле и кустарном производстве одежды, домашней утвари, несложного сельскохозяйственного и прочего инвентаря. И лишь после Великой Октябрьской революции появилось здесь крупное промышленное производство — металлоделание и машиностроение.

Случилось это в феврале 1920 года, вскоре после освобождения города от интервентов. Президиум вновь организованного Томского губернского совета народного хозяйства постановил: создать на базе учебно-производственных мастерских Томского технологического института Первый томский машиностроительный завод. Первый — с заглавной буквы. Стало

быть, крепко верили совнархозовцы: будут и Второй, и Третий, и Четвертый...

Поистине страшное время переживал в ту пору разграбленный, изувеченный колчаковцами Томск. Железнодорожная ветка до Тайги бездействовала — зияли рваными ранами развороченные пути, чернели опрокинутые вверх колесами вагоны. Нет продовольствия и топлива. Захлебнулись без сырья и оборудования маломощные предприятия сбегавших заводчиков, пришли в негодность многие жилые и «присутственные» здания. Из последних сил хрипел проржавевшими легкими водопровод, надолго заходил в астматическом кашле. Промерзший, голодный, охваченный эпидемией тифа город по ночам погружался в кромешную темноту — слабая электростанция работала с продолжительными перебоями, а керосина для фитильных ламп не было.

И все же победивший пролетариат нашел в себе силы преодолеть, казалось бы, непреодолимое — остановить голод, холод, разруху, тиф. Более ста продовольственных отрядов и рабочих дружин отправил он за помощью в окружающие села. Хлеб нужен был не только Томску, но и другим промышленным центрам страны.

Беспечному скакуну, изображенному на гербе Томска, вновь — в который уже раз! — пришлось превратиться в извозного коня. Правда, на этот раз рядом с ним в повозки с дровами и продовольствием впрягались изможденные, оборванные, но сильные общей силой, неунывающие люди. В безжалостные крещенские морозы начали они восстанавливать разрушенные коммуникации города, возводить новые, рассчитывать и достраивать подъездные пути. Железные люди эти не оборонялись, не выжидали — они наступали, а потому победили.

Нелегко далась эта победа. Всего тридцать рабочих смог набрать в пору своей организации томский «Машинстрой», но каждый из этих тридцати имел опыт не только литейной, станочной, слесарной и столярной, но и подпольной больше-

вистской работы, опыт нищеты и бесправия, опыт борьбы за Советскую власть. Они не прекращали активной борьбы с врагом даже в самые кровавые дни белого террора: ремонтируя пулеметы, подтачивали бойки и возвратные пружины, подсыпали толченое стекло в подшипники броневиков.

Старый кузнец Ваганов обычно сдерживал своего юного подручного молотобойца Сашу Мануйлова, когда тот сообщал о готовности к поковке будущей шестерни: «Повремени маленько, парень, не прогрелся как след. Соображать надо! Дуй еще, не ленись!» И тот, радостно подмигнув учителю своему, с охотой хватался за ручку меха, изо всех сил старался перекалить металл...

Другое дело — свой, пролетарский завод!

Давним авторитетом среди первых машиностроителей пользовался Михаил Степанович Бирюков. Свой трудовой путь начал он в девять лет — коногоном на одном из уральских рудников. 1905 год встретил в колоннах бастующих. Токарил на различных заводах и шахтах Сибири, за вольнодумие и подстрекательство к бунтам получил «волчий билет», прошел солдатчину, в Томске вместе с Угрюмовым и Солдатовым стал одним из организаторов нелегального союза металлистов. Рождение завода встретил как самый большой в своей жизни праздник. Работал всласть, днюя и ночуя в мастерских, и все никак не мог наработаться.

Уже через несколько месяцев после своего рождения Первый томский машиностроительный завод начал выдавать 157 пудов литья в сутки — не только для собственных нужд, но и для Кузбасса. Заработали кузнечный и механический цеха. И вот уже с помощью завода отремонтированы три крупные госмельницы, налажено изготовление крупнорушек, бытовых чугунных печек, топоров, колунов, вил, скородок, пружин и шестерен к сепараторам, запасных частей к самым различным механизмам, собран первый строгальный станок собственного производства — достижение для разрушенного города поистине удивительное.

Но всего через семь лет томские металлисты намного превзойдут этот свой скромный рекорд: они осваивают производство полутонных весов, дорожных катков, нефтебаков, бревнотасок, сверлильных станков, а сверх того — по чертежам конструкторов-любителей Томского технологического института изладят самый что ни на есть настоящий самолет с мотором оригинальной конструкции, и он взлетит над улицами родного города — над Воскресенской горой, над площадью Революции, над Лагерным садом. И долго будут провожать его раздумчивыми взглядами привыкшие ничему не удивляться жители «Сибирских Афин».

Участвовал в создании этого необычного самолета и многих других «чудес» и М. С. Бирюков, к тому времени ставший мастером-инструктором по токарному делу. Свое инструкторство он начал с того, что привел в родной цех и обучил собственной профессии старшего сына Вениамина. Ему и передал свой станок. В сменщики к Вениамину пришел Геннадий. Судьба отца стала судьбой его сыновей, работа по металлу — семейным делом. Но и талант воспитателя, организатора, активиста они получили в наследство от него же.

Уверенно поднимался по ступенькам жизни Михаил Степанович, уверенно вел за собой молодых. Не случайно из мастеров-инструкторов он шагнул сразу в кабинет заместителя директора завода по кадрам. Бирюков считал, что в его кабинете рабочие должны приходить в любое время, если нужно посоветоваться, решить острые вопросы. Сам же не ждал, когда обратятся к нему, а старался чаще бывать в цехах, помогал, организовывал...

Однажды во время обеденного перерыва Бирюков застал рабочих механического цеха в полном составе. Они митинговали.

Михаил Степанович сразу догадался, о чем речь. Завод задолжал лесозаготовителям партию бревнотасок. Изготовить их необходимо в самые сжатые сроки, не останавливая остального производства. Но как, за счет каких резервов?

— Ты вот что, сынок,— подошел к Вениамину Михаил Степанович.— Поменьше горячись. Выход тут один — вдвое увеличить выработку. Только соперник тебе нужен хороший. Без соперника тебе не справиться.

— Был бы ты рядом,— пожалел Вениамин.— Я бы с тобой посоревновался.

— Буду,— кивнул Михаил Степанович.— Значит так, подбери себе ребят понадежней. Посоображайте, как и что. А я старичков соберу. Вот и посмотрим, кто кого.

На следующий день Бирюков запер свой кабинет — раз такое дело, кадровые вопросы можно решить в явочном порядке, у станка, и пошел собирать «старичков» своего далеко не пенсионного возраста.

Началась острая, взбудоражившая весь завод борьба. Бригада Вениамина выполнила за день полторы нормы, бригада Михаила Степановича дала две. Тогда Бирюков-младший смекнул: а что если обрабатывать детали для бревнотасок двумя резцами? Мысль оказалась дельной. Она добавила ему и его товарищам еще по 15 «пальцев» в смену — ровно полнормы. Но и Бирюков-старший не терял времени зря. «Старички» под его началом изменили последовательность операций и снова ушли вперед — три нормы в смену. Такого на заводе еще не бывало.

Дома Михаил Степанович шутил:

— Ешь, Веня, крепче, а то силенок маловато, старичков обогнать не можете.

— Смотри ты, старички нашлись,— крутил головой Вениамин.— Дайте срок, достанем да еще и заплаток наставим.

Свое слово он сдержал: последние триста «пальцев» бригада Вениамина изготовила с рекордной выработкой — за смену.

Так родилась в Томске первая комсомольско-молодежная бригада, так зародилось здесь движение за ударный труд, рационализаторство и изобретательство. Его подхватили рабочие дрожжевого, кирпичных, кож-, лесо- и стекольных заводов, спичеч-

ной, махорочной и других фабрик, восстановленной «Электrolампы», железнодорожного депо, автотранспортного пассажирского предприятия...

В июне 1930 года начал свою работу XVI съезд ВКП(б). С удовлетворением отметили его делегаты успехи социалистической индустриализации по всей стране. В том числе и в Сибири. Особой строкой в документы съезда было вписано решение о создании на Урале и в Кузбассе мощной, технически оснащенной угольно-металлургической базы.

Это определило дальнейшую судьбу многих сибирских предприятий, в том числе и томского «Машиностроя», переименованного к тому времени в «Металлиста». Из небольшого ремонтного завода он должен был превратиться в крупное подразделение горношахтного машиностроения, а это невозможно без коренной реконструкции старых производственных площадей, без возведения новых цехов и подсобных помещений, без замены заводского оборудования. 2,5 миллиона рублей — таковы масштабы работ по перестройке «Металлиста» в денежном выражении. Но любые деньги мертвы без горячей заинтересованности, без энтузиазма и любви к своему делу, к будущему этого дела.

Томские машиностроители сделали все для того, чтобы в мае 1932 года ожило, застучало сердце обновленного «Металлиста» — литейный, кузнечный и механический цехи, чтобы шахты Кузбасса получили механизмы, облегчающие труд угледобытчиков, а в городе родилось еще одно промышленное предприятие — весовой завод.

Первое отечественное сверло марки томских конструкторов-рационализаторов Б. В. Суднишникова и А. В. Батуева вручил знатному прокопьевскому шахтеру Вениамин Михайлович Бирюков, признанный вожак заводской комсомолки.

Старые кадровые рабочие много сделали для воспитания достойной смены. Отмечая 45-летний производственный юбилей первого Героя Труда в Томске, городской комитет так оценил заслуги Бирюкова-старшего: «В облике Михаила Сте-

пановича четко вырисовываются черты нового социалистического работника, воспитанного партией, рожденного пролетарским революционным движением. Молодежи наших фабрик надо учиться у передовых энтузиастов-ударников, каким является и старый токарь Бирюков».

И молодежь училась. Училась правофланговая стахановского движения формовщица А. Губина, учились кузнец А. Кустов, сверловщик А. Таценко, мастер В. Резцов. Учился изобретатель, будущий лауреат Государственной премии, А. П. Гришин. Даже директор Томского индустриального института К. Н. Шмаргунов, конструктор первого отечественного электроотбойного молотка «КНШ», считал Бирюкова своим учителем.

В 1934 году выдала первую продукцию фабрика карандашной дощечки. Это позволило резко сократить, а затем и вовсе прекратить ввоз ценного сырья из-за границы. Каждые два карандаша из трех в Советском Союзе стали изготавливать из томского кедра.

На протяжении двадцати лет электромеханический завод (он же «Машинстрой» и «Металлист») не имел в городе «коллег» в области машиностроения. Лишь в 1940 году Народный комиссариат электромашиностроительной промышленности принял решение о строительстве в Томске предприятия союзного значения для выпуска электродвигателей комплектно с аппаратурой — «Сибэлектромотор».

Площадка для будущего завода была выбрана в районе главной железнодорожной станции. Томские ученые под руководством профессора М. И. Кучина исследовали здесь грунты. Партийный и исполнительный комитеты объявили общественный призыв на ударную стройку города.

Весной 1941 года был заложен фундамент первого корпуса, построена водонапорная вышка, сколочены деревянные домики столовой и конюшни. Большого сделать не удалось — началась Великая Отечественная война. Строители добровольцами ушли на фронт, работы на стройке замерли.

А уже в августе из Ленинграда прибыли первые эшелоны с оборудованием двух цехов прославленного завода «Электросила» (остальные цехи были эвакуированы в Свердловск, Новосибирск, Баранчу и другие города). Электросиловцы ехали с уверенностью, что в Томске их ждут корпуса только что возведенного завода. Но завода не было. Его еще предстояло построить.

Август выдался дождливым, черная жижа затопила неблагоустроенные привокзальные улицы. Оступались, падали на выбоинах лошади. Разбрызгивали грязь многотонные тракторы. В грохоте и лязге, в надсадном ржании и хлюпающих всплесках тонули голоса людей, по-бурлацки впрягшихся в стальные листы с громоздким заводским оборудованием. Жители многих мест страны сошлись на этой тяжелой разъезженной трассе, которую вскоре сковал непрочный ледок и коварно присыпал снег.

Немногочисленные сотрудники строящегося электромоторного завода встречали рабочих «Электросилы», затем Ярославского электромеханического завода и Московского электромоторного завода имени И. И. Лепсе. Рабочие электромеханического принимали ленинградскую «Пневматику», контопский «Красный металлист» и Харьковский завод маркшейдерских инструментов. Специалисты весового завода и мастерской по восстановлению шарико-роликовых подшипников — часть московского «Фрезера» (ныне инструментальный завод) и Первого подшипникового завода (теперь Томский ГПЗ-5).

Москвичам достались бывшие солдатские казармы в районе Лагерного сада и станции Томск-II. Построенные основательно, из красного кирпича и камня, они не требовали коренной перестройки — на первых порах достаточно было снять мешающие перегородки. Семьи военнослужащих и рабочих пришлось расселить из корпусов в другие помещения, склады рассредоточить по городу.

В старинном здании у базарной площади разместил свои цехи московский завод «Красный богатырь» (Томский завод

резиновой обуви). А эшелоны с эвакуированными предприятиями и учреждениями все прибывали и прибывали...

Всего за несколько месяцев неузнаваемо изменился облик города. Посуровели глаза горожан. Иной стала одежда. Переселенцы, не подготовленные к суровой зиме, кутались в куски старых одеял, в платки. Чтобы не застудить ноги, поверх летних ботинок наматывали они обрывки белья, плетенки из коры и травы, натягивали рукава старых промасленных ватников. Немногим лучше выглядели и старожилы. Теплую одежду и обувь поновей они отправили в помощь фронту.

«У нас не может быть теперь «мирных предприятий», — писала в те дни «Правда». — Каждый завод, каждая фабрика должны работать для удовлетворения военных нужд».

Именно так и жил в ту пору Томск. Несмотря на огромные лишения, к концу 1941 года он начал давать обороне страны не только продовольствие, обмундирование, махорку, но и собственную военную продукцию.

Ушли на фронт Вениамин и Геннадий Бирюковы, и тогда на электромеханическом заводе к отцовскому станку стал шестнадцатилетний Борис. Это и его труд лег в общую копилку коллектива, сумевшего отчислить сверх плановых заданий деньги на постройку танковой колонны «Боевая подруга» и пикирующего бомбардировщика. Это и к нему, и к его сверстникам обращены были слова знаменитого исследователя Севера: «Дорогие товарищи, шлю вашему замечательному коллективу от имени армии советских полярников привет и благодарность за успешное выполнение специального заказа для Арктики. Желаю вашему коллективу завода новых производственных успехов в общем деле трудящихся нашей любимой Родины, скорейшей победы над трижды проклятыми фашистскими зверями. Крепко жму ваши руки. Ваш ПАПАНИН».

Семнадцатилетней девчонкой с эшелонами «Фрезера» добралась до Томска вчерашняя текстильщица Тамара Лапшова, да так с инструментальщиками и осталась. Несмотря на молодость, она успела повидать разное — тушила немецкие за-

жигалки на крышах родного Подмоскovie, рыла окопы на Можайском направлении, пережила смерть товарищей. Делала Лапшова то, что в этот момент было нужнее всего: возила, копала, рушила, строила, а потребовалось — стала шлифовщицей, освоила работу на затыловочном станке цеха сверл. Того самого цеха, что еще до рождения завода изготовил первую партию режущих инструментов.

Рядом с Тamarой начинал свой рабочий путь первый томский «тысячник» (не менее 10 норм за смену!) четырнадцатилетний Володя Меркулов. Чтобы дотянуться до рукояток сверлильного станка, ему приходилось подниматься на специальную подставку.

Вслед за матерью в первый, смонтированный уже к 24-й годовщине Октября, цех «Сибэлектромотора» пришли Толя и Юра Столяровы. Встали к станкам вчерашние школьники Ольга Рудченко, Тоня Судакова... Заменяли ушедших на фронт мужчин О. О. Никифорова, Н. А. Склокина, М. А. Антонова и многие другие женщины. И вот долгожданная победа: собран первый мотор.

Почти одновременно с сибмоторовцами выдали свою первую продукцию подшипниковцы — 30 200 изделий. Кольца для многих из них выточил Иван Тимофеевич Ситников и его безусые ученики-мальчишки, добровольцы трудового фронта. Г. Скороходов, мастер ГПЗ-5, напишет позже:

Мы не воевали в сорок первом,
Не носили серую шинель.
Воем мин нам не трепало нервы,
Не рвалась над головой шрапнель...

Да, не рвалась. Но было другое: непогода обрушивалась сквозь недостроенные перекрытия заводских корпусов ливнями, снегом, пронизывающим ветром. Приходилось сооружать над станками навесы. Тяжелый, зачастую ручной труд, постоянное недоедание, перенаселенность, неустроенность. Вышая награда за ударные производственные показатели — валенки, отрез на платье, шапка-ушанка, уголь, а иногда и жи-

вой поросенок... (В приказах военных лет так и писалось: «премировать живым поросенком» или — «премировать ведром картошки»...)

В 1943 году, проводив отца и братьев на фронт, пришел слесарить на «Сибэлектромотор» Боря Степанов. Было ему в ту пору пятнадцать лет, но на правах старшего в семье он принял на свои плечи взрослые мужские заботы. Как и многие другие его товарищи, скудный рабочий заработок Степанов ухитрялся делить между семьей и фронтом.

Томские моторостроители сумели в годы войны выпустить 67 324 мотора в фонд обороны, 60 915 — для нужд тыловых предприятий и сверх того — собрать 79 тысяч рублей на авиаэскадрилью «За Родину», отправить на фронт сотни посылок с теплыми вещами, табаком и телеграфно-короткими письмами: «Крепче бейте фашистских гадов, а мы не подкачаем!»

Как тут не вспомнить слова М. И. Калинина: «Только благодаря созданию прекрасных кадров мы сумели быстро развернуть и перестроить промышленность на массовое производство всего необходимого для фронта, для победы!»

Но и военную промышленность перестроить на производство мирной продукции оказалось не менее сложно. Среди тех, на чьи плечи легла эта задача, была четырнадцатилетняя Эля Быкова. В конце 1945 года, оставшись без родных и близких, она постучалась в отдел кадров Томского манометрового завода и неуверенно сказала: «Хочу работать». Ей поверили — действительно, хочет. А возраст? Что же, дело наживное. Завод очень нуждался в таких, как она, и Быкова нуждалась в большом рабочем коллективе.

По-прежнему в заводских цехах работали все больше подростки и женщины, но уже начали возвращаться к мирному труду фронтовики. В Томское вагонное депо пришел вчерашний снайпер старший сержант Владимир Гладилов. На его гимнастерке поблескивали три боевых медали и орден Славы.

Так же встали на прежние рабочие места слесарь-инструментальщик районной электростанции № 2 Николай Андре-

вич Старков, слесарь-трубоукладчик Томского строительно-монтажного управления № 5 Федор Трофимович Галушак, братья Бирюковы и многие другие.

Первый год четвертой пятилетки более тысячи бывших фронтовиков выполнили уже к 1 сентября. Это значило: страна получила досрочно тысячи подшипников, электроламп, сотни электросверл, бурильных молотков, манометров, скреперных лебедок, бурсобоечных станков, масляных насосов и других изделий с маркой томских заводов.

13 января 1947 года старейшему машиностроительному заводу города — электромеханическому — было присвоено имя Героя Социалистического Труда Василия Васильевича Вахрушева. Будучи министром угольной промышленности восточных районов страны, Вахрушев очень много сделал для развития в Сибири шахтного приборостроения. Он хорошо знал и любил томичей, собирался приехать в старинный студенческий, а теперь и крупный промышленный город, но внезапная смерть не дала осуществиться этим планам. И все же он встретился с сибиряками, навсегда стал томичом: его одухотворенное лицо, его внимательные, всегда бодрствующие глаза обращены к тем, кто шагает сегодня по главному проспекту города — Ленинскому...

Удивительно устроена человеческая память: она с готовностью забывает плохое и бережно хранит в своих глубинах все лучшее, достойное уважения и внимания. Томичи по праву гордятся тем, что в их городе выросли Герои Социалистического Труда обмотчица О. О. Никифорова, токарь М. Я. Зудин, слесарь Б. И. Степанов, формовщица В. М. Горемыкина с «Сибэлектромотора», заточница завода режущих инструментов Т. П. Лапшова, токарь В. П. Гладилов, слесарь-инструментальщик Н. А. Старков, бригадир слесарей-трубоукладчиков СМУ-5 Ф. Т. Галушак и другие правофланговые.

Около тридцати лет возглавлял Томский электроламповый завод Алексей Тимофеевич Иванов, человек с самой распространенной в нашей стране фамилией. Рабочий-стеклодув, за-

тем инженер, в 1941 году он организовал новый завод, буквально вынырнул его, сделал образцовым предприятием. Уже нет среди нас Алексея Тимофеевича, но каждый день сотни электроламповцев проходят мимо памятной стелы, воздвигнутой в честь него у заводской проходной.

А именем Михаила Степановича Бирюкова, родоначальника прославленной рабочей династии, названа одна из улиц...

Томск всегда неожиданен. Знакомясь с ним, непременно знакомишься с его лучшими людьми и с его историей.

Техническая улица, Подшипниковый и Производственный переулки... Названия, как путеводные нити, безошибочно выводят к подшипниковому заводу. Красный, отполированный временем кирпич, узорная кладка — вот и все, пожалуй, что осталось здесь от прошлого. Рядом — современные здания из стекла и бетона.

Транспортная, Железнодорожная, Новодеповские — Первая и Вторая улицы, Паровозный, Путевой, Транспортный, Локомотивный, Вагонный переулки...

Раздвинулась, расцветилась новыми предприятиями карта промышленного Томска, легли на нее не требующие особой расшифровки обозначения: Рабочие, Шпальная, Водопроводная, Пропиточная, Энергетическая, Мельничная, Трудовая улицы, Автомоторный, Асфальтовый, Моторный, Спичечный, Типографский, Кабельный, Заводской и другие переулки. Но уже поднимаются корпуса первых заводов Томского нефтехимического комбината — гиганта отечественной промышленности. В его проектировании, которое ведется одновременно со строительством, участвуют тридцать проектных организаций страны. В 1980 году даст первую продукцию завод полипропилена (его мощность 100 000 тонн в год), затем будут пущены завод метанола и другие. Появятся новые промышленные и жилые кварталы, получат названия новые улицы и переулки. И нет сомнения в том, что среди этих названий весомо зазвучат и имена лучших рабочих города...

ЛЕОНИД ЛЕВИЦКИЙ

ОДНАЖДЫ И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Вечером, когда спадает напряжение первой смены, полуопустевшие цехи словно становятся просторнее: меньше света, движения, шума. Тем заметнее выделяются горделиво возвышающиеся, ярко освещенные, не умолкающие прессы на штамповке. Удар, удар, еще удар!.. Спокойно, размеренно, как пульс отлично тренированного человека. Только куда человеку до этого технического исполина, доставленного на «Сибэлектромотор» через большие расстояния и за большие деньги.

Удар, еще удар!.. Торопится под штамп металлическая лента, чтобы блеснуть через секунду ажурными кружками. Один кружок побольше, второй — поменьше. Побольше — лист статора, поменьше — ротора. Вот так, прямо на глазах рождается сердцевина будущего электродвигателя. Где-то потом он даст движение станкам, машинам, самому разнообразному оборудованию. Понятна гордость сибмоторовцев: на томских двигателях «крутится» вся металлургия страны, томские

моторы и под землей, и на далекой Луне не подкачают. Есть право гордиться: 650 тысяч двигателей в год, и почти на каждом втором — государственный Знак качества!

...Пресс играючи расправляется с металлической лентой. Можно стоять пять, десять минут — автомат знай выбрасывает ажурные кружки: побольше, поменьше. Миллиметр в миллиметр, да что там миллиметр — десятые доли его, и те совпадают у первого, тысячного или миллионного кружка. Точно, быстро, надежно! Не на таких ли исполинах современное производство держится?

Я без сомнения ответил бы утвердительно на этот вопрос, если бы... Если бы несколькими минутами раньше не разговаривал в соседнем инструментальном цехе с представителем чисто «ручной» профессии — слесарем-инструментальщиком Борисом Ивановичем Степановым. И вот теперь мысли мои невольно рождали картины в «параллельном монтаже», весьма частом в сегодняшнем кино и телевидении: один кадр — гигант-пресс, кадр второй — человек в пушистом свитере, склонившийся над верстаком... Сверкнув, падают металлические кружки вырубки... Уверенное движение напильника по темной металлической заготовке. Раз, другой, третий...

Что общего, казалось бы, между традиционным напильником и громадным станком, вобравшим в себя новейшие технические достижения? Оказывается, немало. Борис Иванович делает сложнейшие штампы для этого самого прессы. Делает инструмент, без которого пресс не может обходиться. Точность, надежность, производительность — все эти качества работы прессы проявляются, в конечном счете, благодаря рукам Степанова, благодаря его опыту, его мастерству.

Штампы для прессов готовят и товарищи Бориса Ивановича. Их участок называется — мастерская для изготовления активных штампов. В ней всего двенадцать человек, и они обязаны обеспечить инструментом все прессовое хозяйство завода. Обычная работа. Нелегкая физическая работа, требующая от человека очень многого: умения понять самый слож-

ный чертеж, представить в своем воображении всю конструкцию во взаимодействии составляющих ее частей и — воспроизвести все это в металле, оперируя обычными напильниками. Потом остается совсем немного — собрать из деталей конструкцию. «По чужим мыслям», — поправляет меня Степанов. Да, по чужим. Но и без своих не обойтись. (Не буду приводить примеры, когда слесари-инструментальщики выявляли ошибки в конструкторской документации. У Бориса Ивановича такое тоже случалось.) Отличная, на пределе возможного, работа слесаря-инструментальщика — искусство, требующее и вдохновения, и профессионального мастерства. Из-под напильника выходят такие изделия, что не устаешь любоваться, восторгаться и завидовать...

Мастера-чудесники были, есть и останутся. Без человеческих рук промышленное производство, не говоря уже о сфере обслуживания, не обойдется. Помнить об этом необходимо хотя бы потому, что происходит, думается, не совсем оправданное изменение отношения к физическому труду. Наше увлечение разговорами о научно-технической революции, ее последствиях, экономических и социальных, о всемогущих компьютерах, роботах, сплошной автоматике и телемеханике не может не сказываться на сознании. Особенно — на сознании вступающих в жизнь, на их оценках и поиске своего места. Сотни и тысячи молодых стремятся избежать профессий, связанных с физическим трудом. Такая закономерность существует. Социологи, выясняя престижность профессий, установили: специальности токаря, шлифовщика, любого станочника не поднимаются выше пятидесятого места.

Мы говорили со Степановым на эту тему. Она его очень волнует, ведь кадровый рабочий не может не думать о своей смене, о тех, кто продолжит его дело.

— Когда-то попасть в ученики к слесарю-инструментальщику за большую удачу считалось. По себе знаю. Сегодня молодые не тянутся к инструментальному делу. Нередко, даже поработав год-другой, уходят. Сложная работа. Путь к высо-

ким заработкам долгий и непростой. На любом другом участке завода зарплата у начинающих заметно повыше. Вот и уходят, не успев проверить себя, полюбить дело. Еще недавно нас выручало техническое училище — готовило слесарей-инструментальщиков. Нынче его закрыли. Через год-другой и наш завод, и соседний на себе испытают неразумность решения. Уже и сейчас предприятие у предприятия переманивает инструментальщиков. Растить-то их ведь годы нужны.

— Борис Иванович, к вам, наверное, тоже с предложениями подступали?

— Никогда даже не думал об этом. Работал до армии в инструментальном. По комсомольскому призыву отслужил на подводном флоте. Вернулся на завод, в свой инструментальный — куда же еще! Мне повезло с первого дня: хороший у нас коллектив, — уточняет Борис Иванович. — Переходы чем вызываются? Материальными недостатками или душевной неудовлетворенностью. Правда, бывает, извините за грубость, и с жиру бесятся. Думают, что где-то меньше работают и больше получают...

Я далек от мысли канонизировать взгляды Бориса Ивановича Степанова. У каждого они — свои. Человек вправе искать себя на производстве и производство по себе. Одним надо поднимать нефтяную целину, строить БАМ. Другим — принимать на свои плечи груз директора и даже министра. В том и вечная сила нашего строя, что он создает условия для полного раскрытия способностей и таланта советского человека. Об этом еще раз убедительно и ярко сказано в новой Конституции. Когда ведется речь о профессиональной ориентации школьников, о приближении школы к трудовой жизни, о развитии системы технического обучения, никому и в голову не приходит бесповоротно предопределять жизненную линию молодого гражданина Страны Советов. Однако, вовлекая его в народное хозяйство, в трудовой коллектив, необходимо помочь ему именно здесь найти свое призвание, закрепиться, ощутить свою полезность. Свою личность.

На заводе мне довелось услышать о Степанове: Борис Иванович — Личность с большой буквы. Что скрывается за такой оценкой, чем определяется значимость, авторитет личности? В общественных науках есть такой термин: активная жизненная позиция. Если коротко раскрыть его, это — высокосознательная творческая трудовая и общественная деятельность. В качестве примера может служить жизнь Бориса Ивановича.

Судьбу Степанова, как и всего поколения, во многом определила Отечественная война. Она подняла рабочих Ярославского электромашиностроительного завода и перебросила через полстраны — в Сибирь. Его отец, Иван Антонович Степанов, опытный рабочий, слесарь-сборщик, мать, Наталья Ануфриевна, машинистка, старший брат Александр вместе со всеми начинали «Сибэлектромотор». Правда, в те военные годы своего названия у предприятия не было — просто номер. В 1942 году, после семилетки, пришел на завод еще один брат — Владимир.

Начала складываться рабочая династия. Но жизнь мгновенно и круто все поломала. Стал водителем танка и погиб Александр. В том же году умер Иван Антонович. Тогда товарищ отца, слесарь Николай Константинович Сорокин, и взял в свою бригаду несовершеннолетнего Бориса. Сразу проявились основные качества подростка: способность, настойчивость. Быстрее других доверил ему Николай Константинович разметку матриц под сверление. Работая, Борис сдал экзамены за седьмой класс.

Брата Владимира призвали с завода в армию, направили в училище. Сейчас он полковник в отставке, живет далеко от Томска. Борис Иванович навсегда связал свою судьбу с Сибирью, Томском, заводом. После флота работал и заочно закончил среднюю школу. Спустя восемь лет получил диплом с отличием техника-технолога по холодной обработке металла.

— Чувствовал, что надо учиться дальше, — вспоминает

Борис Иванович.— Да и штампы становились все сложнее, новых знаний требовали. Вот и пошел в вечерний техникум.

В 1955 году коммунисты завода приняли Степанова в свои ряды.

— Я очень благодарен товарищам, которые постепенно втягивали меня в общественную жизнь. Давали разовые поручения, помогали, объясняли, как выполнить. Бывает же иной раз: дадут человеку задание не по силам или характеру, он сорвется — и потом всю жизнь осторожничает.

День ото дня его «общественная жизнь» становилась все интенсивнее. Борис Иванович был членом бюро цеховой парт-организации, ее секретарем, членом бюро горкома, сейчас он член обкома партии. На XV и XVI съездах профсоюзов Борис Иванович избран членом ВЦСПС. Ему довелось представлять советские профсоюзы в зарубежных поездках. При всем этом его производственные показатели неизменно высоки...

Между прочим, в тот декабрьский вечер 1978 года, с которого я начал рассказ, мы встретились со Степановым в цехе в поздний час. Слесари-инструментальщики давным-давно разошлись. Во всем цехе гудело только несколько металлообрабатывающих станков.

— Борис Иванович,— спрашиваю в конце разговора.— Почему вы так поздно здесь? В цехе ведь одна смена?

— Ее-то мне и не хватает,— улыбнулся Степанов.— Мне приходится слышать иногда, мол, вечерами проценты нагоняю. Не нагоняю, а догоняю. Привычно считать: днем — работа, вечером — общественные поручения. Не всегда так. Нынешний месяц выдался очень напряженный по общественной линии. Несколько смен не работал, впереди — поездка на пленум ВЦСПС. А у меня есть свой личный производственный план, и я его должен обязательно выполнить. Не было такого, чтобы не выполнял...

«Не было такого, чтобы не выполнял...» — в этой фразе весь Степанов.

О таких людях, как Борис Иванович, как многие его то-

варищи-заводчане, говорил Л. И. Брежнев на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы: «За последние годы в огромной мере возросли не только общая культура и профессиональное умение трудящихся, но также их политическая зрелость. Они хорошо разбираются в вопросах внутренней и внешней политики, имеют немалый опыт, научились видеть, где реальная программа, а где утопические обещания, и понимают, что скрывается за внешней стороной событий...»

В главном документе рабочего человека — в трудовой книжке Б. И. Степанова в графе о приеме на работу одна запись от 8 марта 1943 года: «Принят учеником слесаря в цех № 9». Дальше — передвижение по профессиональной лестнице: «Присвоен разряд... Присвоен разряд...» Он остался верен раз и навсегда выбранной профессии.

Первая, очень дорогая награда получена им в 1945 году (многие его семнадцатилетние сверстники тогда с гордостью получали ее) — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Потом, позже, в его трудовой книжке появились строки о награждении орденом Трудового Красного Знамени, Ленинской юбилейной медалью. В марте 1976 года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...В штамповочном цехе все так же неустанно и ритмично стучит пресс, выбрасывая ажурные металлические кружки. Побольше — для статора, поменьше — для ротора. Я всегда с восхищением смотрю на этот образец современной технической мощи. Но еще большее восхищение вызывает во мне рабочее мастерство человека. Как, оказывается, это много: обычный напильник и темная металлическая заготовка в умелых рабочих руках!

ВАДИМ МАКСЕЕВ

ВЫСОТА

Есть у нее давнишняя карточка — запечатленная фотографом частица праздничной Первомайской демонстрации. В шеренге рослых, плечистых строителей идет она сама, миниатюрная, хрупкая, похожая на девочку-школьницу рядом со взрослыми учителями. Впрочем, тогда она в самом деле еще училась работать у тех, кто шел с ней в колонне солнечным весенним днем, делала первые шаги к высоте, на которую предстояло потом взойти. Через пятнадцать лет Валентина Павловна Костебелова напишет:

«В жизни мне довелось узнать много обыкновенных и в то же время необыкновенных людей, талантливых, обаятельных, одержимых работой, глубоко преданных нашему общему делу. О некоторых из них я могу сказать: это мой учитель. Я счастлива, что они мои современники, что мы работаем вместе. Вероятно, я была бы невозможна без них так же, как каждый из них немислим без остальных. Невозможны

были бы все мы без нашей жизни, без завоеваний нашего народа».

С позволения Валентины Павловны я приведу еще не одну выдержку из ее тетрадей. Написанное в них — не дневники в обычном понимании слова, не столько хроника жизни, сколько ее мысли о месте человека на земле, раздумья о нашем времени, об искусстве, о своей профессии. В десятках торопливо исписанных тетрадей ее видение мира, отношение к людям, собственное понимание смысла жизни. «Не люблю слова — дневник, для меня это гораздо большее. Я не могу хоть сколько-нибудь находиться в состоянии бездумья, не жить напряженной духовной жизнью. Эта работа в тетрадях — работа над собой, душевная разрядка, учеба. Это простор в себе и накопление сил. Каждый день хочется подняться на ступеньку выше».

Она пишет более пятнадцати лет, и этот разговор наедине с собой, со своей совестью стал для нее такой же потребностью, как ее работа.

В детстве она была замкнутой и впечатлительной, остро воспринимавшей красоту природы и музыку, любила добрых и ласковых учителей, заменивших ей рано умершую мать, и сама в те школьные годы хотела стать учительницей. Потом, учась в ФЗО на прядильщицу, мечтала стать летчицей. Эта мечта летать оставалась долго. Уже работая в Томске, она попыталась ее осуществить, но в клубе ДОСААФ ей отказали из-за слабого здоровья и малого роста.

Когда она приехала в Томск, после войны прошло уже двенадцать лет. Я написал «прошло уже», но, вероятно, следовало сказать не «уже», а «всего», ибо двенадцать лет — срок жизни, большой для человека, но малый для страны, чтобы восстановить все нарушенное тяжелой невзгодой. Поколению, чье детство опалила война, нелегко досталось и в юности. Осиротевшим, сполна хлебнувшим лиха, довелось полагаться в основном на свои еще не окрепшие силы и делать выбор в жизни самим. Родом Костебелова из-под Курска, до

того, как приехать в Томск, поработала прядильщицей в Подмоскowie, на железнодорожной станции в Казахстане, но теперь давно считает себя сибирячкой. Даже если вести счет прожитому лишь годами, то здесь, в Сибири, прошла большая часть ее жизни. Впрочем, есть для жизни и другие мерки.

«...Не думала я тогда, что Томск будет для меня счастливым городом и станет моей судьбой, не знала, что здесь живут люди, которых потом полюблю на всю жизнь, не представляла, что долгие годы мне предстоит строить этот город. Сейчас порой уже кажется, что никогда не было тут окраинных пустырей, старых приземистых строений, обнесенного забором рынка, а всегда были десятки таких знакомых раздвинувшихся, помолодевших улиц, высился сверкающий белокрылый драмтеатр, простирались новые микрорайоны, каждый из которых сам по себе похож на город... Иногда я прихожу туда, где вместе со своими товарищами построила десятки домов, сажусь где-нибудь у подъезда на крашеную скамеечку, любуюсь уютом, сложившейся атмосферой жизни. Игралы дети, бабушки стерегут маленьких внучат, и от всего этого светлого, хорошего щемит сердце. Встреча с когда-то построенными домами, школами, детскими садиками, театром — для меня это встреча с молчаливыми друзьями, со своим далеким и близким прошлым».

Здесь в Томске она, крановщица треста «Спецстроймеханизация», стала знатым строителем, коммунистом, делегатом XXIV съезда КПСС. Здесь ее избрали депутатом Верховного Совета РСФСР. Здесь удостоена орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени...

А двадцать лет назад, маленькая, худенькая, она жила на частной квартире в тесной комнатенке с двумя такими же оказавшимися здесь в поисках своего счастья девчонками. Днями красила весы на весовом заводе, вечерами сидела за учебниками. Она еще не знала, кем будет, но город, в который приехала, уже определил ее судьбу.

В пятидесятых годах Сибирь властно звала молодых, все

теснее становилось старинному студенческому Томску, и среди сотен юношей и девушек, которые, приехав сюда работать и учиться, затем пошли по призыву комсомола в строители, оказалась и Валя Костебелова.

У нее не было строительной специальности, но, поскольку она работала прежде маляром, ее взяли ученицей в бригаду отделочников. Однако вскоре она уже училась другой, куда более сложной специальности. Будь кроме нее у кого-нибудь из работавших в бригаде девчат десятилетка за плечами, может быть, все сложилось бы иначе и в Новосибирск на курсы машинистов башенных кранов послали не ее, а другую. Но из всей бригады со средним образованием оказалась лишь одна она, новенькая — Валюша Костебелова.

«...Кран для меня уже много лет — символ стройки. И сколько бы я еще ни работала на нем, специальность крановщицы навсегда останется для меня поэтической, а я в ней — неизменно молодой. Кабина крана стала не только моим рабочим местом, но своеобразной пилотской кабиной, лермонтовским парусом... Наверное, никому еще так часто, как крановщику, не приходится подолгу быть на высоте, ощущать огромность неба и земли, видеть размах нежно-синего горизонта, любоваться далями...»

Впервые она поднялась на кран на берегу Обского моря. В бездонном голубом небе бежали гонимые ветром рваные облака, отражаясь в волнах, дробилось весеннее солнце, кран поскрипывал и, казалось, качался. Она взбиралась по крутым ступенькам холодной лестницы, и от новизны окружающего и волнения вдруг закружилась голова... Прижавшись к отвесно уходящей наверх лестнице, остановилась, вслушиваясь в стук колотящегося сердца, передохнув, поборол волнение и полезла выше к заветной кабине. Она утверждает, что тогда у нее не было страха. В полной мере она испытала его намного позже, уже на третьем году работы, когда случилась авария. Но страх возник даже не тогда, когда, медленно набирая скорость, кран стал падать, а после. Тогда же, во

время падения, мысли ее были пронзительно остры — жалость к маленькому сыну, чувство собственной обреченности... Не погибла она только потому, что кран, падая, задержался в оконном проеме первого этажа строящегося дома... Но после этого случая она стала бояться. Болели от напряжения руки, ломило зубы, которые она сжимала, чтобы побороть в себе страх.

Когда нервное состояние достигло предела, она потеряла сознание в кабине во время разгрузки плит, но успела при этом отключить аварийный рубильник. Очнувшись, не могла вспомнить, как отключала его, но, странное дело, — после этого случая перестала бояться, поняла — если не будет перегружать кран, если следить за ним и не нарушать технику безопасности — ничего не может с ней случиться. Эти «если» стали для нее законом в работе. И еще: нужно быть предельно внимательной, готовой мгновенно предотвратить могущую возникнуть опасность. Вообще она говорит, что не любит думать об опасности, страхах, болезнях, иначе может появиться желание прожить жизнь легче, уйти от трудностей...

«...Только упорством можно воспитать в себе мастера, нельзя мириться со своей беспомощностью, беспомощным быть стыдно... Когда приучишь себя к самоотдаче, научишься быстро настраиваться в необходимом ключе, используя весь свой опыт и, если так можно сказать, профессиональный интеллект, тогда придут совершенство и виртуозность...

Один из моих учеников только что демобилизовался из армии, где водил танк. Когда он уже пообвык на новой для него работе, я попросила его сравнить управление танком и краном (признаюсь, хотела бы уметь водить и танк). «В управлении краном настрой тоньше, — ответил он. — Музыкальнее как-то, более емкий». Да, нотный диапазон здесь куда шире, чем может показаться со стороны, а потому руки машиниста должны быть как у музыканта. Даже сам легкий ажурный силуэт крана, кажется, требует таких рук, чутких, но в то же время крепких и сильных».

У нее самой именно такие руки — тонко чувствующие машину. Поначалу в кабинах кранов, на которых она работала, стояли штурвалы, отчего кабина напоминала рубку корабля, потом появились более совершенные, с рычажным управлением — по два рычага справа и слева от сиденья. Она поняла, что надо приучаться работать правой и левой рукой, каждым из четырех рычагов, чтобы в любой момент одна рука могла заменить другую и помочь ей. Как-то раз сменщик, старый опытный крановщик, поднявшись к ней в кабину, удивился:

— Как это ты из-под локтя правой руки умудряешься достать левой дальний рычаг?

Она улыбнулась и показала еще несколько освоенных ею вариантов управления.

— А разве твои руки короче моих?

— Да непривычно и даже смешно...

А ей такая «смешная» привычка дает возможность действовать почти молниеносно, особенно, если ветер крутит и гоняет висящую на стропах панель, и надо глядеть в оба — прозевал и разобьешь панель, либо хуже того — можешь ударить человека. Она научилась виртуозно совмещать четыре операции, «играть» рычагами и кнопками машины. Руки ее успевают одновременно делать все.

«Когда работаешь вдохновенно, словно ощущаешь музыку. Мне кажется, что мои движения и движения крана — ритмы, образы — это перевоплощение труда в музыку. Все, что я вижу на земле — предметы в порядке и беспорядке, в покое и движении, их формы и цвета, — все звучит, все это тоже ритмы. Я ощущаю их и радуюсь им. Может быть, чутьем к ритмам, к пластике я во многом обязана умению работать, этим объясняется и мое пристрастие к балету, языку музыки, танца и их синтезу. Красоту работы можно видеть и понимать, как образ. Это слышат руки. Поэтому руки человека и творят музыку».

Это выдержка не из дневника, а из лекций, цикл которых

Костебелова читает в учебном комбинате будущим крановщикам. Надо обладать особым чутьем, чтобы так чувствовать гармонию работы человека и машины, нужно быть художником, чтобы вот так воспринимать, казалось бы, прозаическое дело крановщицы. И надо быть поэтом, дабы так рассказывать о своем каждодневном будничном труде. Вероятно, именно тот, кто воспринимает труд как искусство, добивается в нем совершенства.

Если пометить звездочками на карте Томска новостройки, в которые вложен труд Костебеловой, звездная россыпь покроем весь город от Опытного поля до Каштака, от вокзала Томск-I до третьего микрорайона. Она строила многоэтажные дома, школы, магазины, детские сады, белокаменный театр на главной площади города... Когда закладывали школу возле вокзала и перед строителями поставили задачу — возвести здание не за девять месяцев, как предусматривалось нормативами, а за шесть, в числе выдвинутых бригадой Ивана Захаренкова встречных условий было и такое — направить к ним на стройку Костебелову. Ее прислали. И она знала, что это лучшее признание ее высокого мастерства. Ровно через полгода в еще пахнущих краской светлых классах залиvisto прозвенел первый звонок, возвестивший о начале учебного года и о том, что строители выдержали экзамен.

Сегодня, если кто-либо из молодых крановщиц услышит из уст пожилого бригадира: «Молодчина, из тебя получится вторая Костебелова», — это высшая похвала и лучшая оценка труда, потому что работа Костебеловой на кране — эталон.

«Если бы меня спросили — с какой бригадой я любила или люблю работать, то я бы ответила, что нелюбимых бригад у меня не было и нет. По-своему люблю работать с бригадами Р. П. Бренера, Г. П. Бычкова, Г. Г. Вальгера, И. П. Захаренкова, Ф. И. Лира, Виктора Попкова... Главное — понимать друг друга, ощущать родство душ через общее большое дело. И в то же время быть очень и очень требовательным к себе».

С надеждой и беспокойством встречает она приходящих к

ней на стажировку молодых. Каков — этот новичок? Что его привело сюда, останется ли он на стройке? Но с особым волнением вглядывается она в юных крановщиц, ища в них продолжение себя.

«Способная и старательная ученица — как находка, как подруга. Так пришла ко мне двадцатилетняя Нина Маркова. Смотрю — поднимается ко мне Красная Шапочка. В глазах, в улыбке я прочла ее душу. Мне не только интересно было учить, но и общаться с ней удовольствие. Наверное, и ей тоже было интересно со мной. Наградой за мой труд было ее признание в конце стажировки: «Как я сильно изменилась за этот месяц...» А вначале она мне заявила: «Выучусь и поеду на БАМ». Говорю ей: «Нина, у нас же тут тоже работы через край. Кому, как не вам, молодым, строить наш город, делать его еще красивей? А нефтехимкомбинат, который строится сейчас у нас, разве не передний край?» Обучала я ее на панельных домах, а послали ее работать на строительство кирпичного, да еще в самую передовую горячую бригаду. Трудно ей досталось, душа у меня за нее болела. «Не сдавайся, — говорю. — Будет трудно, приходи ко мне или сообщи по телефону, и я приду к тебе». Но идти не пришлось, она сама справилась, обрела себя в работе. Четвертый год трудится, кончила вечернюю школу. Строители очень довольны ею».

Сама Валентина Павловна довольна не только Ниной — довольна Олей Кораблиной, Любой Акашаевой, многими молодыми крановщиками, которые в свою очередь неизменно добрым словом поминают ее, свою наставницу. А одному из своих учеников — Володе Односторонцеву, Валентина Павловна через три года после учебы писала рекомендацию в партию.

В торжественные дни праздников вместе с орденами она прикрепляет к костюму Почетный знак ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи».

«...Учиться — счастливое достояние людей... О многом я го-

ворю своим ученикам, но не нотации им читаю, ведь чтобы сказать доброе и нужное, всегда найдется уместный случай и подходящее время. Главное, чтобы в тебе самом была уверенность в правоте своих слов, чтобы подтверждал их справедливость собственной жизнью».

Кто-то однажды сказал, что чужих детей учить всегда легче. Воспитай собственного ребенка, и тогда можно судить, каков из тебя педагог... Сегодня ее Андрею — восемнадцать. День, когда родился сын, навсегда остался в ее памяти светлым. В то зимнее утро она лежала в палате возле окна, смотрела на медленно кружащиеся крупные снежинки, и было в ней неповторимое чувство обновления жизни. У груди ее дышал маленький человечек, частичка ее самой, все отныне становилось иным, наполненным особым смыслом, и сама она словно вновь родилась в этот тихий зимний день, а впереди была вся жизнь. Снег пеленал землю мягкой пушистой метелью, неслышно ложился на ветви тополей, крыши домов, и все было бело и чисто в этом светлом прекрасном мире.

«Я смутно помню отца. Помню, как он делал оконные рамы, строгал рубанком, а я играла завитыми в колечки смоллистыми золотыми стружками. Помню, как отец носил меня на руках, как они с мамой в теплый весенний день наряжались куда-то на праздник и мама прилаживала белоснежный воротничок к его рубашке. Запомнились большие голубые, светящиеся от счастья мамины глаза и красота отца.

А потом была война. Мы, дети, по звуку научились понимать, когда самолеты летели груженные, а когда порожние. Чаше бомбили где-то в стороне, видимо, станцию Льгов. Как только раздавался первый взрыв, мы с облегчением думали: «До нас не долетели». Я очень хотела спать, но спать никак не удавалось... Еще помню — горит наша деревня, мычат коровы, воят собаки, надрываются в плаче дети. Люди бегут из села, а наша мать стоит на дороге, прижав нас к коленям...»

Ее сын родился через пятнадцать лет после войны, но вырос тоже без отца. Семейная жизнь у нее сложилась неудачно. Впрочем, мать и сын — тоже семья, и этой семьей она счастлива. Но как трудно было ей — одинокой, с грудным ребенком! Андрюша рос слабеньким, то и дело болел, надо было беречь его и трудиться наравне со всеми... Когда она уходила на стройку, к ребенку приходила ее сестра, приехавшая в Томск. Сестра работала в одну смену, сама она — в другую. Когда мальчику исполнилось два года, ей дали квартиру, и стало легче. Она не считает, что вырастила сына одна, а говорит — мне помогли люди, помогло государство.

Когда Андрей подрост и уже ходил в школу, однажды она, очень уставшая, посадила его перед собой, взяла его руку и сложила вместе свою ладонь и его. «Смотри, сын, — сказала она. — Твоя ладонь уже больше моей. Ты один мужчина в нашем доме, ты теперь мой первый помощник». Она научила его мыть полы, стирать, белить, чинить электроприборы, делать всю работу по хозяйству. Еще научила уважению к людям, привила любовь к книгам и к хорошей музыке, приучила интересоваться делами и заботами матери, быть в курсе того, чем живет страна. После восьмилетки он с отличием закончил техническое училище, стал токарем и, как когда-то она сама, продолжал вечерами учиться. В семнадцать лет принес домой заводской диплом: «В честь Великой Октябрьской социалистической революции Костебелову Андрею присвоено звание лучший молодой рабочий». Этой тоненькой книжкой в красной обложке его мать гордится не меньше, чем многими своими наградами.

Порой она вспоминает, как в тот, теперь уже далекий, светлый зимний день мечтала о том, когда ее мальчик впервые скажет: «мама», как будет делать первые шаги, как приведет когда-то в дом любимую девушку... И вот теперь она ласково глядит на него снизу вверх, на высокого, сильного, красивого... Все сбылось так, как она мечтала, и только удивляется она тому, как быстро летит время.

Вроде еще вчера распускались клейкие весенние листочки, и вот уже кружит шуршащий листопад... Сколько раз за эти годы первой встречала она на высоте еще не видимое городу солнце и сколько раз провожала его, когда оно, уже опустившись за горизонт, горело пурпуром в стеклах взметнувшихся над городом башенных кранов. Строила в затяжные осенние дожди, когда дождь барабанит по кабине, строила в летний зной и в зимние холода, когда городские дымы сливаются с морозным туманом в сизо-серую мглу и по утрам кажется, что в кабине крана сгустилась вся стынь зимы...

«...До восторга люблю ветры, грозы, ливни — эти проявления мощи стихии. Люблю работать лунными ночами... Сегодня что-то не ладилось у звеньевого, замешкавшись, он негромко повторял: «Сейчас, Валя, сейчас...» А я, откинувшись на спинку сиденья, глядела на ярко-золотистый тугой клубок луны, в таинственное темно-синее небо, где застыли мелкие, совершенно белые, похожие на огромные стада гусей кучевые облака, все было удивительным и величавым — неторопливая луна, острая яркость звезд, чуткая тишина на земле. Завороженная красотой ночи, я думала о том, что если б сегодня у монтажников почему-нибудь не оказалось работы, все равно осталась бы здесь наверху над землей в этом подлунном царстве. Но вот звеньевой управился, и я вновь посылаю стрелу за очередной панелью... Плывет за концом стрелы золотой шар луны, мерцают далекие звездочки, и у меня ощущение, будто я чародействую в этой волшебной ночи. Ребята трудятся не разгибаясь, звеньевой, завершая что-то сделанное, приговаривает: «Вот так, вся деревня в елках...» И я улыбаюсь его забавной и трогательной присказке. Тихо здесь, на краю города, у самого леса, лишь донесется порой гудок паровоза, шипенье пара на ГРЭС, и опять тишина, только слышны шорохи движений работающих внизу, их дыхание... Как нужны такие ночи людям!»

Симфония труда — вероятно, так можно выразить восприятие ею работы.

«...Вся неделя была как натянутая струна, так туго сжато время. Подобные недели не исключение, но эта какая-то особая, счастливая. Переход на новый объект — всегда подъем, радостные хлопоты, обновление... О, как я занята была всю неделю, сколько времени и сил отдала новому красавцу-крану! А строители звонили во все колокола: «Быстрее, нужен кран, быстрее!» «Доводила до ума» его уже в ходе работы, приходила в половине восьмого утра, кончала в восемь вечера... И следующая неделя была не менее напряженной, плохо, еще тяжело шел поворот крана, нужно было «уламывать» его, а тут областная межсоюзная конференция, на которой мне предложили выступить. И следующая неделя опять насыщенная, наполненная до предела — строители набирали темпы...»

В одной из своих тетрадей она написала: «Иногда кажется — некогда передохнуть, столько помимо основной работы всяких общественных дел. Но я рада, что постоянно в этом водовороте, ибо общественная работа стала для меня особым университетом в жизни».

Сейчас она порой с улыбкой вспоминает о начале своей деятельности на депутатском поприще, как ходила по квартирам своих избирателей, выпрашивая, нет ли к ней просьб. Теперь у нее многолетний опыт, большой престиж, но так же, как и в молодости, она одинаково горячо берет за большие и малые дела, если видит, что ее вмешательство необходимо. В том, что в городе появилась новая детская поликлиника, что подшипниковый завод построил очистные сооружения, что многие ее избиратели переселились в новые благоустроенные квартиры, — заслуга и ее — народного депутата.

Однажды, когда она была депутатом Верховного Совета РСФСР, ее, провожая на сессию в Москву, попросили зайти в министерство по поводу дополнительных ассигнований на строительство.

Она добилась аудиенции у министра, и тот, выслушав ее, сказал:

— Вот вы пришли просить, а сами тянете строительство.

В своем кабинете министр привык разговаривать с теми, кто отвечает за использование выделенных министерством фондов и ресурсов, и теперь потребовал ответа с нее, олицетворявшей в эту минуту для него всех строителей далекого сибирского города.

Она могла бы сказать, что не отвечает за все строительство, поскольку работает лишь крановщицей. Но она взяла на себя ответственность за свой город:

— Да, строительство еще идет медленно, но я скажу вам, что нам надо для того, чтобы наши строители могли работать лучше.

От министра возвращалась окрыленная удачей. И, только придя к себе в гостиничный номер, почувствовала, как невыразимо устала за день.

Говорят, женщины выносливее мужчин. Скорее всего, они терпеливее, реже жалуются на усталость и здоровье. Когда-то, когда Костебелова еще училась в школе ФЗО и было ей шестнадцать лет, старенькая докторша, прослушивая ее на медицинской комиссии, озабоченно покачала головой:

— Детка, а ведь у тебя неважно с сердцем...

Ощущала это Валентина Павловна всегда, но остро почувствовала неладное, когда ей было уже за тридцать. Не хватало воздуха, болело сердце, тяжело было подняться на кран... И тогда, чтобы недуг не сломил ее, она снова, как когда-то в детстве, стала ходить на лыжах, заниматься гимнастикой...

«Отдых понимаю тоже как работу, но никем не регламентированную, не обязывающую со стороны. Это работа, которую я задаю сама себе. Ничего неделание, вялое, бездумное препровождение времени — не отдых, а трусливый уход от занятия, требующего физического и умственного напряжения... После лыжной прогулки в лесу или легкого бега — на душе просторная радость, покойная и добрая, как речная пойма из далекого детства. В выходные дни иду в лес, как в волшебную страну, как к извечному спасительному началу.

Трепещу и улыбаюсь от предстоящего счастья встречи. Здесь все прекрасно: и зимняя тишина, и весенний шум, и шелестящий по вершинам летний дождик, и шуршащий осенний листопад. Люблю нежнокудрые и ясноликие, как русский человек, березы и гордые, по-воински стройные, словно отлитые из солнца и земли, сосны. Люблю зимний тихий заснеженный лес, люблю лето в лесу с буйным цветением, запахами, головами птиц... В такие дни общения один на один с природой мысли светлые, необычные: о том, что у природы один бог — солнце, а у человека — два — солнце и труд, думаю, как я жила и работала, за сколько многое в ответе. Думаю о счастье пронести через всю жизнь молодость и страстность духа».

Счастливо сочетаются в ней способность увидеть и осмыслить мир с умением передать свое ощущение другим.

«...Неделю была оттепель. Плясали легкие метели, потом стало еще теплее, пошел дождь и, словно ласковый котенок, шалил и ластился ветер. Потяжелел снег, сгустился воздух, сгустилась синева неба. И вдруг как будто обнажилась некая тайна радости и надежды, как это бывает весной.

...Глянула в пеструю от солнечных бликов глубину леса, поразилась красоте и подумала: вот так и в жизни — если не смотреть вдаль, быстро устаешь».

Одну из своих лекций по практике работы (вообще как-то не вьжется академический термин «лекция» с тем, что Костебелова читает молодым крановщикам на курсах) она озаглавила «Поэзия профессии моей». В этом названии ее восприятие труда и даже больше — ощущение полноты жизни через свою работу. Эти два понятия — жизнь и работа — у нее неотделимы, они, как два крыла у птицы: сломается одно и не будет полета.

«После каждого прожитого дня у меня ощущение, что все, казалось бы, будничное, обыденное — в самом деле радостное, светлое, счастливое... Сегодня уже вовсю бушует весна. Сияет голубое небо, в сияющем пространстве дрожит теплое марево, с Томи, словно шуба, сползает ледяная шуга — кро-

шево льда. И даже в крюках моих стропов, когда они сталкиваются, хрустально перезванивают веселые солнышки весны. Кругом смеющийся блеск воды, и кажется, по самому небу мечутся солнечные зайчики... А любоваться некогда — без конца раствор, бетон, кирпич, разгрузка, переброска... Как хорошо быть день на высоте! Душа переполнена, рвется к полету. Счастье — жить и счастье — трудиться, когда увлечен своей работой».

Когда она впервые пришла на стройку, в Томске было лишь несколько башенных кранов. Сегодня, куда бы ни глянул — везде над крышами домов и кронами протянувшихся вдоль улиц тополей вскинули руки-стрелы могучие стальные великаны. И вместе с ними вытянулся вверх, вырос и раздался в плечах наш старинный город. Люди с годами стареют, города, если расстраиваются, — молодеют.

«Мне кажется, что Томск для меня — вся жизнь, а не лишь двадцать лет, которые я здесь прожила. Я люблю украсившие город здания, в строительстве которых участвовала, но все же меньше думаю о том, что и где когда-то сделала. Все во мне живет нетерпеливым ожиданием завтрашнего дня, предстоящих дел, с которыми связаны счастье работы, общения с людьми. Иду ли я пешком по тихой, обсаженной деревьями зеленой улице, или еду в троллейбусе по застраиваемому многоэтажными домами проспекту, я часто думаю о тех, кто живет в этом ставшем мне родным городе. Думаю о близких мне людях, сыне, который скоро пойдет служить в армию, и чувствую, как неразрывно связана судьба каждого из нас с судьбой Родины. Мысленно говорю себе: «Будет все хорошо со страной нашей, будет все хорошо и с нами всеми». Ради этого мы живем и трудимся. Ради этого я должна сделать все, на что хватит моих сил».

К этим словам ничего не надо прибавлять. В них смысл ее жизни.

РАБОЧАЯ ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ

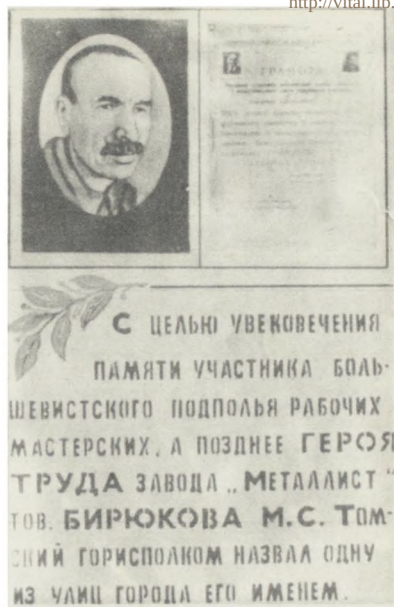
ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

В октябре 1604 г. отряд казаков под начальством Г. И. Писемского и В. Ф. Тыркова заложил на правом берегу реки Томи, на южном мысу горы у впадения в Томь речки Ушайки, русскую крепость, давшую начало городу Томску.

· · ·

В 1626 г. в Томском городе жила 531 семья. Для размещения возрастающего населения в конце 20-х годов XVII в. в нижнем течении Ушайки был построен новый острог. Через 20 лет население Томска увеличилось до 884 семей.

ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

люди

цифры

факты

люди

В 20-е годы XVII в. кузнец Федор Еремеев обнаружил в окрестностях Томска залежи железной руды и сделал попытку производить железо на месте. Вместе с И. Баршиным и В. Ивановым он провел несколько плавов, но наладить металлургическое производство не удалось из-за бедности месторождения руды и отсутствия рабочей силы.

Во второй половине XVIII в. через Томск прошел Сибирский тракт, что позволило городу вырасти в значительный торговый и транзитный центр Сибири. В 1785 г. в Томске насчитывалось 176 купцов, связанных с иногородней торговлей. К середине XIX в. их стало 1600.

В начале XIX в. в Томске насчитывалось около 5 тыс. жителей. Из них 10% составляли дворяне, чиновники и духовенство, 26% — военные, 64% — мещане и крестьяне. В городе было 1500 деревянных и только 3 каменных дома.

люди

цифры

факты

люди

люди

цифры

факты

люди

В 80-е годы XIX в. в Томске было 135 промышленных заведений, на которых работало около 700 рабочих. На 37 тыс. жителей приходилось 30 церквей, 106 «питейных заведений» и только 29 малочисленных школ.

* * *

В числе других сибирских городов Томск активно участвовал в Отечественной войне 1812 г. Среди пяти сибирских полков, участвовавших в Бородинской битве, особенно отличился Томский пехотный полк, защищавший батарею Раевского. Он потерял свыше половины состава, но выдержал все атаки французов.

люди

цифры

факты

люди

ЛЮДИ

ЦИФРЫ

ФАКТЫ

ЛЮДИ

С Томском связаны имена ряда выдающихся революционеров XIX в. По дороге на каторгу через Томск проследовали многие декабристы. Некоторое время здесь пробыл первый декабрист В. Ф. Раевский. В течение многих лет с Томском был связан декабрист-сибиряк Г. С. Батеньков. В молодости он служил здесь инженером и много сделал для благоустройства города. С 1846 по 1856 год Г. С. Батеньков находился в Томске в ссылке.

В Томск ссылали участников польского восстания 1830 г., петрашевцев (в частности, Ф. Г. Толля и Ф. Н. Львова), М. А. Бакунина, народников... В 1864 г. по дороге в якутскую ссылку в Томске побывал великий революционный демократ Н. Г. Чернышевский.

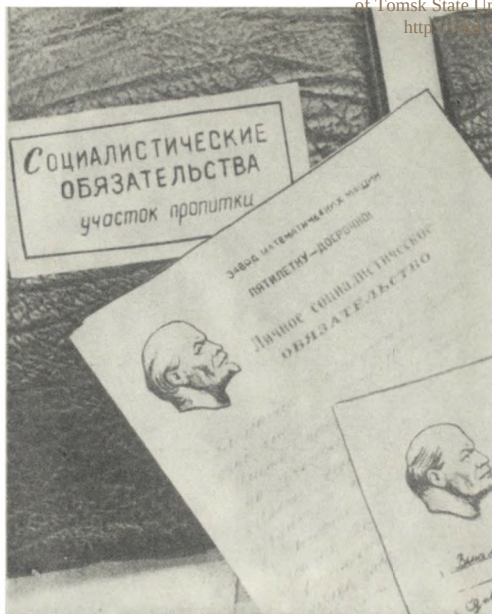
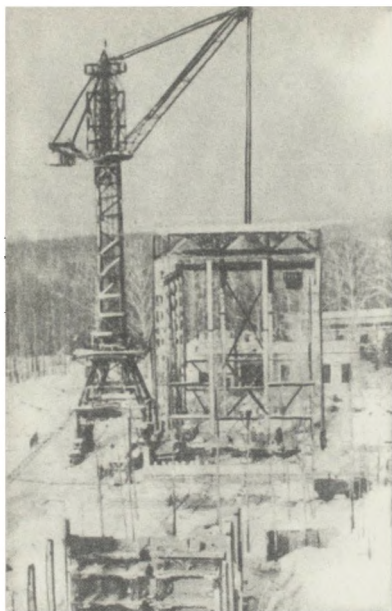
Пароход «Основа», мощностью 40 л. с., принадлежащий томскому купцу Мясникову, был первым пароходом, появившимся в 1844 г. на сибирских реках. К 1861 г. по рекам Сибири плавало 11 пароходов.

ЛЮДИ

ЦИФРЫ

ФАКТЫ

ЛЮДИ

ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

Первый телеграф, связавший Томск с Казанью и Иркутском, был построен в 1863 г. В конце XIX в. в городе появилась телефонная станция на 100 номеров.

Первый театр в городе открылся летом 1850 г. Заезжие труппы ставили по 15—20 спектаклей, два-три раза в неделю.

В 1885 г. было построено первое в Сибири каменное здание «Королёвского» театра (сожжено черносотенцами 20 октября 1905 г.)

ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

В 1880 г. состоялась закладка первого на всю Сибирь и Дальний Восток высшего учебного заведения — Томского университета. Он был открыт в 1888 г. в составе одного факультета — медицинского, с набором 72 человека. Сейчас на 12 факультетах Томского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. В. Куйбышева обучается свыше 8 тыс. студентов.

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

люди . цифры . факты . люди

В 1896 г. учрежден, а в 1900 г. открыт первый технический вуз Сибири — технологический институт.

Ныне Томский орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени политехнический институт им. С. М. Кирова — один из крупнейших вузов страны: свыше 4 тыс. преподавателей и научных сотрудников обучают более 18 тыс. студентов по 57 специальностям.

люди . цифры . факты . люди

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

В начале 90-х годов XIX в. в Томске возникли первые марксистские кружки: сначала студенческие (организаторы А. Вилков, М. Владимирский и др.), затем рабочие (организатор В. Воложанин). В 1898 г. группа В. Воложанина провела первую маевку, а в 1899 г. выпустила первую прокламацию, а в 1901 г. создала первую подпольную сибирскую типографию.

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

В 1901 г. по инициативе томичей был организован «Сибирский социал-демократический союз» с центром в Томске. К концу 1902 г. «Сибирский союз» перешел на позиции «Искры».

• • •

Большую роль в укреплении связей томских социал-демократов с «Искрой» сыграла сестра В. И. Ленина, А. И. Ульянова-Елизарова, осенью 1902 г. приехавшая в Томск. На основе ленинско-искровской идеологии весной 1903 г. в Томске создается единая организация РСДРП. После II съезда РСДРП Томский комитет высказался за большевистскую линию.

ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

люди · цифры · факты · люди

В ответ на события «Кровавого воскресенья» Томский комитет РСДРП подготовил 18 января 1905 г. массовую вооруженную демонстрацию. В столкновении с полицией и казаками был убит рабочий-знаменосец Иосиф Кононов, десятки человек арестованы

люди · цифры · факты · люди

люди . цифры . факты . люди

В конце 1905 г. в результате революционных событий Томская губерния была объявлена на осадном положении. В январе—феврале 1906 г. был арестован почти весь состав Томского комитета РСДРП. Деятельность вновь и вновь восстанавливаемого комитета прерывалась разгромами весной и в декабре 1907 г., в январе 1909 г.

люди . цифры . факты . люди

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

В 1908—1914 гг. в Томске неоднократно проходили забастовки студентов и рабочих. Так, в 1912 г., в связи с Ленским расстрелом, бастовало свыше 500 типографских рабочих.

В конце 1916 — начале 1917 гг. в Томске начал действовать «Военно-социалистический союз», образованный нарымскими ссыльными, призванными в царскую армию. Члены «Союза» установили связь с революционным подпольем многих городов Сибири, с Петроградом и Москвой. Их деятельность способствовала революционизации солдатских масс.

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

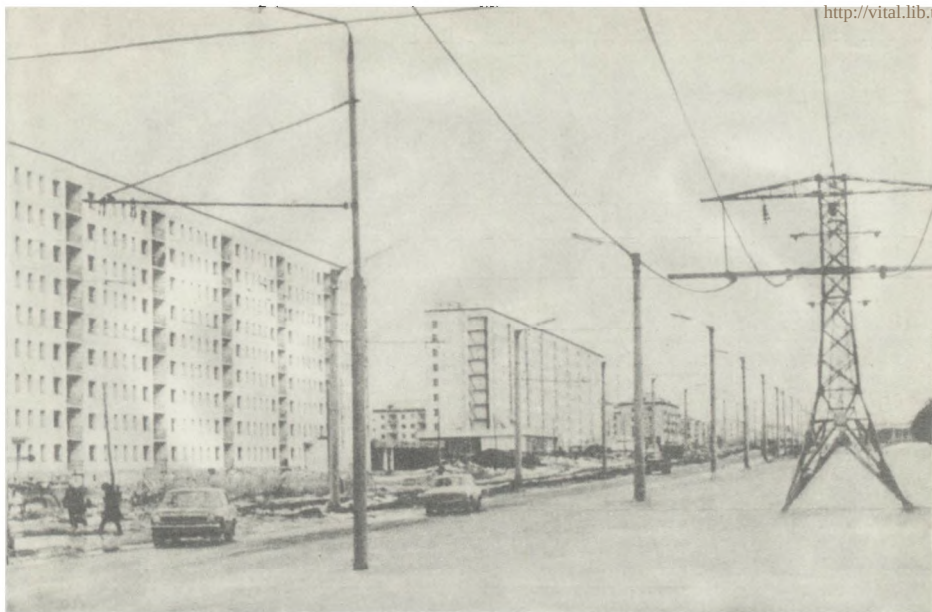
люди · цифры · факты · люди

Опираясь на революционных томских рабочих и солдат, на отряды Красной Гвардии, 6 декабря 1917 г. власть в городе взял в свои руки Томский Совет рабочих и солдатских депутатов.

• • •

30 мая 1918 г. в Томск вошли белочехи и белогвардейцы, но уже в июне в городе начала создаваться подпольная организация большевиков. Она активно участвовала в подготовке первой и второй сибирских нелегальных конференций большевиков (август и ноябрь 1918 г.), в организации борьбы против белогвардейского режима. Ряд коммунистов, направленных Томским комитетом, руководил партизанскими отрядами на территории губернии.

люди · цифры · факты · люди

люди . цифры . факты . люди

17 декабря 1919 г., за три дня до подхода Красной Армии, большевистский военно-революционный комитет восстановил в Томске Советскую власть.

• • •

К моменту освобождения Томска городская партийная организация насчитывала около 200 коммунистов. К июлю 1920 г. она выросла в 8 раз.

24 декабря 1919 г. была объявлена запись молодежи в комсомол. 9 мая 1920 г. состоялась I Томская городская комсомольская конференция.

люди . цифры . факты . люди

ТОМСК УЧИТСЯ И УЧИТ

БОРИС КЛИМЫЧЕВ

УЛИЦЫ ГОРОДА

*** * ***

Обруб и Воскресенская гора,
Иркутский тракт — так названы недаром.
Была у Томска трудная пора:
Он был острогом, складом и базаром,
Он воевал и обжигал горшки,
Дышал тяжелым перегаром винным
И вез по тракту на санях мешки
С китайским чаем, солью и пушниной.
Десятки раз в пожарах он сгорал
Со всем добром и серебром столовым,
Как будто прежний облик свой стирал,
Чтобы затем обзаводиться новым.
Немало сделал он за двести лет:
Дворцы и церкви, кабаки и бани,
Но он и первый университет
Открыл в сибирской бывшей глухомани.
Студентов и рабочих он сближал
И затевал он сходки и маевки,
По этажам невидимый пожар
Переносили смятые листовки...

Ты вместе с этим городом проснись,
Когда заря течет огнем по крышам,
К мемориальным доскам прикоснись
И будешь этим городом услышан.
Здесь помнят камни, каждая плита,
И помнят мостовые все и стены,
Как город от телеги и кнута
Шел до вершин науки современной.
Взгляни, как Томск во весь свой рост встает
Дворцами, институтами над яром,
И гору Воскресенскую народ
Октябрьской звать, конечно, стал не даром.

БАТЕНЬКОВ

Двадцать лет в каземате томился,
Не сумели его покорить,
Но почти говорить разучился,
Не с камнями же там говорить?
Мчала тройка. Сутулился ссыльный,
И шептались возницы не зря:
Истошал, но, видать, не бессильный,
Коль свалить собирался царя.
Вот и Томск, где на взгорье церквушки,
Где собаки сдыхают с тоски,
Где в соседстве с дворцами — лачужки
И свистят по ночам варнаки.
Он пытался здесь строить дороги,
Проектировал зданья, мосты.
Нынче бронзовый, тихий и строгий
Смотрит пристально из темноты.

**И когда пролетают трамваи,
Заглянув декабристу в глаза,
Он, как будто на миг оживая,
Собирается что-то сказать.
Но по-прежнему смотрит в молчанье,
Как за речкой неоны горят.
Там стоят его мысли созданья;
Величавые старые зданья
Языком красоты говорят.**

**ЭДУАРД БУРМАКИН,
ИГОРЬ ЛОЗОВСКИЙ**

ТРАДИЦИЯ БЫТЬ ПЕРВЫМИ

В 1803 году молодой император Александр I, всю жизнь лицемерно игравший в либерализм, подписал «Предварительные правила народного образования». Эти правила предусматривали открытие университета в Тобольске, считавшемся тогда столицей Сибири.

Конечно же, не одно только желание прослыть либералом и просвещенным монархом двигало Александром! Более мощным было давление потребностей развивающейся промышленности, которая крайне нуждалась в квалифицированных специалистах, а ее представители уже существенно влияли на дела государственные. Не случайно первым, кто внес на строительство сибирского университета двести тысяч рублей, был уральский заводчик Демидов. А всего за довольно короткий промежуток времени был собран почти миллион рублей.

Но ни молодой царь, ни его правительство вовсе не торопились с практическим выполнением принятого решения. Оно затянулось ровно на семьдесят пять лет! Александра I сме-

нил Николай I, а того Александр II, но университет за Уралом все еще не был открыт.

Все эти десятилетия не утихал спор между сибирскими городами за право принять университетскую науку. Тобольск уже потерял свое бывшее значение, Сибирь разделили на четыре губернии, и каждый губернский город хотел стать университетским. Победил в этом споре Томск.

Как ни тянуло время царское правительство, как ни опасалось оно появления нового рассадника просвещения, а значит — крамолы, потребности государства, широкая кампания, проводимая передовой научной и художественной интеллигенцией, привели к тому, что 16 мая 1878 года был подписан указ об открытии университета в Томске.

Однако лишь через два года, в 1880 году, начались строительные работы. В 1885 году строительство закончилось, и университет был готов к приему студентов, но правительство медлило с его открытием. Пустовало огромное крылатое здание. Работали истопники, по пустым коридорам и аудиториям прохаживались сторожа и уборщицы, не было только студентов и преподавателей. Настроение правительства, пожалуй, очень точно выразил известный реакционер Катков в «Московских ведомостях»: «В Томске образовался целый штат социалистов, собранных со всех концов Сибири... Революционные кадры уже готовы. Ожидается только прибытие новобранцев в виде томских студентов, а может быть, и профессоров».

Томский университет открыл свои двери только в 1888 году в составе единственного медицинского факультета, с набором в 72 человека. Лишь в 1898 году был открыт второй факультет — юридический. С этими двумя факультетами университет и «дожил» до 1917 года.

Так было положено начало высшему образованию в Сибири — Томский университет на многие годы оставался первым и единственным высшим учебным заведением в этом гигантском крае.

Между тем российский капитал все более креп, распрост-

раная свою власть и притязания на Сибирь и Дальний Восток. Нужны были дороги, чтобы везти из Сибири дешевое сырье. Обострились отношения с Японией. И в 1891 году, одновременно во Владивостоке и Челябинске, началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Имевшая большое военно-стратегическое значение, дорога строилась ускоренными темпами. Однако с самого начала было ясно, что Россия не в состоянии обеспечить эту стройку необходимым количеством инженеров. Пришлось приглашать специалистов из Германии и Италии. Но они дорого обходились казне и к тому же не знали особенностей работы в условиях крепких морозов, а то и вечной мерзлоты. Не трудно было догадаться, что в ближайшие годы для обеспечения нормальной эксплуатации железной дороги и снабжения ее топливом потребуется еще большее количество инженеров самых разных специальностей.

И вот в ответ на эти потребности в 1896 году был основан, а в 1900 году открыт Томский технологический институт практических инженеров. Вначале он имел два отделения: механическое и химико-технологическое, в 1901 году открылось горное отделение, в 1902 году — строительное.

А Сибири все равно не хватало кадров. В орбиту производительного труда уже давно были вовлечены женщины, но вот женщин инженеров, специалистов не было (законы Российской империи запрещали прием женщин в высшие учебные заведения). И тогда ученые Томского университета и Томского технологического института добились разрешения открыть Сибирские высшие женские курсы (СВЖК). Это случилось в 1910 году. СВЖК стали третьим высшим учебным заведением в Томске. Они имели математическое и естественное отделения и просуществовали до 1920 года, а затем слились с университетом.

Вот так долго и трудно открывались первые вузы Томска, первые вузы Сибири. И жилось им не легче. Только университет имел общежитие для студентов, на семьдесят

человек. Студенты остальных вузов снимали частные квартиры. Не лучше было и со стипендиями. Университет давал стипендии только одной десятой части учащихся. В технологическом институте на полторы тысячи студентов было пятьдесят стипендий. Учащиеся СВЖК стипендий вообще не получали. Материальное положение большинства томских студентов было столь тяжелым, что только за неуплату взносов за обучение в университете и технологическом институте ежегодно отчисляли в четыре раза больше студентов, чем выпускали специалистов.

Многих исключали за участие в революционном движении. Спасаясь от жандармов, бежал из города студент технологического института Валериан Владимирович Куйбышев. Позже ему удалось поступить в Томский университет, но арест и ссылка вновь прервали учебу.

Жестоким преследованиям и репрессиям подвергалась и прогрессивная часть преподавателей и профессоров. Многие из них были уволены и лишены права преподавания в высших учебных заведениях России.

И все-таки вузы Томска жили, работали. И, наверное, именно потому, что среди их студентов и преподавателей было немало истинных революционеров, горячих энтузиастов, искренне заботящихся о науке, об освоении сказочных богатств родного края, о будущем Родины.

В технологическом институте профессором В. А. Обручевым была создана сибирская геологическая школа, впоследствии развитая его учеником академиком М. А. Усовым. Профессор Б. П. Вейнберг стал основателем школы физики твердого тела. Дело учителя продолжил академик В. Д. Кузнецов.

Однажды, осенним днем 1912 года, в лаборатории физического корпуса технологического института был проведен уникальный эксперимент, результаты которого коротко можно было бы сформулировать так: создана первая в мире действующая модель электрической дороги на магнитной подушке.

В университете были созданы крупные школы физиологов, хирургов-патологоанатомов, терапевтов. Большую часть своей жизни проработал в нем крупнейший физиолог и фармаколог профессор А. А. Кулябко, впервые в мире ожививший сердце умершего человека.

Как ни велики были энтузиазм и самоотверженность первых томских ученых, правительство не торопилось признавать и оценивать их заслуги (до революции только один ученый, исследователь флоры Сибири и Дальнего Востока, профессор университета С. И. Коржинский был избран академиком), да и на научную, исследовательскую работу ассигнований давалось значительно меньше, чем отпускалось их вузам центральной России.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла с собой и подлинно революционные преобразования во всей постановке и организации системы народного образования. Красноармейцы, славные сибирские партизаны, рабочие, крестьяне, представители малых народов Сибири — народ-победитель, разгромивший интервентов и белогвардейцев, — вот кто пришел учиться в вузы Томска.

В помощь рабочим и крестьянам были созданы рабфаки, вечерние школы, курсы. В июне 1920 года открыт при университете первый рабочий факультет. Городской Совет от лица трудящихся Томска приветствовал этот важный шаг в жизни вузов. Открылся рабфак и при технологическом институте. Первые слушатели были направлены губкомками РКП(б) и губпросветами четырех губерний: Томской, Алтайской, Енисейской и Семипалатинской.

В их числе, среди рабфаковцев технологического института, был Флориан Павлович Гурский, замечательный человек, коммунист-ленинец, героически сражавшийся за Советскую власть в Сибири. В 1919 году его вместе с двенадцатью товарищами-рабочими схватили белогвардейские бандиты. После зверских пыток их вывели ночью во двор монастыря и казнили. Флориан Гурский, простреленный белогвардейскими пу-

лями, изрубленный шашкой озверевшего от крови белобандита, остался жив и нашел силы выбраться из братской могилы, разыскать своих.

Такие люди пришли в вузы Томска.

Тяга к учению была столь велика, что существующие учебные заведения не могли ее удовлетворить. В августе 1921 года решением Сибирского съезда по профессионально-техническому образованию на базе Томского политехнического училища был создан Томский практический политехнический институт в составе горного, лесного, промышленно-экономического, землемерно-геодезического и подготовительного отделений. Правда, новый институт просуществовал недолго — не хватало преподавательских кадров, учебной и научной базы, через несколько лет он был реорганизован в среднее учебное заведение.

Более солидная база была, конечно, у Томского технологического института, который в 1930 году становится политехническим, и на базе его факультетов открываются новые вузы. Это ознаменовало новую славную страницу в жизни томской высшей школы — новые институты вскоре покинули родной Томск и положили начало высшему техническому образованию в других городах Сибири. Так возникли в Новосибирске институты: инженерно-строительный, военных инженеров транспорта, сельскохозяйственного машиностроения, в Красноярске — лесотехнический, в Новокузнецке — металлургический, в Иркутске — горно-металлургический. В Томске остались институты: горный, геологоразведочный, химико-технологический, механико-машиностроительный, мукомольно-элеваторный и электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта.

В том же 1930 году из Томского университета выделились медицинский и педагогический институты.

В годы гражданской войны, в период острейших классовых боев за социалистическое преобразование страны, а особенно — в годы восстановления разрушенного войнами хозяй-

ства, вузы Томска вели активную исследовательскую работу. Трудно даже просто перечислить все то, что делалось учеными Томска в продолжение великого дела освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока.

Вошли в историю нашей страны замечательные открытия выпускника технологического института инженера-геолога Николая Николаевича Урванцева. В 1918 году В. И. Ленин подписал постановление СНК о мерах по освоению Северного морского пути. Нужно было изыскать возможности вывезти морским путем в Петроград и другие большие промышленные города значительное количество продуктов, скопившихся на севере Сибири. В 1919 году Урванцев во главе маленькой экспедиции отправился в низовья Енисея с заданием найти залежи каменного угля, пригодного для использования в топках пароходов. Но Урванцев нашел не только уголь, он открыл месторождение медно-никелевых руд и привез с собой образцы. Анализ показал, что найденные руды содержат не только медь и никель, но и большое количество других ценных металлов. На следующий год Урванцев заложил горные выработки и установил коренные залежи руд. Помогали ему студенты. Однако Геолком, который финансировал все работы экспедиции Урванцева, запретил ему вести дальнейшие разведки рудных месторождений, ссылаясь на бесперспективность этого района, слишком удаленного от транспортных путей. Но Урванцев не сдался, поехал в Москву и был принят председателем ВСНХ Ф. Э. Дзержинским. Он показал образцы руд и говорил столь убедительно и доказательно, что Дзержинский поддержал томского геолога. Была организована большая комплексная экспедиция, во главе которой вновь встал Урванцев. Она довела начатые исследования до конца и представила в правительство материалы, на основании которых было принято решение о строительстве Норильского горно-металлургического комбината.

Томские ученые и студенты еще не раз окажутся первыми во многих славных начинаниях.

В 1924 году жители села Горскино Томской губернии постановили на своем сходе в память о скончавшемся вожде трудового народа Владимире Ильиче Ленине построить электростанцию и зажечь лампочки Ильича. За помощью они обратились в Томский технологический институт. Летом в институте был создан строительный отряд из студентов коммунистов и комсомольцев. Под руководством преподавателей студенты спроектировали и построили плотину и здание станции, провели все монтажные работы. Пущенная в 1924 году электростанция в селе Горскино стала первой сельской электростанцией в Сибири, а отряд томских технологов — первым студенческим строительным отрядом в стране.

Научно-исследовательская работа, проводимая в вузах Томска, оказалась столь серьезной и значительной, что возникла необходимость создания научно-исследовательских институтов. В 1923 году при Томском технологическом институте было открыто первое в Сибири научно-исследовательское учреждение — институт прикладной физики, который возглавил выдающийся физик профессор Б. П. Вейнберг. Два года спустя профессор И. Ф. Пономарев организовал на химическом факультете технологического института керамическую станцию, впоследствии реорганизованную в научно-исследовательский институт строительных материалов. Институт же прикладной физики уже через пять лет, значительно расширив объем исследований, был преобразован в Сибирский физико-технический институт (СФТИ), который с 1930 года стал работать при Томском университете.

В конце двадцатых годов в Томске были открыты еще несколько НИИ: минерального сырья, металлургии, цветных металлов, обогащения руд.

Сами названия этих научно-исследовательских институтов объясняют, с какой целью они создавались, какие задачи должны были решать. Страна приступила к индустриализации, строились заводы и фабрики, электростанции и шахты, дороги, школы, больницы, жилые дома. Томск именно в эти

годы завоевывает почетное право называться кузницей сибирских кадров. Много замечательных людей, крупных ученых, выдающихся изобретателей и конструкторов дал родине Томск. В технологическом институте начали свой путь в авиацию создатели отечественных вертолетов Н. И. Камов и М. Л. Миль. Выпускник ТТИ М. Л. Тerasатуров стал директором Кировского завода в Ленинграде, выпускник горного факультета того же института Г. И. Носов — директором Магнитогорского металлургического комбината, академик М. А. Усов — директором Института геологии Академии наук СССР.

Особенно велики заслуги томских вузов в становлении Кузбасса. Томские ученые непосредственно участвовали в создании новых крупных предприятий, налаживании их работы, усовершенствовании производства. Разработка новой классификации каменных углей и создание нового способа лабораторного определения качества кокса, новый метод ускоренного резания металлов и новая машина для электрической дуговой сварки, новый отбойный молоток и огромная работа по исследованию и освоению крупных месторождений полезных ископаемых — все это и многое другое на счету томичей.

Выступая 14 июня 1932 года на собрании актива ученых и руководящих работников Томска, академик Сергей Иванович Вавилов говорил: «Академия наук всегда с неустанным вниманием следила за научной и технической работой Томска. За Томском числится незабываемый подвиг, подвиг внедрения науки и техники в необъятные области Урала и Сибири. Академия наук знает, что первые наработки техники на Дальнем Востоке, первая заслуга в этой области принадлежит Томску. Академии наук известно, что основные исследования естественных богатств Сибири заложены томичами. Академии наук известно, что Томск стал мощным центром теоретической и научно-технической мысли».

За большие заслуги в подготовке инженерных кадров и развитие науки Указом Президиума Верховного Совета СССР

от 15 декабря 1940 года Томский индустриальный (бывший технологический, ныне политехнический) институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Одновременно ордена и медали получила большая группа ученых института.

В 1940 и 1941 годах были намечены большие мероприятия по дальнейшему развитию высшей школы в Томске. Советское правительство выделило для этих целей крупные ассигнования, начали строиться новые учебные корпуса, лаборатории, студенческие общежития, дома для научных работников. Планировалось интенсивное развитие научных исследований...

Эту работу прервала война.

Уже в июле 1941 года ученые Томска создали комитет для координации всех научно-исследовательских работ и всемерной помощи промышленным и сельскохозяйственным предприятиям Сибири, на плечи которых легла нелегкая задача — компенсировать работу тех заводов, фабрик, колхозов и совхозов, которые оказались на оккупированной территории. Вузы Томска работали под двумя лозунгами: «Все для фронта, все для победы!» и «Дадим стране больше специалистов и обязательно высокого качества!» А ведь уже к осени 1941 года большинство учебных корпусов и общежитий заняли госпитали и эвакуированные промышленные предприятия. На тех небольших площадях, которые были оставлены учебным заведениям, вместе с томскими разместились вузы, эвакуированные из Москвы, Ленинграда и других городов.

И в этих невероятно трудных условиях томские вузы продолжали работать. За годы Отечественной войны индустриальный институт подготовил 1140 инженеров, университет выпустил 1269 специалистов.

Не прекращались и научные исследования. За годы войны томские ученые выполнили 1607 работ, было защищено 34 докторских и 103 кандидатских диссертаций. В эти же годы по инициативе томских ученых был создан Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР.

Огромное значение в годы войны имел созданный профес-

сором Н. А. Чинакалом щитовой метод добычи угля, в несколько раз повышавший производительность труда шахтеров. Профессор К. В. Радугин открыл вблизи от Кузнецкого металлургического комбината богатейшие залежи марганцевых руд, необходимых для выплавки стали. Профессор Л. П. Кулев создал новые высокоэффективные лекарства. Эти работы, а также труды ученых А. Г. Савиных, Б. И. Баяндурова, Д. А. Жданова, С. П. Сыромятникова, М. А. Большаниной были удостоены Государственных премий СССР.

Сотни томских студентов и преподавателей вузов ушли на фронт. Не все из них вернулись в родной город. Сегодня поднялись возле учебных корпусов памятники павшим в боях за Родину. Не забыты их имена, их подвиг.

Выстояв, победив в этой самой жестокой схватке с фашизмом, советский народ встал перед громадной трудностью задач — не только залечить раны, нанесенные войной, восстановить разрушенное, но и поднять уровень всех сторон жизни социалистического государства на значительно большую высоту. Это был долг перед Родиной, это был высокий интернациональный долг перед нашими братьями из лагеря социализма.

Большинство эвакуированных во время войны в Сибирь промышленных предприятий остались здесь. Сибиряки приступили к их модернизации и расширению. Строились и новые промышленно-энергетические комплексы. Промышленность Сибири резко возросла, и сразу увеличилась потребность в инженерных кадрах.

Решая проблему обеспечения страны специалистами, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение о дальнейшем развитии высшей школы, обратив особое внимание на подготовку кадров для Сибири.

Получив крупные ассигнования, начал быстро расширяться старейший технический вуз Сибири — Томский политехнический институт. В дополнение к имевшимся в ТПИ пяти факультетам были открыты новые: электрофизический, радио-

технический, электромеханический, электроэнергетический, теплоэнергетический. За пятнадцать лет ТПИ построил около тридцати учебно-лабораторных корпусов, многоэтажных общежитий и жилых домов.

В 1947 году в политехническом институте был создан первый советский бетатрон, в 1961 году — первый сибирский циклотрон, а в 1965 году уникальный синхрофазотрон мощностью в 1,5 ГэВ. В 1966 году институт закончил строительство и запустил в работу первый в Сибири учебный атомный реактор, давший возможность развернуть целый цикл исследований.

Традиция быть первыми продолжалась.

Сохранилась и другая традиция томских вузов — откликаться на просьбы и потребности трудящихся города и области. Так, в 1953 году томские политехники построили в институте первый сибирский передающий телевизионный центр, ставший, после Москвы, Ленинграда и Киева, четвертым телецентром в СССР.

При политехническом институте были созданы четыре новых НИИ: ядерной физики, электронной интроскопии, высоких напряжений, автоматики и электромеханики (последний впоследствии передан институту автоматизированных систем управления).

За большие заслуги в подготовке инженеров и проведении важнейших научных исследований в мае 1971 года, в день семидесятилетия, Томский политехнический институт был награжден вторым орденом — Октябрьской Революции.

В послевоенные годы значительных успехов достиг и Томский государственный университет. В нем были открыты новые факультеты — физический, радиофизический, механико-математический, экономический, на два факультета разделился недавно историко-филологический. Появились новые научно-исследовательские институты: прикладной математики и механики, биологии и биофизики.

В Томском университете сложилась и плодотворно рабо-

тает под руководством лауреата Государственной премии профессора И. М. Разгона школа сибирских историков. Большое значение имеют труды университетских математиков, физиков, экономистов, лингвистов.

Учитывая большие заслуги Томского университета, правительство в 1967 году наградило его орденом Трудового Красного Знамени. И первенец томских НИИ — Сибирский физико-технический институт в год своего пятидесятилетия, в 1978 году, также был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

По-прежнему высок авторитет томских медиков. В послевоенные годы в медицинском институте сложились хирургическая школа академика А. Г. Савиных, школа терапевтов во главе с академиком Д. Д. Яблоковым и ряд других школ и направлений. Дальнейшее развитие получили работы томских ученых в области курортологии и климатолечения. Начал работу НИИ курортологии.

Медицинский институт также удостоен высокой государственной награды — ордена Трудового Красного Знамени.

Полнокровной жизнью живут и два сравнительно молодых вуза — строительный институт и институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (ТИАСУР). Вырос и окреп педагогический институт имени Ленинского комсомола.

Подготовка высококвалифицированных кадров остается главной заботой томских вузов. О размахе этой работы могут многое сказать вот такие цифры. В 1917 году в трех вузах Томска обучалось 2352 студента. Сейчас в семи вузах учится более 45 000 человек. В 1917 году было выпущено 268 специалистов, сегодня томские вузы ежегодно заканчивают более 7000 человек.

Наряду с обучением студентов и большой научно-исследовательской работой, вузы Томска подготовили большое количество научных работников высшей квалификации, что дало возможность расширить сеть высших учебных заведений в

Сибири: как известно, в последние годы открыты университеты практически во всех областных городах нашего края.

Продолжая славную традицию — постоянно поддерживать творческое содружество с промышленными предприятиями, томские вузы выполняют большие хозяйственные работы. Так, только за девятую пятилетку выполнено хозяйственных и государственных научных работ на сумму в 130 миллионов рублей. А экономический эффект от внедрения этих работ составил свыше 60 миллионов рублей в год. В эти же годы томские вузы подали 9 заявок на открытия и 2713 заявок на изобретения, получили 811 свидетельств и 12 зарубежных патентов.

Осенними днями 1967 года произошло важное событие, определившее развитие науки в Томске на долгий период — было принято решение о создании в Томске академических институтов. Так родились первые два института — оптики атмосферы и химии нефти. В 1978 году появился еще один — институт сильноточной электроники.

А сегодня на высоком правобережье древней речушки Ушайки, в живописном смешанном лесу, поднялись белокаменные дома Томского академгородка.

Все логично и закономерно. Томские вузы уверенно и неуклонно шли через годы и десятилетия, через суровые испытания и тяжелые проблемы к самым большим высотам науки. Сегодня они достигли этих вершин. И что же, можно остановиться, успокоиться? Нет! С вершин открывается необъятный простор научной деятельности, несметное число загадок и тайн природы, которые надо разгадать и поставить на службу народу. К этому обязывает недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии высшей школы. Томские вузы, свято храня верность революционной науке, сыновнюю верность своим первым, уже ушедшим из жизни, учителям, уверенно трудятся над выполнением новых задач, поставленных перед ними Коммунистической партией и Советским правительством.

Томск продолжает учиться и учить!

ВЕНИАМИН КОЛЫХАЛОВ

НА СЛУЖБЕ У НЕБА

Академгородок под Томском успел пережить свой колыбельный возраст — растет и растет с каждым годом среди хвойных и лиственных лесов, неподалеку от областного центра, как бы под крылышком старинного сибирского города, славного своим прошлым, еще более — настоящим, славного богатыми традициями, интереснейшими людьми.

Быстротечно время. Давно ли, бывая в Академгородке, что уютно расположился у Обского моря под Новосибирском, мечтали мы о тех днях, когда и на томской земле, давшей Родине десятки замечательных ученых, начнут расти корпуса таких же, нашеньских институтов. И вот уже десять лет минуло, как принято постановление Совета Министров СССР об организации в Томске первенцев академической науки — институтов оптики атмосферы и химии нефти.

Время бежит, Академгородок строится. Когда ветер проносит над ним вереницу легких облаков, то кажется: бело-

кирпичные здания, словно огромные айсберги, медленно плывут встречь пенистым гребням невидимых волн, плывут вместе с соснами, березами и осинами, что окружают эти светлые глубины.

Первым в Академгородке поселился институт оптики атмосферы. Его директор Владимир Евсеевич Зуев сегодня имеет много званий и титулов — член Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР, доктор физико-математических наук, депутат Верховного Совета СССР, почетный член ряда зарубежных научных обществ, руководитель Томского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР... А в юности Владимир Зуев возглавлял бригаду старателей в тресте «Байкалзолото». Думал ли он тогда, что основная золотиносная жила его жизни будет открыта значительно позже — после изнурительной старательской работы, после войны с Японией (он принимал участие в боях), после окончания Томского университета. Этой золотой жилой явилась наука. Пронувшаяся когда-то страсть к изучению оптики стала в жизни ученого основной линией: она вывела на непроторенную дорогу поисков и открытий. Оптическая революция не кончилась с изобретением микроскопов, телескопов, с открытием спектроскопии и спектрального анализа, — дав жизнь квантовым источникам света, лазерам, она приобрела качественно новый характер, расширила горизонты поисков. У молодого ученого появилась тяга к исследованию безграничных возможностей лазерного излучения.

Академик Лаврентьев однажды выразился о штучном отборе людей в науку. Владимир Евсеевич за годы своей преподавательской деятельности в университете так же штучно отбирал самых способных из выпускников и не ошибся: все — ведущие специалисты. Многие защитили кандидатские диссертации, кое-кто готовит или уже защитил докторские.

Всего в институте сейчас около пятидесяти кандидатов наук, четыре доктора: директор, его заместитель по науке

М. В. Кабанов (внесший заметный вклад в исследование распространения лазерного излучения в рассеивающих средах), секретарь парткома Ю. С. Макушкин и ведущий теоретик С. Д. Творогов.

Центральное, главенствующее место среди подразделений принадлежит отделу лазерного зондирования атмосферы.

Под руководством В. Е. Зуева в Томске был создан первый лазерный спектрометр. Он помог исследовать поглощающие свойства земной атмосферы, приоткрыл еще одну страницу в познании небесных тайн.

В книге «Лазер покоряет небо» В. Е. Зуев пишет: «...лазерная техника открывает совершенно новые возможности в решении такой общечеловеческой проблемы, как проблема краткосрочных и долгосрочных прогнозов погоды. Ее успешное решение имеет огромное народнохозяйственное значение. Подсчитано, например, что увеличение достоверности прогнозов всего на один процент способно дать нашей стране до миллиарда рублей годового экономического эффекта...»

Вот оно, золото настоящего и будущего! Недаром по объему исследовательских работ, по важности решаемых проблем отдел можно считать самым действенным и жизненно важным звеном в институте. И не случайно руководит им человек, чья добрая репутация ученого утвердилась сразу после окончания ТГУ. Как один из лучших студентов, он поступил в аспирантуру, досрочно, с большим успехом защитил кандидатскую диссертацию. Был доцентом кафедры экспериментальной физики университета, старшим научным сотрудником Сибирского физико-технического института, позже — заместителем директора этого института; на его плечах лежала организация и постановка всей научной работы. Много сил и энергии ученый отдал, работая заведующим лабораторией инфракрасных излучений. Довелось пережить и время неудач, и время побед, это помогло ближе узнать товарищей: многие впоследствии стали надежными помощниками в пору формирования и становления академического института (он

был создан на базе двух лабораторий: уже упомянутой и лаборатории наносекундной техники, во главе с доктором технических наук Г. А. Месяцем) — в налаживании исследовательских работ, в строительстве производственной базы, в решении массы других немаловажных вопросов, без которых не обойтись на трудной организационной стадии.

В 1964 году В. Е. Зуев защищает докторскую диссертацию. Через шесть лет становится членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Для таких людей, как В. Е. Зуев, в сутках непросто мало часов — и сорока не хватит для всяких дел — больших и маленьких. Трудно перечислить советы, комиссии, куда входит директор ведущего института научного центра. А кроме того — дела депутатские. И надо принимать гостей из Москвы, и готовиться к заграничной поездке...

За рубежом Владимир Евсеевич бывает часто. Установлены научные контакты с американскими лазерщиками. Институт участвует в межправительственной советско-американской программе по охране окружающей среды. Успешно осуществляется программа двустороннего сотрудничества с Болгарией. Томичи помогают болгарским коллегам изучать процессы индустриального загрязнения атмосферы, закономерности, протекающие в ее нижних слоях, разрабатывать методы оперативной диагностики градоопасных облаков. Болгарские ученые приобрели лазерный локатор, предназначенный для метеорологических исследований аэрозолей, их динамики и структуры. Это модификация старого локатора, созданного совместно со специальным конструкторским бюро научного приборостроения «Оптика». Он экспонировался на выставке по приборостроению и получил высокую оценку. Его создатели награждены дипломом III степени Президиума СО АН СССР.

Институт ведет большой объем договорных работ в различных отраслях народного хозяйства, сотрудничает с многими ведомствами страны. Совместно с Министерством цветной металлургии разработан комплексный план работ для

действенного контроля за чистотой атмосферы вблизи некоторых металлургических комбинатов страны. Ученые уже приступили к выполнению этой программы, рассчитанной на пять лет. Проведены работы по изучению газовых загрязнений атмосферы, по уточнению суточной динамики газовых компонентов в Кемерове. Предстоит поездка на Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат: с помощью рожденного в стенах института аэрозольного локатора ученые приступят к измерению газовых загрязнений атмосферы и аэрозольных неоднородностей.

В Запорожье такая работа уже проделана. Одним из участников комплексной экспедиции, организованной совместно с управлением Гидрометеослужбы, был заведующий лабораторией лазерного зондирования кандидат физико-математических наук Игнатий Викторович Самохвалов. После вуза работал научным сотрудником, изучал отражение коротких лазерных импульсов в рассеивающих средах. Экспериментальная база находилась на территории ионосферной станции СФТИ. Здесь же была небольшая пристройка — камера туманов, где начинающие ученые моделировали облака, туманы, пыль, индустриальные дымы. А самой первой камерой искусственных туманов стала небольшая землянка на берегу Томи.

Начальная пора становления академической науки. Неустроенность. Нехватка или полное отсутствие необходимого оборудования. Трудные, почти полевые условия для проведения опытов. Многие лаборатории размещались в полуподвальных помещениях, разбросанных по городу. Что было, то было... Но прошли годы, и появились прекрасные институтские помещения, новейшие приборы, уникальное оборудование, по большей части разработанное в СКБ «Оптика». Сформировался крепкий коллектив, способный решать важнейшие задачи на переднем крае науки.

В Академгородке неподалеку от трехэтажного длинного здания института оптики атмосферы выстроен корпус модель-

ных установок — блок «А». Там есть и большая камера искусственных туманов.

Да, многое переменялось за эти годы. Первый самодельный лазерный локатор был довольно громоздок и неказист, он покоился на грубом сварном столе, телескопическая труба весила центнер, осциллографы тоже были тяжелы, и вообще лазер, по выражению создателей, имел «топорное» происхождение.

Было это семь лет назад.

И вот я вижу перед собой современные локаторы — или иначе — лидары, рожденные в институтских лабораториях, в мастерских СКБ «Оптика». Их обтекаемые формы красивы, общий вид прекрасный: они могли бы с успехом экспонироваться на любой международной выставке. Локатор может использоваться для изучения структуры и динамики образования аэрозольных загрязнений атмосферы. Самолетный локатор хорошо зарекомендовал себя при проведении совместных экспериментов с главной геофизической обсерваторией в Ленинграде. Другой локатор совершал путешествие на Кольский полуостров, побывал в карьерах, где добывается никелевая руда. В таких карьерах от многочисленной техники образуются пылевые облака — без принудительной вентиляции не обойтись. Локатор, установленный на определенном горизонте карьера, помог выявить аномалию аэрозольных скоплений. Узнав ее, люди в точно найденном месте смогли установить устройства для очистки воздуха в рабочей зоне карьера.

СКБ научного приборостроения сделало опытный образец локатора, испытанный на корабле в Тихом океане. Так что томские локаторы получили прописку «на земле, в небесах и на море». Большие возможности открываются перед лазерными навигационными системами — они придут на помощь капитанам воздушных и морских лайнеров, помогут вести их в любую погоду.

...Про доктора физико-математических наук Юрия Семеновича Макушкина один институтский остролов сказал: «Не

надо было родиться с такой фамилией — вот и навалили на человека дел по самую макушку: он и секретарь парткома научного центра, и заведующий лабораторией теоретической спектроскопии. К слову сказать — везде успевает».

Все ведущие специалисты в институте — коммунисты. Один из них — Петр Артемьевич Бохан. Он руководит лабораторией и СКБ источников когерентного излучения. Нелегко давалось ему и его товарищам изготовление первых лазеров. Добивались безотказности в работе, большого коэффициента полезного действия, чтобы проводить исследования не в «тепличных условиях», а на полигонах.

Как и многие в институте, Бохан — выпускник Томского университета, прошел добрую школу выучки под зорким наблюдением В. Е. Зуева, ощущая его постоянную поддержку, помощь, советы. Руководимая Боханом лаборатория исследует импульсные лазеры на парах металлов. При лаборатории имеется стеклодувная мастерская. В институте рождаются и зеркала для лазеров. Процесс их изготовления сложный, ведь надо получить почти стопроцентный коэффициент отражения.

Заместитель П. А. Бохана Владимир Клишкин блестяще защитил кандидатскую диссертацию. Не столь уж часто оппоненты наперебой рассыпают похвалы соискателю.

Петр Артемьевич утверждает, что главным, данным от бога, исходным качеством для физика является интуиция, на втором месте — упорство, потом — знание. Многие в институте обладают перечисленными качествами в достатке, с той лишь разницей, что у кого-то больше интуиции, а у кого-то упорства и знаний. У Владимира Клишкина хватает и того, и другого, и третьего, но отличает его, по мнению товарищей, талант экспериментатора. А это — талант особый.

— ...Здание квантовой электроники огромно, песчинку свою вложить в него — и то большая честь, — с огромной силой убежденности говорит Владимир Клишкин. Он — рабочий науки, один из строителей «здания», которому, видимо, никогда не будет завершения.

Хочется долго и неотрывно смотреть на тонюсенькую ярко-зеленую нитку света: лазерный луч, направленный на зеркальный отражатель. Они живые, они пульсируют, эти разноцветные светящиеся лучики, помогая ученым глубже проникнуть в тайны природы, выявить и понять ее закономерности. Лазеры — великая сила науки. В Томске они — на службе у неба.

...В стеклодувной мастерской от СКБ работают братья Шершневы: Александр и Владимир. Они называют себя уважительно кварцедувами, подчеркивая, что имеют дело с материалом жаропрочным. Дело это ответственное, без самого высокого — шестого — разряда тут не обойтись.

На рабочих столах разложен инструмент, необходимый кварцедувам: пинцеты, вольфрамовые и молибденовые шилья, графитовые оправки для выравнивания размяченной массы, развальцовки устья трубок. Над столом в мертвой стойке застыли газовые горелки, похожие на змей перед решительным прыжком. Муфельные печи готовы отжечь любое изделие. От гелиевых течеискателей не укроется мельчайшее нарушение вакуума. Заготовки для газовых лазеров выходят отсюда самого высокого качества.

Александр занимается стеклом уже давно. А вот Владимир — первоклассный шофер — еще недавно работал на загородном маршрутном автобусе. Находясь в отпуске, зашел как-то к младшему брату в мастерскую посмотреть на его «стекляшки». Наблюдал, наблюдал за Сашей, взял да и сам стаканчик тонкостенный на свет белый произвел, потом ампулу. Парни вышли из трудолюбивой семьи, старательные были. Какую интересную работу увидят — все надо самому попробовать. Увлёкся Володя — весь отпуск в ученье прошел. Младший брат был толковым учителем, не зря имел шестой разряд. Учил Владимира основательно, преподав за месяц то, что другой за год не даст. Вот так и трудятся по сей день кварцевых дел мастера — братья Шершневы.

Кроме них в стеклодувной мастерской работает Николай

Дмитриевич Старых. Любо-дорого смотреть, как он управляет: вот включает горелку, из «пасти змеи» вырывается яркое пламя (без светозащитных очков можно ослепнуть: температура пламени более двух тысяч градусов), в его струе Николай Дмитриевич размягчает тонкий прозрачный стерженек и виртуозно обрабатывает им толстостенную кварцевую трубку.

Около семи лет Старых проработал на картонажной фабрике, делал елочные игрушки. Тогда и разряд был не такой высокий, как сейчас. Выдувать из обычного стекла, будто мыльные пузыри, различные шары для украшения елок — дело несложное. Ежедневное однообразие работы, ее сравнительная легкость перестали удовлетворять. По стеклодувной науке Николай Дмитриевич прочитал много книг, самоучкой постигая ее тонкости и секреты, а хотелось попробовать себя на серьезном. Устроился в научно-исследовательский институт, началось колдовство с кварцем. К «академикам» он пришел высококвалифицированным мастером.

У настоящих мастеров своего дела есть общая, роднящая их черта: вдохновение в работе, высокое творческое горение. При этом совершенно неважно, какой профессией владеет мастер, какую он должность занимает. Будь то рабочие, как кварцевудувые братья Шершневые и Старых или десятки их товарищей. Будь то инженеры и техники, как специалисты из СКБ научного приборостроения «Оптика». Будь то ученые, как Ю. С. Макушкин и С. Д. Творогов, И. В. Самохвалов и П. А. Бохан, как В. П. Лопасов, и, конечно, как В. Е. Зуев.

Недаром, когда в апреле 1977 года на основе решения секретариата Томского обкома КПСС в институте оптики атмосферы была разработана «Комплексная программа работ научно-исследовательских организаций и промышленных предприятий г. Томска в области автоматизации технологических процессов и научных исследований на предприятиях и в научных учреждениях», возглавить эту программу было поручено члену обкома В. Е. Зуеву.

Руководя научно-координационным советом при обкоме

партии, ратуя за тесное единение науки и производства, за ускоренное развитие производительных сил области, страны, Владимир Евсеевич добивается решения многих вопросов, связанных с повышением эффективности научных исследований. Именно такого подхода требует XXV съезд КПСС, делегатом которого он был.

Год рождения института сильноточной электроники — 1977. Не было в томском Академгородке объекта, сданного досрочно, — этот институт удостоился такой чести. Не потому, что строители проявили к нему особое уважение — просто из сотрудников будущего института была создана бригада. Она и ускорила ввод корпуса в эксплуатацию. А полномочным представителем на стройке был Ф. Я. Загулов, руководитель лаборатории импульсной электроники при СКБ. Кандидат технических наук, он, говорят, в делах прорабских был академиком. Возглавляемая им бригада возводила свой корпус, где им предстояло работать, проводя в трудах и заботах лучшие часы своей жизни.

Институт сильноточной электроники вырос из одноименного отдела при научно-исследовательском институте оптики атмосферы СО АН СССР. Директором его стал Геннадий Андреевич Месяц, доктор технических наук, лауреат премии Ленинского комсомола. В канун 61-й годовщины Октября он был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР (а вскоре — избран членом-корреспондентом АН СССР). Группа ученых и конструкторов получила эту награду за цикл фундаментальных исследований взрывной электронной эмиссии и инициирующих ее автоэлектронных процессов, разработку на этой основе принципиально нового класса рентгеновских приборов, организацию их серийного производства и эффективного использования в народном хозяйстве.

В одной из монографий Г. А. Месяц рассказывает о технике формирования высоковольтных наносекундных импульсов. Невозможно поймать даже в воображении этот чрезвычайно неуловимый отрезок времени — наносекунду, миллиар-

дную долю секунды! Но что не под силу воображению — делает физика, делают ученые самого молодого в Сибири академического института. В нем три доктора наук, шестнадцать кандидатов. Институт располагает уникальным оборудованием: генератором импульсного напряжения в два с половиной миллиона вольт, стендом для формирования и транспортировки мощных электронных пучков в сильном магнитном поле.

На одном из заседаний Президиума Академии наук СССР Геннадий Андреевич сделал доклад — «Взрывная эмиссия электронов и высокопоточная электроника».

— Работы, о которых рассказывал Месяц, хорошо известны в Советском Союзе и за рубежом, — эти слова принадлежат академику А. М. Прохорову.

Поделится мнением о чрезвычайной важности работ томичей академик Н. Г. Басов:

— В начале шестидесятых годов, когда появились работы по импульсным лазерам, потребовались модуляторы напряжения очень короткого импульса. За эту задачу не бралась ни одна из крупных наших электротехнических фирм, а если брались, то требовали большие средства. И вот Г. А. Месяц при очень умеренном финансировании разработал генератор и уже в то время исследовал эмиссию. Получился очень хороший прибор, который у нас выпускается в настоящее время, — генератор наносекундных импульсов.

Высокая оценка крупнейших ученых красноречивее всего говорит о том, что двадцать лет, проведенные в трудах после окончания Томского политехнического института, не прошли даром для Геннадия Андреевича. Не каждый год приносил удачи, но их за этот период выпадало больше, и вспышки радости были, конечно же, значительно продолжительнее, чем эти неуловимо-стремительные наносекундные импульсы.

Людская душа тоже генерирует энергию: она помогает идти дорогой постоянных поисков, ставить эксперименты, отнюдь не застрахованные от неудач, и через эти многочисленные опыты постепенно подбираться к истине.

Но не одними научными истинами жив институт. Его сотрудники тесно связаны с промышленностью, таким путем изобретения быстрее получают путевку в жизнь.

Об этом с понятной гордостью говорит заместитель директора института Юрий Федорович Поталицын:

— Помимо фундаментальных исследований у нас, в лаборатории плазменной эмиссионной электроники, создается промышленный электронный источник. Нами предложен способ осуществления объемного газового разряда, возбуждаемого электронным пучком. Такой разряд стал основой для создания нового типа лазеров — электроионизационных.

Подписан договор о сотрудничестве с некоторыми предприятиями мебельной промышленности. Используя мощное облучение электронным пучком, можно качественнее и эффективнее производить сушку лаков и красок на поверхности дерева или металла. Сейчас предприятия мебельной промышленности применяют для этого почти дедовские способы, отнимающие много времени и средств: детали, покрытые лаком, помещают в термокамеру, сушат шестнадцать часов, затем производят зачистку, шлифовку, полировку. Мы работаем над промышленными образцами машин, которые значительно ускорят, удешевят процесс сушки лаков и красок. Мебельщики давно ждут такие машины, поэтому коллектив нашего института стремится, чтобы они быстрее вышли из лабораторий и заняли свое место в цехах фабрик и заводов...

Установки для сушки лакокрасочных покрытий — яркий пример самых неожиданных применений лазерной и электронной техники в народном хозяйстве. Есть другие и — много.

Молодые академические институты могут гордиться и своими теоретическими разработками, и тем, что сделано и делается для производства. Эти достижения неоспоримы. Томские ученые оставляют на земле свои заметные следы, оставляют свои деяния, чтобы еще полнее, шире раскрылся перед нами удивительный и таинственный мир жизни.

ЭДУАРД БУРМАКИН

БИОГРАФИЯ

В апреле 1978 года в Томском государственном университете проходила XXXII научная студенческая конференция.

Научная студенческая — это время надежд, время дерзких мечтаний, о которых никому не говорят, но о которых все догадываются. Ведь даже первокурсник, вышедший на конференцию с коротеньким докладом по узкой проблеме (к примеру, о чудесной птичке зимородке, которая, оказывается, принадлежит к вымирающему на Земле виду), даже этот первокурсник мечтает о том, что будет замечен, что найдут в его докладе нечто глубокое, важное, актуальное, а главное, обнаружат его творческие возможности. И, в самом деле, обнаруживают, находят. Никто из докладчиков не остается незамеченным и хоть каким-то образом не отмеченным. В этом году на конференции обсуждалось более девятисот докладов. И никого из докладчиков не забыли. Одни удостоены высших наград, премий, грамот, другим объявлены благодарности —

ректорские, деканатские, комсомольские, подарены книги... И это очень верно — даже маленькое поощрение становится сильным стимулом в дальнейшей работе, вселяет уверенность, рождает желание достигнуть больших успехов.

Пленарное заседание экономической секции проходило в конференц-зале, другая аудитория просто не вместила бы всех ее участников. Ведь предстояло заслушать сто двадцать шесть студенческих докладов — больше, чем на многих других факультетах, численно превосходящих экономический.

Явление это не случайное. Еще в 1950 году на кафедре политэкономии (факультета тогда не было) был создан студенческий научный кружок, а после открытия экономического факультета кружок стал самостоятельным научным студенческим обществом, в котором постоянно работают более ста студентов.

Среди организаторов нового научного общества, а затем его руководителей, были профессор А. П. Бычков, а также доценты К. И. Могильницкая, В. П. Слепцова, И. М. Шапаренко, В. С. Цитленок, Л. А. Варенникова и другие.

Насколько серьезным оказывается это начало научно-исследовательской работы в кружке, в НСО, доказывают факты, когда бывшие кружковцы вырастают в ученых, нередко вносящих заметный вклад в науку. На экономическом факультете гордятся, что свою научную работу начинали в студенческом кружке такие ученые, как А. А. Сергеев — ныне заведующий сектором методологических проблем политэкономии развитого социализма Института экономики АН СССР, А. С. Гусаров — профессор МГУ, доктор экономических наук В. В. Соломатин, доценты В. П. Слепцова, Л. А. Варенникова и др.

Научная студенческая конференция — дело серьезное, важное, это — начало большой работы в науке.

Александр Петрович Бычков как раз и говорил об этом в конференц-зале на пленарном заседании экономической секции. Он пришел сюда не только как ректор университета, но

и как преподаватель факультета, как заведующий кафедрой политэкономии. Перед ним, в зале, где не осталось свободного местечка, сидят его ученики, готовые с доверием отнестись к каждому его слову. Как это ответственно — заранее знать, что все сказанное тобой будет встречено с доверием! Что нужно сказать сейчас, в коротком, по сути дела приветственном, слове? Такие выступления он обычно заранее не пишет, только обдумывает...

В Томске хорошо знают, что Бычков — блестящий оратор. Принято говорить: «прирожденный оратор». Как знать, может, именно прирожденный. Во всяком случае, сам Александр Петрович нет-нет да и вспомнит один эпизод своего детства.

...Он учился в первом классе в деревеньке Клевищи, что на Валдае, близ города Бежецка. Маленького роста, худенький, казался еще младше. Но был боек, общителен, что уже заметили учителя. Именно поэтому ему и поручили выступить на митинге, посвященном годовщине Октября. Обычное приветствие от лица молодого поколения, от учащихся. Но когда он поднялся на сколоченную из досок, в обрамлении еловых веток, трибуну, оказалось, что и макушки его не видать. И тогда председатель сельсовета подхватил его под мышки, поднял высоко и весело крикнул:

— Говори, Шурка!

И он произнес свою первую речь, поддерживаемый крепкими руками председателя.

Его и сегодня нередко охватывает ощущение, что он поднят могучими руками Советской власти, поднят достаточно высоко, чтобы видели и слышали многие. И он должен говорить, люди ждут его слов.

Как же давно это было. А вот помнится, будто вчерашний день... Александр Петрович в родных Клевищах окончил начальную школу, а потом бегал каждое утро — осень, зиму, весну — за пять километров в школу в село Сидорково. Там он и встретил настоящих учителей, тех, которые запоминаются на всю жизнь.

Один из них — учитель биологии Алексей Николаевич Павлов. Он вел не только биологию, но и уроки пения. Для современного учителя такое сочетание покажется, по крайней мере, странным, а для того времени оно было естественным. Уроки пения продолжались два года, ребята стали читать с нотного листа, записывать и в меру своих сил петь десятки знаменитых романсов и арий. Научившись понимать язык искусства, получив начальное музыкальное образование, ученики Алексея Николаевича приобрели в искусстве такого духовного собеседника, без которого уж и обойтись не могли.

Именно так случилось с Александром Бычковым.

И когда, спустя десятилетия, в Томске зашла речь об открытии первой в стране межвузовской кафедры этики и эстетики, ректор ТГУ А. П. Бычков делом поддержал эту инициативу, взяв на себя многие нелегкие заботы и хлопоты: переговоры с министерством, выделение преподавательских ставок, помещения и т. д. И в университете начала работу новая кафедра.

Александр Петрович знает, сколь важно воспитание чувств молодого человека, как велика в этом роль искусства. Он поистине принял эстафету от первых своих учителей!

Много доброго мог бы рассказать Александр Петрович о своих преподавателях физики и истории. Каждый из них по-своему, своими средствами побуждал самое плодотворное желание — учиться. А учиться — это ведь — учить себя. Никакое учение, никакое воспитание не достигнет успеха, если оно не опирается на добровольное, сознательное желание учиться и воспитываться.

Любимые учителя, безусловно, сыграли свою роль в том, что выпускник неполной средней школы села Сидорково Александр Бычков поступил в педагогическое училище в Бежецке.

Здесь стал комсомольцем. Сильная комсомольская организация, серьезная агитаторская работа — это была новая ступень зрелости и воспитания. Самовоспитания.

Их было три друга, три товарища. Заканчивая педучилище, они одновременно сдали экзамены за первый курс исторического факультета Калининского пединститута. Им предложили (пришли в училище места) поехать учиться в Московский университет на истфак. Они, подумав, отказались. Шел 1939 год. Комсомол звал молодежь на Дальний Восток. Осваивать. И защищать. Они уехали. Но пока добрались до Хабаровска, Халхин-Гол кончился. В крайono попросили, раз уж не пришлось повоевать, послать на Сахалин или Камчатку. Но заведующий Хабаровским крайono рассуждал куда практичней.

— Вы что, ребятки! У меня учителей здесь не хватает, а я вас добровольно на Сахалин отправлю. И потом, вам надо учиться дальше. У нас в городе есть пединститут. Нет! Я вас всех пошлю директорами сельских школ.

А директорам от роду было по восемнадцать лет! Свернул зав. крайono три бумажки, на которых были написаны названия сел, кинул их в собственную фуражку: «Тащите!» Бычков вытянул Константиновку, что в тридцати километрах от Хабаровска. Красивое место. Амур. Петропавловское озеро.

Естественно, сперва в селе смотрели на него с нескрываемым сомнением — уж больно молод директор школы. Но был, был уже кое-какой опыт общения с разными людьми, комсомольский, агитаторский. Коллектив в школе оказался хороший. Помогли. Привлекли родителей. Организовали хор, драмкружок, вообще подняли художественную самодеятельность в школе. А там дело пошло.

Интересная жизнь была. Учился заочно в Хабаровском пединституте. Любовь свою нашел. Женился. Избрали членом райкома комсомола. И все под силу, в радость.

Характерная деталь того времени. На пленумы райкома комсомола зимой запрещалось приезжать на каком-либо транспорте. Только — лыжи. От Константиновки тридцать километров. Некоторые жили дальше. И что же? Прекрасно! Так и надо! Мы — комсомольцы! Край наш — пограничный.

А тут грянула война... Началась особая страница жизни.

Приехав на очередную сессию в Хабаровский пединститут, он на городской площади, из громкоговорителя, узнал о нападении фашистской Германии и пошел в военкомат. Выстояв немалую очередь, подал заявление с просьбой послать на фронт добровольцем (директора сельских школ имели «броню»). Он сдавал сессию, когда был вызван в крайком комсомола. Думал, в связи с заявлением. Но ему предложили принять один из сельских райкомов комсомола. Отказался наотрез, удивляясь в душе собственной твердости: его место на фронте.

Сейчас уж он и не помнит, кто ему подсказал... Собирались грамотные парни на трехмесячные курсы фронтовых политработников. Это была верная дорога на фронт. Если человек проходил через отборочную комиссию, его уже не имели права задерживать. Он прошел комиссию. Курсы работали во Владивостоке. Уезжать надо было немедленно. Он успел лишь позвонить в свою Константиновку, жене. Сказал, где лежат ключи от школьного сейфа, где чековая книжка, что нужно сделать немедленно, и попрощался...

Курсы окончены, и вот заместитель политрука танковой роты Бычков выезжает в формирующуюся танковую дивизию, начинает хлопотливую службу армейского политработника. Твердо уверен — будет сформирована дивизия, пройдут учения и все вместе — на фронт. Зимой дивизию, действительно, отправили на фронт. Но молодой политрук вместе с основным командирским ядром был оставлен для дальнейшей работы.

Казалось, это невозможно стерпеть — смотреть, как, разруганные крепким морозцем, грузятся в вагоны твои недавние товарищи, твои бойцы, которым ты, не жалея красноречия, рассказывал о священном долге каждого советского гражданина, о всенародном характере войны против фашизма. Рассказывал, а сам остался в тылу. Он тогда не знал, что подобное состояние придется переживать еще не один раз. Все его просьбы и заявления будут отвергнуты.

Оставалось продолжать службу. Стал комсоргом арtdивизиона, затем арtpолка. Он был еще совсем молод — двадцать два года. И, по сути, продолжал оставаться учителем. Не только потому, что приходилось делать доклады, читать лекции по разнообразным вопросам политики, экономики, истории, военного дела, — прежде всего потому, что он продолжал быть воспитателем, наставником молодых солдат, готовя их к самому тяжелому испытанию — испытанию боем.

День Победы, как и день начала войны, Бычков, теперь уже капитан, встретил в Хабаровске. Шло совещание военных политработников. Вдруг в зал вбегает лейтенант и, нарушая всякую субординацию, кричит высоким голосом: «Товарищи! Победа!»

Но военная служба Александра Бычкова на этом не закончилась. Самое трудное испытание ждало его впереди.

...Он помнит этот день и ночь 8 августа 1945 года со всеми подробностями. Конечно, они уже знали из политических документов, что Советская Армия выполнит свой союзнический долг и вступит в войну с милитаристской Японией. Знали. Готовились. И вся пропагандистская, политическая работа была подчинена предстоящей схватке с противником. Теперь они были на передовой. Но они еще не знали, что их полк определен в группу прорыва и что из его состава выделен батальон захвата, которому поставят задачу — скрытно, с легким оружием, переправиться через Амур и захватить господствующие точки вражеской обороны.

Бычкова вызвал командир полка:

— Вот что, капитан. Поручаю это дело тебе. Надо отобрать двести пятьдесят добровольцев. Пойдут только коммунисты и комсомольцы. Отбор строго индивидуальный. Не в строю. Один на один будешь говорить с каждым. Скажешь всю правду. Никакой поддержки с нашего берега не будет. Если их рано обнаружат, могут погибнуть все. Пусть каждый знает, на что идет. Чтоб на каждого можно было положиться!

Времени оставалось в обрез. Он приглашал к себе в зем-

лянку коммунистов и комсомольцев по списку. Чтобы отобрать двести пятьдесят добровольцев, пришлось переговорить с двумястами пятьюдесятью одним человеком. Отказался только один.

Это был как бы ответ на вопрос о работе пропагандиста. Горд и счастлив был таким ответом капитан Бычков, двадцатичетырехлетний политрук.

Батальон захвата выполнил свою задачу блестяще, не потеряв ни одного человека.

После победы над Японией Александра Петровича перевели на должность старшего инструктора политуправления армии. Настал мир. Появились мирные мысли и желания. Хотелось учиться. Страшно соскучился по своим ученикам. Демобилизовывать его не торопились, а вот учиться в военный вуз направили. Во Владивостоке он сдал экзамены выездной приемной комиссии Ленинградского высшего военного педагогического института. Он подавал заявление на исторический факультет, но комиссия посоветовала другое: «У вас уже фактически есть историческое образование, расширяйте свои знания, предлагаем факультет политэкономии».

Серьезно подумал об этом предложении капитан Бычков и согласился.

Это было в 1948 году. Потом аспирантура. Кандидатская диссертация. Демобилизация. А в 1957 году — Томск...

По-разному люди становятся сибиряками. Сегодня в Сибири живет и работает не одно поколение людей, родившихся и выросших в этом краю. Но Сибирь по-прежнему притягивает к себе энтузиастов со всех концов страны. И те, кто нашел свое призвание, применение своих сил, способностей, таланта в Сибири, по праву называют себя сибиряками. Сибиряком, томичом, считает себя и Александр Петрович Бычков.

С первых же дней он окунулся в активную общественную, партийную, преподавательскую, научную работу. С 1958 года — член парткома университета, потом секре-

тарь парткома. В 1966 году защищает докторскую диссертацию. А в 1967 году назначен ректором...

Не простое это и многозначное дело — растить научные кадры.

Кому не известно, например, что сегодня еще проблема публикации научных работ, особенно по общественным дисциплинам, особенно молодых ученых, стоит достаточно остро. Стараниями Александра Петровича журнал «Экономические науки» в 1977 году свой второй номер целиком отдал молодым ученым-экономистам Сибири: Томск, Новосибирск, Барнаул, Тюмень, Красноярск...

Чтобы успешно работать в должности председателя регионального научно-методического совета вузов Западной Сибири, надо обладать многими качествами. Не только быть организатором и ученым, как говорится, с именем. Надо самому увлеченно работать в науке, в области вузовского образования.

Одна из статей А. П. Бычкова называется «Процесс перерастания социалистических производственных отношений в коммунистические». Нужно учесть, что автор — ученый-экономист! Задачи сегодняшней экономической науки, писал А. П. Бычков, не только увидеть новые, рождающиеся в процессе коммунистического строительства, формы экономических связей, но дать им строгую научную оценку, указать пути наиболее эффективного внедрения в жизнь, в практику самых перспективных из этих форм. Эти задачи достойны того, чтобы посвятить им свою жизнь...

Когда Александр Петрович смотрел на студентов-экономистов, заполнивших до отказа конференц-зал, он думал лишь о том, как понятнее выразить все то, что он может и должен сказать сейчас своим ученикам, делающим первые шаги в науке.

Он говорил:

— Нельзя стать полноценным специалистом, не занимаясь еще в студенческие годы научно-исследовательской работой. Не обязательно, чтобы каждый из вас непременно стал

потом ученым. Нет. Но чтобы в будущем относиться к своей работе творчески, надо иметь к этому привычку, выработать навыки еще во время учения. Этому учит научно-исследовательская работа. Вот почему мы и на факультете, и в университете в целом придаем ей такое значение. Чего нам с вами, экономистам, еще не хватает? Многие наши работы чисто экономические. Слабовато связаны с другими науками.

Но сегодняшняя экономическая наука не может развиваться, не опираясь на знания и достижения философии и математики, естествознания и социологии. Нам хочется видеть больше работ, которые созданы непосредственно на производстве, на предприятиях, взяты из жизни. Нашу теорию надо воспринимать не как книжную схоластику, а как самую действительность, которая нуждается в осмыслении и обобщении. Для нас по-прежнему остается решающим ленинское напутствие: связывать каждый шаг в учении и в образовании с насущными практическими делами строительства коммунизма. Вы будете завершать XX век, будете трудиться в XXI веке. Что ждет вас, нашу страну, человечество в XXI веке? Это во многом будет зависеть от вас, от вашей работы, вашего образа жизни, твердости убеждений, активности жизненной позиции, от нашей науки. Уже сегодня мы строим коммунизм. Мы — участники этого строительства. Это великое счастье. И великая ответственность. Это та главная мера, которой мы должны мерить любое проявление нашей сегодняшней жизни...

Ректор в переводе с латинского — управитель. Применительно к современному ректору вуза это означает, что он не только ученый, преподаватель, но и действительно управитель многих и многих дел — и административных, и хозяйственных.

Здесь, наверное, уместно сообщить, что Томский университет сегодня — это двенадцать факультетов, на которых обучается около восьми тысяч студентов. И более двухсот преподавателей математики, физики, химии, прикладной математики, истории, иностранного языка, геологии и биологии из

высших учебных заведений десятков городов страны повышают квалификацию на его тринадцатом факультете. На кафедрах университета, в его научных лабораториях и институтах трудится свыше семисот преподавателей и полторы тысячи научных сотрудников, среди них семьдесят два доктора наук и более четырехсот пятидесяти кандидатов наук. Здесь крупнейшая вузовская научная библиотека с фондом более трех миллионов книг, вычислительный центр с тремя ЭВМ, пять музеев с богатейшими коллекциями, Сибирский ботанический сад, один из лучших гербариев страны, десятки учебных и научных лабораторий, три научно-исследовательских института.

Сегодня на территории университета тут и там высятся башенные краны. Закончено строительство нового книгохранилища научной библиотеки. Сооружаются актовый зал, студенческая столовая. Все это тоже заботы ректора.

Сейчас ему иногда кажется, что всю жизнь он жил в Томске. Идет по улицам, едва ли не с каждым вторым раскланивается. Его знают и по общественной работе. Александр Петрович — член обкома и горкома партии, народный депутат. И как лектор-пропагандист он хорошо известен.

Часто знакомые говорят, что, глядя на ректора, никогда не подумаешь, что он страшно перегружен работой. Всегда бодр, свеж, энергичен, подвижен. Так бывает у людей утрами, а у него это «утреннее» состояние растягивается на весь день. И кажется, что работаете ему чрезвычайно легко, а главное — интересно, весело...

Все это так. И не так. И ректора настигает усталость. И ему, случается, не хватает времени. Все, как у всех. Но нет привычки жаловаться. Есть привычка работать и не показывать вида, что бывает трудно. Это осталось, может быть, со времени войны, политрукской службы. Политрук не только на беседах и на лекциях воспитывает. Он воспитывает каждый день и каждый час.

ВЛАДИМИР МОИСЕЕВ

НА ГРЕБНЕ СЧАСТЛИВЫХ СОБЫТИЙ

ФЕЛИКС — ЗНАЧИТ «СЧАСТЛИВЫЙ».

«И тут мне повезло». Эти слова любит повторять, рассказывая о своей жизни, Феликс Петрович Тарасенко. Послушать его, так и вправду поверишь: везет ему. Не зря называли Феликсом — что значит «счастливый». В узловых моментах его биографии так складывались внешние обстоятельства, что он действительно оказывался в центре, а вернее сказать, на гребне удивительных и значительных событий.

Удачно также складывались судьбы брата Владимира и сестры Надежды. Все трое закончили десятилетку с золотой медалью, а вузы — с отличием, все трое — коммунисты. Надя — партийный работник в Омске, Феликс и Владимир — доктора наук, профессора.

Их школьные годы проходили в Красноярске. Знаменитые Столбы послужили мальчишкам прекрасной школой физического совершенствования. Здесь проходили игры детства. Здесь закалился их дух, выработалось качество, необходимое

в любом виде деятельности,— коллективизм. Любовь к спорту братья сохранили на всю жизнь. Потом будут серьезные увлечения баскетболом, футболом, гимнастикой, стрельбой и боксом. А начиналось все с мальчишечьего альпинизма, в котором в одиночку ничего не добьешься.

Большой жизненной школой был для них комсомол. Когда Феликс уехал учиться в Томск, младший брат занял вслед за ним пост секретаря комсомольской организации школы.

Уроки учительницы физики Любви Степановны Чистосердовой, награжденной ныне орденом Октябрьской Революции, очевидно, надо считать одним из очень важных звеньев в цепочке счастливых обстоятельств.

Намерение Феликса стать физиком-ядерщиком было столь серьезным, что он написал о своем выборе президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову. Ответил, правда, не сам президент, а его помощник: выбор одобрен и дан совет поступить в Томский университет.

Золотого медалиста приняли без экзаменов, но оказалось, что специальности такой — ядерная физика — в университете нет. Самой подходящей оказалась теоретическая физика.

Большое впечатление на Феликса произвели лекции доцента В. А. Жданова, умевшего даже самые сложные понятия квантовой механики преподнести просто, понятно, с юмором. Глубокий след оставили серьезные и обстоятельные лекции ученых М. А. Большаниной, С. М. Чанышева, Е. И. Чеглакова, А. М. Вендеровича. Врезались в память физические опыты и эксперименты, которые артистически выполнял ассистент Е. И. Тимаков.

В университете Феликс занимался с вдохновением, свободное от лекций время отдавал общественной работе, спорту, чтению книг. Он завел толстую тетрадь, листы которой делил на две части. Слева записывал то, что слышал на лекции, справа — дополнительную литературу. Ему доставляло удовольствие приводить в систему прослушанный курс, дополняя лекции выписками из книг.

Первый курс запомнился Феликсу еще и тем, что он вступил в члены Коммунистической партии. Среди рекомендуемых был один из самых уважаемых на факультете студентов, фронтовик, старший товарищ по общественной работе, ныне член-корреспондент АН СССР В. Е. Зуев.

В 1953 году из Москвы (после долгого перерыва, связанного с уходом на фронт) в университет вернулся профессор Владимир Николаевич Кессених, пионер и энтузиаст радиофизических исследований в Томске. Он становится деканом открытого в том же году радиофизического факультета. Народное хозяйство испытывало нужду в специалистах этого профиля так сильно, что набор шел сразу на все курсы нового факультета — с первого по пятый.

По совету В. Е. Зуева Феликс третий курс начинает на новом факультете. Молодого коммуниста избирают секретарем комсомольского бюро. В. Е. Зуева — секретарем партийной организации факультета. «Я учился у Владимира Евсеевича деловитости, четкости в планировании и исполнении работы, — вспоминает Феликс Петрович. — Мне хотелось иметь такую же, как у него, железную обязательность в исполнении данного слова».

Приобщение к различным разделам радиофизики хорошо подготовленных теоретиков — физиков и математиков (а это было время, когда студенты сами просили доцентов прочитать им сверх программы заинтересовавший их курс) дало несколько хороших поколений специалистов. Был еще один фактор, благоприятствующий подготовке радиофизиков: взаимопроникновение фундаментальной науки и процесса обучения кадров. В Томском университете и СФТИ основу этой системы закладывали еще в 30-х годах В. Д. Кузнецов, В. Н. Кессених, М. А. Большанина, Н. А. Прилежаева, А. Б. Сапожников. Сегодня она приобрела права гражданства практически в большинстве томских вузов, благодаря своим огромным возможностям.

...И ТУТ ПОЯВИЛИСЬ СВОИ МЫСЛИ

Заведующий ионосферной лабораторией СФТИ А. И. Лихачев предложил Феликсу тему дипломной работы — исследовать один из методов селекции (отбора, извлечения) радиосигналов из шума. В ходе разработки этого метода возникли свои мысли, свои методы. Причем решение проблемы строилось на принципиально новой основе — только дающей о себе знать теории информации.

Способного студента заметил профессор В. Н. Кессених и предложил ему поступить в аспирантуру. Приглашение совпало с горячим желанием самого Феликса заняться всерьез научно-исследовательской работой в неизведанных областях знаний.

«Нам повезло, что мы попали к Кессениху», — говорят теперь братья Тарасенко (Владимир и тут пошел по стопам брата. Позже он скажет о Феликсе: «Я многим ему обязан. В тех случаях, когда я должен был сделать ответственный выбор, мне часто помогал Феликс. Большое счастье — иметь такого брата — друга»). А Кессених относил их к числу своих любимых аспирантов. Каждого, кто знал этого крупного ученого и благороднейшей души человека, поражала его твердая жизненная позиция, партийная убежденность, огромная эрудиция.

Владимир Николаевич был человеком жестких требований. Понравиться такому человеку было нелегко, и уж совсем не просто, даже будучи любимым, проходить «школу Кессениха». Он мог сильно, с издевкой, а в иных случаях прямо-таки театрально «разделить» коллегу или своего аспиранта, однако никогда частная ошибка, научное инакомыслие не заслоняли от него всего человека, его достоинств.

Примитивной (по своей внешности), неуклюжей показалась профессору установка, которую создал, работая над кан-

дидатской диссертацией, Владимир Тарасенко. Ах, какими едкими эпитетами осыпал ее Кессених! Но подошел день защиты диссертации, и профессор, отрешившись от эмоций по поводу внешнего вида установки, дал объективную высокую оценку работе диссертанта.

Логика мышления, острота видения, глубина суждения, высокая самоорганизованность — это у Феликса и Владимира от любимого учителя, профессора В. Н. Кессениха.

Однако вернемся к 1957 году.

В ТЕМНОМ ЛЕСУ КИБЕРНЕТИКИ

То было время, когда американцы Норберт Винер и Клод Шенон тревожили умы ученых представлениями о новой, только что возникшей науке — кибернетике. В 1957 году молодой энергичный ученый Петр Павлович Бирюлин, закончивший в Москве аспирантуру, сплотил вокруг себя в СФТИ группу энтузиастов, желающих поближе познакомиться с тем, о чем писали Шенон и Винер. Первым предложение Бирюлина принял аспирант второго года обучения Феликс Тарасенко. В эту группу вошли аспирант Аркадий Закревский, студенты Геннадий Медведев, Анатолий Уткин, Борис Рябышкин, Владимир Тарасенко и другие.

Студенты и аспиранты, объединившиеся вокруг Бирюлина, походили на людей, вошедших в бескрайний темный лес, из которого надо было выйти самим и найти путь для других.

Вошли, стали оглядываться. Надо отдать должное молодым людям: они не растерялись. Многие маститые ученые кибернетику за науку не считали, относились к ней отрицательно или, в лучшем случае, осторожно. Иначе повел себя кумир студентов и аспирантов профессор В. Н. Кессених.

Не причисляя себя к сторонникам кибернетики, он тем не менее охотно посещал студенческие диспуты, разгоравшиеся вокруг новых теорий, которые впоследствии станут основами кибернетики.

Свою первую научную разработку группа энтузиастов вела по правительственному заданию на основе крупного хозяйственного заказа. В то время правительственный заказ был редкостью для высшей школы. В университете восприняли его как большую честь и признание заслуг томской радиофизической науки.

А заслуги были немалые. Ведь еще в 1931 году В. Г. Денисовым в СФТИ была создана механическая телевизионная развертка (война прервала эти исследования). Доценты В. И. Иванчиков и А. Б. Сапожников создали первый дефектоскоп и прокатили его по рельсам железной дороги, преодолев пешим ходом путь от Томска до Москвы. В 30-е годы под руководством доцента Б. П. Кашкина в СФТИ были начаты работы по радиоэлектронике.

И вот теперь, в 1957 году, речь шла о создании специализированного устройства для обнаружения радиосигналов в интенсивных шумах. Путь к решению проблемы лежал через реализацию новейших методов теории информации и математической статистики.

Теоретические вопросы разрабатывал Феликс Тарасенко. Он предложил алгоритмы обработки поступающей на устройство информации. Реализовать их предстояло на элементной базе того времени — с помощью радиоламп. Смешно теперь вспоминать, каким неуклюжим чудовищем выглядело их детище — устройство, призванное двинуть вперед научно-технический прогресс. Это был огромный железный противень, изрешеченный отверстиями для радиоламп, которых требовалось так много, что директор СФТИ академик В. Д. Кузнецов не подписал заявку на них. «Подумайте,— сказал он,— как сократить число ламп, упрощайте схему».

Необходимость, говорят,— сестра открытия. На упрощение

ушли сотни бессонных ночей. Главного конструктора устройства Анатолия Уткина прозвали Суткиным, потому что он ни днем, ни ночью не отходил от установки. Бывало так, что один будил другого и ложился на его место где-нибудь на сдвинутых стульях, тут же, в лаборатории. Примеры беззаветного, граничащего с мужеством труда подавал самый старший в группе — Борис Рябышкин. Огромная любовь к прикладной физике привела его в науку после фронта. Но прежде он окончил учительский институт и летнюю школу. Автор этих строк когда-то рисовал для университетской многотиражки дружеский шарж: Борис Рябышкин ночной порой (за окном — луна) «грызет гранит науки», а чтобы не мешать спящим товарищам, пристроил в качестве дополнения к абажуру брюки, через широкие штанины которых свет падал только на книги и конспекты...

Установку создали менее чем за год. После долгих неудач с запуском однажды в четыре часа ночи она заработала. Что тут творилось! Ребята прыгали и обнимались, кричали «ура!».

Позвонили Кессениху.

Профессор немедленно приехал. И тут ребятам пришлось познакомиться с техническим термином, имеющим прямое отношение к науке: «визит-эффект». Короче говоря, визит профессора совпал с отказом установки работать. «Не расстраивайтесь, — сказал Владимир Николаевич, — это почти закон, не одни вы на нем оконфузились». Утешение, конечно, было слабое, однако и унывать энтузиасты не собирались. Впрочем, на уныние просто не оставалось времени.

Через несколько дней работа была окончательно завершена. Ее с высокой оценкой приняла правительственная комиссия, в состав которой вошли видные ученые и специалисты страны.

Запомним эту дату: 1957 — год рождения томской ячейки кибернетиков. На базе их коллективной разработки были созданы промышленные образцы установок, выделяющих радио-

сигналы в сильных шумах, а предложенные ими принципы легли в основу многих новых систем.

Через год эти же ребята привезли из Пензы ЭВМ отечественного производства «Урал-1» и очень гордились этим: тогда она была единственной за Уралом.

Закончив аспирантуру, разными путями пошли дальше члены этой ячейки. У каждого свои ученики, свое направление в кибернетике, но ни один из них не изменил сделанному в юности выбору.

У КАЖДОГО — СВОЙ ПУТЬ

Все аспиранты В. Н. Кессениха вошли в науку хорошими организаторами. Профессор сам был преданным делу партии ученым и в своих учениках поощрял коллективизм, общественную жилку. А. Д. Закревский избран членом-корреспондентом АН БССР, работает в Институте технической кибернетики (Минск), там же трудится талантливый конструктор электронно-вычислительных машин А. А. Уткин. Г. А. Медведев — профессор Белорусского университета, был первым деканом факультета прикладной математики в Томском университете. Б. С. Рябышкин, в течение долгого времени доцент Томского института автоматизированных систем управления и радиоэлектроники, сейчас трудится в Томском политехническом институте.

Феликс Петрович Тарасенко стал заниматься теорией информации, проблемами математической статистики. Этим важным разделам кибернетики посвящены две его монографии. Одна из них — «Введение в курс теории информации» — вышла в 1963 году и до сих пор в ряде вузов является учебным пособием для студентов. Опубликованная в 1973 году монография «Непараметрическая статистика» посвящена одному из самых молодых разделов статистики. Она развивает

ТОМСК УЧИТСЯ И УЧИТ

люди . цифры . факты . люди

Уже к концу декабря 1919 г. в Томске действовали профсоюзы, в том числе — металлистов, кожевников, грузчиков, пищевиков и др. Коммунисты приняли все меры по укреплению роли профсоюзов в восстановлении народного хозяйства, переводе его на социалистические рельсы.

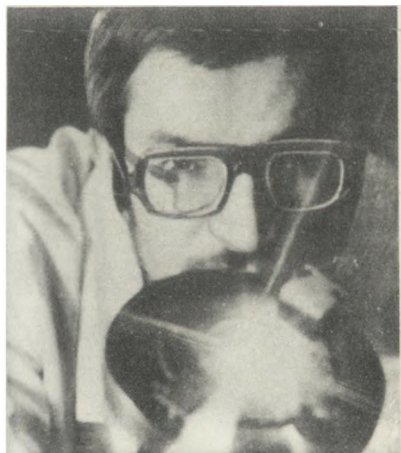
люди . цифры . факты . люди

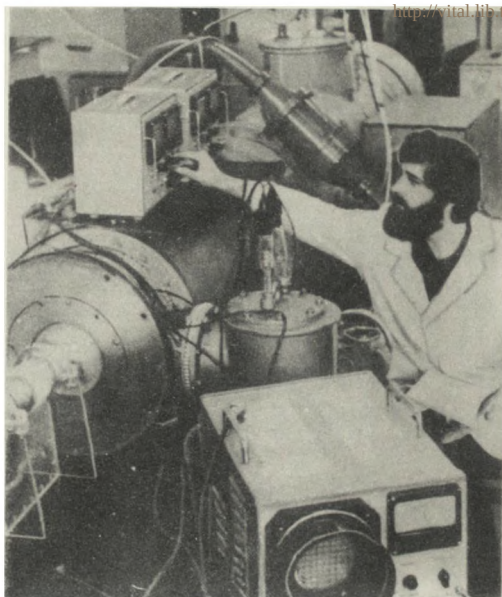
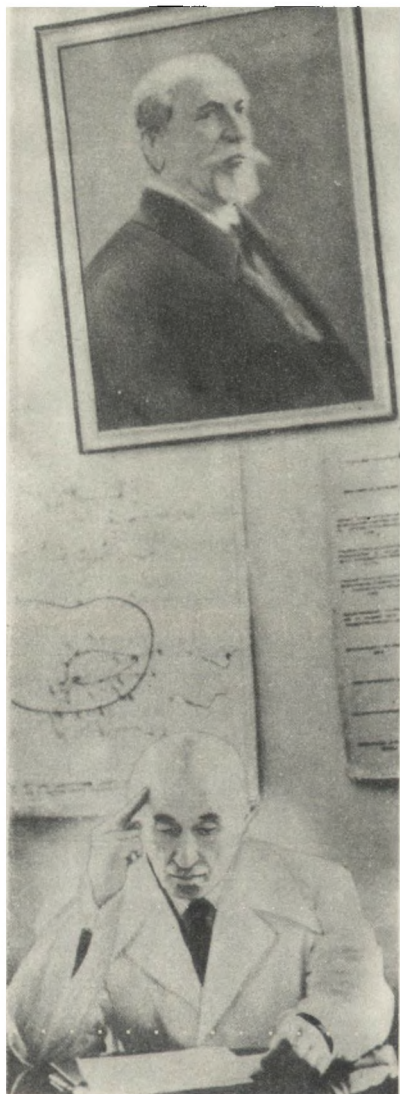
ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

15 февраля 1920 г. на станциях Томск-I и Томск-II прошел первый коммунистический субботник. В течение месяца проведены субботники, в которых участвовало около 9 тыс. человек. На общегородском субботнике 23 мая 1920 г. трудилось 20 тыс. томичей.

Субботники помогли преодолеть топливный кризис, в кратчайшие сроки восстановить порт, спасти брошенные белыми пароходы, повысить производительность труда.

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

В 1928 г. создан Сибирский физико-технический институт (с 1930 г. он — при Томском университете), первый научно-исследовательский институт к востоку от Урала. В 1978 г. за большие заслуги в подготовке научных кадров и развитии науки СФТИ им. академика В. Д. Кузнецова награжден орденом Трудового Красного Знамени.

При университете успешно работают также другие НИИ: прикладной математики и механики, биологии и биофизики.

Три НИИ имеются при политехническом институте, один — при институте автоматизированных систем управления и радиоэлектроники. Все они вносят значительный вклад в развитие вузовской науки и процесс специализации студентов.

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

люди · цифры · факты · люди

В 1922—1928 гг. были отремонтированы и вступили в строй все томские заводы и фабрики. Они значительно увеличили выпуск продукции.

• • •

В 1922 г. силами энтузиастов (студентов университета Попова, Самсонова, Выборного) в Томске сооружена 25-метровая радиоантенна для приема московских передач, а в парках, клубах, красных уголках установлены радиоточки.

люди · цифры · факты · люди

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

В 30-е годы в Томске вошли в строй новые предприятия: весовой завод, швейная и макаронная фабрики, фабрика карандашной дощечки и др. Выпуск валовой продукции в 1940 г. по сравнению с 1935 г. увеличился в 2,5 раза, а с 1930 г. — в 5 раз.

В 1928 г. в Томске открыто автобусное движение. Три городских линии обслуживали 13 машин, которые вмещали всего 250 человек. В 1938 г. появились первые таксомотеры.

В 1976 г. более 400 городских автобусов перевезли около 60 миллионов пассажиров.

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

люди . цифры . факты . люди

Во второй пятилетке большое внимание уделяется жилищному строительству. С 1933 по 1939 г. горсовет и промышленные предприятия построили жилья свыше 36 тыс. кв. метров, 15 тыс. кв. метров ввели в эксплуатацию индивидуальные застройщики. В 1940 г. на каждого томича приходилось 5,6 кв. метров жилой площади против 4,6 в 1932 г.

люди . цифры . факты . люди

ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

Из постановления бюро Томского горкома ВКП (б) от 27 июня 1941 г.:

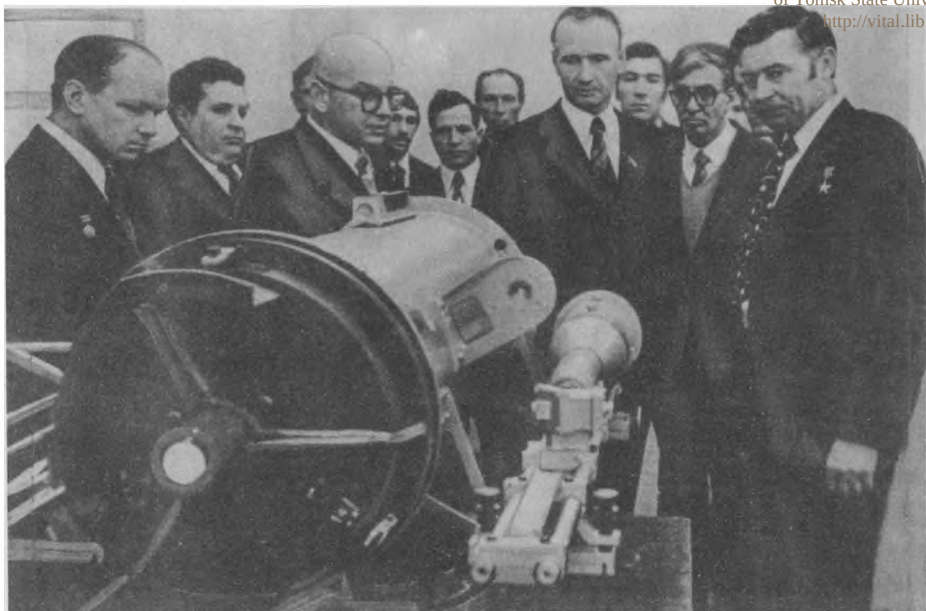
«1. Принять предложение группы научных работников об организации в Томске городского комитета ученых содействия развитию предприятий промышленности и транспорта в военное время.

2. Утвердить комитет в следующем составе: Председатель комитета, профессор Токин. Заместители председателя комитета, профессора: Шмаргунов, Кузнецов, Савиных. Секретарь комитета, научный сотрудник Светланов. Члены комитета, профессора: Карташов, Бутаков, Геблер, Коровин, Кессених, Кузнецов...

Секретарь Томского горкома ВКП(б)
Чернышев.»

ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

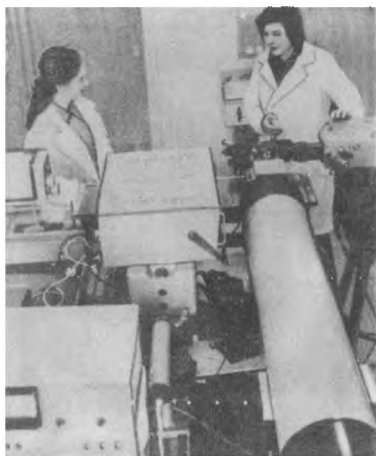

люди . цифры . факты . люди

«Токарь одного из заводов Томска т. Бородулин вместе со своим братом — начальником цеха, сконструировал приспособление, заменяющее несколько режущих инструментов. За 20 минут т. Бородулин выполнил на нем 2330 % дневной нормы...

...Молодой фрезеровщик т. Костюковский рационализировал процесс фрезерования секторных шестерен... Результат: за 3 часа 20 минут т. Костюковский выполнил сменное задание на 1160 %, заменив 20 фрезеровщиков...

Газета «Советская Сибирь»
от 16 августа 1942 г.

люди . цифры . факты . люди

ряд новых научных положений и в то же время ориентирована на инженеров-практиков. Обе монографии получили в университете первую премию. Вопросам непараметрической статистики были посвящены две Всесоюзных школы-семинара (в Томске и Шушенском), на которых председателем оргкомитета избирался Ф. П. Тарасенко.

Немалый вклад внес Ф. П. Тарасенко в организацию новых специализаций, кафедр, лабораторий, в подготовку специалистов и сосредоточение усилий талантливых ученых на решении актуальных вопросов кибернетики. Под его руководством 11 аспирантов стали кандидатами наук.

Феликс Петрович самостоятельно овладел в совершенстве английским, стал экспертом ЮНЕСКО по своей отрасли науки, повышал квалификацию в Лондоне, преподавал в Танзании. Он член рабочей группы, созданной при совете по кибернетике АН СССР по советско-американскому сотрудничеству в области теории информации и ее приложений. Автор 80 научных работ, имеет публикации в зарубежных изданиях, ведет обширную переписку с учеными разных стран. Участник шести международных симпозиумов. Организатор первой в Томске кафедры кибернетического профиля.

После поездки в Танзанию Ф. П. Тарасенко возглавил созданный по его инициативе отдел кибернетики СФТИ, который сейчас имеет шесть хорошо развитых лабораторий. 170 сотрудников, более 40 преподавателей и аспирантов с родственных кафедр разрабатывают кибернетические системы и технику. На базе отдела создан новый факультет — прикладной математики и кибернетики. Трудно подсчитать число специалистов, которые, пройдя выучку в отделе кибернетики, ныне развивают его идеи и традиции в различных научных центрах Союза.

В 1972 году Томский обком КПСС поставил перед учеными задачу — начать подготовку к разработке территориальной автоматизированной системы управления народным хозяйством Томской области. К решению проблемы привлекли груп-

пу ученых разного профиля: экономистов, математиков, кибернетиков, специалистов по применению ЭВМ в прикладной математике, юристов. Позднее подключился и философ. И опять на гребне этих важнейших событий оказались братья Тарасенко. Комплексная научно-техническая группа под руководством Ф. И. Перегудова определила методические основы создания АСУ народным хозяйством Томской области. Кроме технической документации, группа подготовила две большие монографии. Они изданы в Томске и Москве. Есть в них и главы, написанные Ф. П. и В. П. Тарасенко.

НАУКА ОТ ЭТОГО ТОЛЬКО ВЫИГРАЕТ

В октябре 1978 года коммунисты университета избрали Феликса Петровича секретарем парткома.

— Вот не думал, какая это глыба — университет, хотя уже 28 лет тесно связан с ним, прошел здесь путь от студента до профессора, — пошутил в первые же дни своего секретарства Феликс Петрович.

Сутки уплотнились, но он по-прежнему успевает сделать многое.

Мне приходилось беседовать с людьми, хорошо знающими Феликса Петровича. Любопытна их реакция на избрание его секретарем парткома. Одни одобряли выбор коммунистов. Другие сокрушались: «А как же наука?» Третьи недоумевали по поводу близорукости вторых: «Партийная работа отшлифует его организаторские навыки, наука впоследствии от этого только выиграет».

Что на этот счет думает сам Феликс Петрович?

— Я по-прежнему являюсь научным руководителем хозяйственной работы в 500 тысяч рублей по важнейшей прави-

тельской тематике. В ней задействовано несколько лабораторий отдела кибернетики. Университет только что передал в издательство коллективную монографию, в которой ученые этого вуза рассказывают о состоянии своих наук — физики, математики, геологии, астрономии, химии и т. д. В основу книги положены лекции, прочитанные студентам гуманитарных факультетов. Есть в этом сборнике и моя лекция о кибернетике. Подписан в свет 5-й выпуск сборника статей «Математическая статистика и ее приложения», в котором две мои статьи. По-прежнему веду кафедру теоретической кибернетики, читаю два курса лекций.

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Темой кандидатской диссертации Владимира Петровича Тарасенко стала разработка системы управления движущимся объектом с использованием карт местности. Речь шла о создании автоматического штурмана, который бы сравнивал изображение местности на экране радиолокатора с картой заданного курса, определял отклонения и выработывал сигналы для выравнивания судна. Задача чисто кибернетическая: создать устройство автоматического распознавания образов. Через два года такое устройство было готово. Вот — выписка из официального документа:

«В Томске (сначала в СФТИ, а затем в институте автоматизированных систем управления и радиоэлектроники) с 1960 года по настоящее время под научным руководством доктора технических наук профессора В. П. Тарасенко выполнен цикл работ, связанный с созданием принципиально нового класса систем радионавигации.

В чем новизна этих систем? Пересмотрев традиционные методы и средства обработки радионавигационных сигналов,

группа ученых под руководством В. П. Тарасенко предложила свои принципы построения и основы теории нового класса систем радионавигации. Поскольку новый класс систем опирается на совместное использование корреляционных методов обработки сигналов и экстремальных принципов управления, они получили название корреляционно-экстремальных систем радионавигации (КЭСРН). Принципы построения КЭСРН ориентированы на использование различных средств современной бортовой вычислительной техники: в аналоговом варианте — на применение оптических корреляторов, в цифровом — на элементную базу интегральной микроэлектроники и оптоэлектронные средства обработки информации.

По сравнению с известными системами КЭСРН обладают новыми качествами: бортовой аппаратуре присущи адаптивные свойства, позволяющие ей эффективно работать в условиях большой неопределенности исходных данных.

Для функционирования КЭСРН не требуется дорогостоящих наземных служб прогнозирования условий распространения радиоволн. Они обеспечивают устойчивую работу в зоне интерференции радиоволн.

Основные результаты по разработке принципов построения и основ теории экстремальных систем радионавигации опубликованы в большом числе научных статей (в том числе в трех зарубежных публикациях) и трех монографиях, соавтором которых является В. П. Тарасенко. Под его редакцией в издательстве ТГУ с 1975 года публикуется ежегодный межвузовский сборник «Корреляционно-экстремальные системы автоматической обработки информации и управления». Пятнадцать аспирантов В. П. Тарасенко защитили кандидатские диссертации на темы, прямо или косвенно связанные с КЭСРН. Две научные лаборатории в СФТИ и НИИ автоматики и электромеханики ведут исследования по проблемам

КЭСРН. В рамках совета по кибернетике при Президиуме АН СССР по инициативе В. П. Тарасенко создана подкомиссия по корреляционно-экстремальным системам, призванная координировать в стране работы в этой области науки.

СОДРУЖЕСТВО

Проблема внедрения научной разработки в производство многие годы была, а в ряде случаев и сейчас остается, крайне тяжелой для вуза, лишенного собственной экспериментальной базы.

Разрабатывая принципы АСУ технологическим процессом, кафедра В. П. Тарасенко решила выйти на реальную производственную базу, заинтересованную в автоматизации управления технологическими процессами. Так, в феврале 1978 года был заключен долгосрочный договор о содружестве с управлением магистральных нефтепроводов Центральной Сибири по разработке и внедрению автоматизированной системы управления технологическим процессом перекачки нефти по магистральному нефтепроводу Александровское — Анжеро-Судженск. Эта система создана при научном руководстве В. П. Тарасенко усилиями трех организаций: управления магистральных нефтепроводов Центральной Сибири, ТИАСУРа и Томского филиала института Гипротрубопровод. В мировой практике еще никто не осуществлял автоматического управления магистральным нефтепроводом такого масштаба — 818 километров — по радиорелейным каналам. Не менее интересно и то, что информационно-вычислительный центр и центральный диспетчерский пункт, откуда будет осуществляться автоматическое управление нефтепроводом, расположены в учебном корпусе института автоматизированных си-

стем управления и радиоэлектроники, буквально за стенкой кафедры оптимальных и адаптивных систем управления. Трудно представить более тесную связь вузовской науки с производством!

Передаваемая по радиорелейным каналам информация на управляющем вычислительном комплексе расшифровывается, проверяется на достоверность и предстает перед диспетчером в удобном для зрительного восприятия виде. По результатам обработки информации формируются карты оптимальных режимов перекачки и прогнозируется состояние объекта на заданный интервал времени. Диспетчер может ускорить или замедлить перекачку нефти, отключить оказавшийся в аварийном состоянии узел. Для переключения канала связи АСУТП с объекта на модель создан тренажер, который позволяет автономно отлаживать математическое обеспечение системы и обучать студентов — будущих диспетчеров и операторов.

Представление оперативной информации диспетчеру — не основная функция управляющего вычислительного комплекса. Главная его обязанность — быть советчиком диспетчера. Управляющий вычислительный комплекс по заданной программе обрабатывает всю информацию, поступившую с нефтепровода, и выдает на экран дисплея обобщенное сообщение о выполнении плановых показателей, о наиболее оптимальных режимах работы, прогнозирует состояние нефтепровода на заданный интервал времени. Первая очередь этой большой работы закончена, впереди — вторая часть...

Что больше всего ценят в братьях Тарасенко товарищи? Их качества пытливых исследователей. Ненасытную страсть к творчеству. Умение сплачивать людей вокруг большой идеи, создавать в коллективе творческую атмосферу.

...Два брата, две личности. Две страницы в истории томской науки.

ТАМАРА КАЛЕНОВА

ДОРОЖЕ ВСЕХ БОГАТСТВ

Правым крылом своим факультетские клиники выходят к Университетской роще; это напоминает большую серую птицу, в какой-то миг, на взлете, прощально коснувшуюся зеленого островка родной земли. Старые тополицы перед фасадом принимают на себя шум главного городского проспекта. За широкими каменными стенами в палатах, как и полагается, больничная тишина, покой. Толпы молодых людей в белых халатах на удивление малозаметны и негромкоголосы в просторных высоких коридорах. На стенах умные и строгие лики ученых, первых профессоров-медиков. Пестрая и модная «стендовая» болезнь стороной обошла старейшее медицинское учреждение в Сибири: оформление всюду скромное, на академический лад. Во всем — неуловимо — приметы времени, истории...

— В смысле истории наша кафедра самая «древняя» в институте, — говорит профессор Ростислав Сергеевич Карпов, заместитель заведующего кафедрой факультетской терапии. —

Устойчивые традиции. Как говорится, из глубин времени. Что я имею в виду? Если говорить общо, то главная особенность кафедры — в ее движении. От «вчера» к «сегодня» и с неизменной проекцией в будущий день. В этом, если хотите, основная идея всей нашей сиюминутной будничной работы. В этом же, смею утверждать, высокий смысл и благородный итог жизни многих наших талантливых предшественников. Ну, а если поконкретней...

Лицо молодого профессора (Карпову чуть более сорока, докторскую диссертацию он защитил в 38) приняло напряженное и несколько отстраненное выражение: так путник пытается припомнить все тропинки и дороги, по которым он отшагал не один десяток лет, дороги эти длинные и поворотисты, узоры бесчисленных троп неповторимы и причудливы — а припомнить все необходимо и важно...

— К сожалению, мы не имеем написанной истории. Так, собрали некоторые документы, цифры, факты, чтобы своим студентам рассказывать... Основной материал, если так позволено будет выразиться, хранится сейчас в бесценной и ясной памяти нашего заведующего, Дмитрия Дмитриевича Яблокова. Его воспоминания — живые и яркие страницы не только развития кафедры терапии, но и вообще здравоохранения на томской земле. Люди, события... Без них любая история суха и неконкретна. История медицины тем паче. При знакомстве с содержимым нашей «кафедральной» папочки учтите — это лишь детали и штрихи к общей картине, и понимать их надо в общей связи с историей института, со всей системой организации здравоохранения в нашей области...

Да, разумеется, в общей связи...

Год 1891 считается некоей отправной точкой, с которой начинается, говоря словами профессора Карпова, движение кафедры. В этот год она была сформирована. (Вообще, год рождения медицинского факультета Томского университета — 1888). Первый ее заведующий профессор А. П. Коркунов, руководивший кафедрой в течение пятнадцати лет, по

объективному признанию историков медицины, не оставил большого следа в науке. Может быть, справедливости ради, следовало бы назвать этот период в деятельности томских терапевтов организационным (корпус факультетских клиник, последнее творение архитектора Павла Нарановича, вступил в строй в 1892 году, до этого обучение студентов проходило в больнице Приказа общественного призрения), если бы жизнь не внесла существенную поправку в эту периодизацию.

В то же время в Томске работали (или, как говорили в старину, с л у ж и л и) выдающиеся личности, светила медицинской науки: любимый ученик Петра Францевича Лесгафта талантливый хирург Эраст Гаврилович Салищев, видный клиницист и прогрессивный деятель, председатель «Общества естествоиспытателей и врачей», создавший вместе с П. И. Тиховым и другими медиками сибирскую хирургическую школу; А. С. Догель, знаменитый русский гистолог, заведовавший кафедрой гистологии университета, труды которого высоко ценил великий русский физиолог И. П. Павлов; И. Н. Грамматикати, профессор, доктор медицины, крупный специалист в области акушерства и гинекологии, любимые сотрудники и ученики профессора В. А. Манассеина, подарившего университету 30 000 томов уникальной медицинской библиотеки, — Курлов, Судаков, Буржинский...

Создание медицинского факультета и кафедр само по себе было делом чрезвычайно важным и необходимым, но факт сей утонул в океане человеческих страданий, горя и нищеты. Островок был создан, но в океане и — один...

Почти три века (с 1604 по 1896 г.) Томск был городом с вымирающим населением, жившим «внешним заемом», за счет переселенцев. Так, с 1870 по 1888 год ежегодно рождалось на тысячу человек 42,8, умирало — 45,8, а вместе с умершими в пересыльной тюрьме (несмотря на отчаянные усилия тюремного врача доктора медицины Флорентина Феликсовича Оржешко) — 53,8. В среднем умирало ежегодно на 238 человек более, чем рождалось. Цифра страшная даже по

тому времени. Особенно чудовищной становится она, если добавить такие статистические данные: до революции в Томске погибал каждый третий ребенок в возрасте до года.

Вокруг островка медиков, жаждавших изменить и облегчить жизнь народа, бушевали повальные болезни: оспа натуральная, скарлатина, корь, тифы — брюшной, возвратный, сыпной, неопределенный; дифтерия, туберкулез, сифилис, дизентерия, холера азиатская, малярия, трахома, проказа, сибирская язва.

Что противостояло этому подлинному нашествию болезней? Скучное наличие больничных коек, такое же скудное количество медикаментов и безграничный энтузиазм самих врачей.

До 1905 года медицинская помощь в Томске была представлена лишь городским врачом и больницей Приказа общественного призрения. К 1907 году имелось уже 4 стационара на 40 коек. В 1912 году медицинскую помощь жителям обширной губернии могли оказать: больница Ведомства общественного призрения (200 коек) с амбулаторией; клиники университета (210 коек) с амбулаторией; родильный дом Ведомства императрицы Марии (10 коек); больница при Общине сестер милосердия (12 коек); родильный покой при акушерско-фельдшерской школе (10 коек) и еще несколько «карликовых» больниц — тюремная, военная, железнодорожная, при духовной семинарии, епархиальном училище и частная лечебница. Лечение всюду — платное.

Слишком велики были размеры народного горя, болезней, нищеты.

Разум и сердце всякого честного здравомыслящего человека восставали при виде этих картин. Хотелось сделать больше, чем это было в человеческих силах...

Первые профессора-медики имели в своем распоряжении немного: крохотные лаборатории, минимальное количество препаратов и собственные руки. Недостаток оборудования профессора-клиницисты старались восполнить яркостью своих

лекций. Показывали на студентах терапевтические приемы диагностики, способы наложения повязок...

Холеру 1892 года, завезенную в Томск арестантами, медики (30 студентов ТГУ и несколько профессоров) встретили тоже практически безоружными, и только подлинный их героизм, самоотверженность спасли город от полного вымирания. Александр Павлович Коркунов, профессор терапии, на эпидемии не усердствовал, скорее уклонялся... (Какой уж тут «организационный период» на кафедре! Не усердствовал — и этим все сказано, таким и в историю вошел... Хотя и был в числе любимых учеников Вячеслава Авксентьевича Манассеина.)

— ...Ну вот, мы и отвлеклись далеко-о в сторону, — усмехнулся Ростислав Сергеевич Карпов. — Хотя, как знать... Невозможно понять весь объем сделанного, совершенного, законо созданного Советской властью, не зная того, что было до революции. Своим студентам мы не устаем рассказывать об этом. Призываем — смотрите, думайте, сравнивайте — что было, что стало — и что вам, молодым, предстоит совершить... Опыт прошлого — великий учитель...

Это верно — великий. И память у Карпова поистине живая и всеобъемлющая.

Русская интеллигенция всегда славилась состраданием, пониманием тягот и нужд, которые терпит народ. Абстрактное сострадание, перенесенное на сибирскую почву, дало тот же малый, полубесполезный эффект, что и по всей дореволюционной России; создавались бесконечные общества, благотворительные организации, союзы... Возникали, учреждались, начинали действовать — с тем, чтобы, оттолкнувшись от берега и очутившись в океане народного горя, захлебнуться в собственной беспомощности и бессилии.

Каких только обществ не создавалось в Томске! «Общество взаимного вспоможения приказчиков», «Общество спасения на водах», «Томское попечительство о народной трезвости», «Лютеранское дамское благотворительное общество», «Общество

защиты женщин «Пчельник», «Общество для борьбы с детской смертностью», «Общество помощи больным, выходящим из клиник»... Польза от них была ничтожно мала. (Томское благотворительное общество, старейшая частная организация такого рода, к примеру, пыталось помочь бедноте путем строительства «дешевых» домиков. За длительные годы своей деятельности это общество смогло построить... три домика, вмещающих 12 семей! Или другой факт. Несмотря на то, что в городе имелось несколько «сиропитательных» приютов — два Мариинских, Владимирский, имени братьев Королевых, приют для сирот-переселенцев и так называемый Городской, ежедневно (!) в признении, или, попросту говоря, в крове и куске хлеба, отказывали трем малолетним.)

Томская общественность, интеллигенция, прежде всего, хваталась за соломинку: устраивались благотворительные вечера, концерты, балы... Так, — отмечала местная пресса, — с большим успехом прошел на территории Окружной лечебницы для душевнобольных «Праздник белого цветка», во время которого продавался белый цветок-ромашка — в пользу Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом. «На празднике была выставлена большая картина, написанная на заданную тему одним из служащих лечебницы: толпа девушек и детей гонит перед собой смерть. В нее бросают ромашками. Орудие смерти — коса — переломлено и валяется на земле. Смерть на краю пропасти. Сейчас она упадет в нее. Праздник прошел весело, красиво и дал сбора 257 рублей 96 копеек», — с воодушевлением описывал местный журналист.

«Праздник прошел весело, красиво» и — бесполезно, потому как никакими ромашками и пожертвованиями невозможно развеять социальное зло, установить равенство и справедливость, победить нищету и болезни. Такое под силу только социалистической революции, изменяющей само общество. С каждым годом эта мысль делалась очевидной все большему числу образованных людей страны — в Томске, в том числе.

...Светлы и строги лики ученых. В них есть какая-то осо-

бая умиротворенность, знак, незримо проступающий во внешности людей, которым посчастливилось испытать глубокое и ни с чем не сравнимое чувство исполненного долга. Нет, не застывшие портреты окружают нас! На опыте предшествующих поколений строит нынче советская медицина реально-дерзкие мечты: победить рак, туберкулез, старость... Мечтает, понимая всю огромность предстоящих усилий, непрерывных поисков и труда. Наверно, так же горячо и устремленно верили дореволюционные врачеватели в свое искусство, в то, что когда-нибудь обмелеет океан народных страданий, наступит — не может не наступить! — социальная справедливость.

— Художественная литература причастна к созданию незабываемого, благородного образа земского врача. Один из многих, земский врач отражался на неравную битву с человеческим горем, с болезнями. Вот почему для меня, советского врача, и по сей день земский врач служит неким идеалом в моей повседневной работе, — говорит академик Дмитрий Дмитриевич Яблоков.

Ему нездоровится, слова даются с некоторым усилием. Простудное заболевание выбило его на время из привычной, как он говорит, «рабочей упряжки», профессор лежит в собственном кабинете в клинике, за дверями — ненавязчивый шумок, хождение, негромкие разговоры — жизнь клиники движется в устоявшемся темпе, идут занятия студентов, неотрывные от практического лечения больных. А в профессорском кабинете, строгом по убранству и по-больничному ослепительно-чистом, звучат слова о земском враче...

— Для врача главное — работа повседневная, трудная, а слава врача — в здоровой улыбке пациента. Бояться в жизни ничего не нужно, кроме подлости, — лицо Дмитрия Дмитриевича задумчиво; эти слова он не устает повторять, напутствуя будущих врачей, и сейчас он не может не повторить их, потому как в этих словах — убеждение, выстраданное долгим опытом жизни.

Над головой академика портрет ученого. Учителя.

— Курлов Михаил Георгиевич. Профессор-доктор медицины. Пионер социально-гигиенического обследования Сибири. Второй — после А. П. Коркунова — заведующий кафедрой терапии, — поясняет Дмитрий Дмитриевич. — Вообще, если говорить о начале научной деятельности томских медиков, то следует признать, что первые исследования томских ученых касались гигиенических условий города и природы его окрестностей. Профессор фармации Эдуард Александрович Леман осмотрел восемь ключей и шесть колодцев Томска, определил свойства воды. А Михаил Георгиевич Курлов в своей работе «Чухотка в Томске» (1905 г.), анализируя заболеваемость бугорчаткой в различных социальных группах, пишет... Сейчас, минуточку, я найду... Так вот, он пишет: «Чтобы устранить большинство из условий, сопутствующих развитию туберкулеза, необходимо пересоздать общество, изменить установившийся строй общественной жизни». В этом же научном труде дан список улиц Томска, самых бедных, конечно, где гнезился туберкулез, и высказывается требование улучшить санитарные условия. Как видите, с самого, как говорится, первоначала, томские ученые не уходили в «чистую науку», они всегда были в самой гуще народной жизни... Вы представляете коллекцию антисанитарии старого Томска? Немыслимая картина...

Да, эта печально знаменитая «коллекция» вошла в историю. «Томск, если и шел к санитарному благоустройству, то шел ощупью, ценой крупных и печальных ошибок. Лишь эпидемии, наводнения и пожары освещали ему этот долгий путь». (Из книги «Город Томск», 1912). Вот некоторые пункты из этой «коллекции»:

1) почва всех заселенных низменных частей города — мощная подстилка из навоза и других отбросов до 2-х саженной глубины;

2) питьевые источники речной и ключевой воды, которыми в изобилии был награжден природой Томск, загрязнены;

3) болота заселены без осушения;

4) овраги и лога — в частном владении;

5) улицы и площади в первобытном состоянии, непроезды; жители измышляют все незаконные способы, чтобы избежать расходов по удалению нечистот (вывозка стоила дорого);

6) трамвая нет;

7) канализации нет;

8) водопровода нет (появился только в 1905 году).

— В своих работах ученые требовали улучшить санитарное и медицинское состояние города и губернии, но требования оставались требованиями. Царское правительство не считало себя обязанным заботиться о здоровье народа. На каждого жителя в год на нужды здравоохранения до революции расходовалось по России в среднем 90 копеек, а по Томской губернии — 48. Более того, местные власти, преуспевающие в жестокосердии и равнодушии, добавляли свои ограничения. Так, было отказано в издании медицинской газеты, в разрешении открыть аптеку... Великая Октябрьская революция явилась началом эры небывалых в истории социальных преобразований, среди которых на одно из первых мест выдвинулась забота о народном здоровье...

В памяти академика Яблокова соединилось многое: и первые годы Советской власти в Сибири, и первые шаги советского здравоохранения, лица и имена людей, которыми эти шаги были совершены. В его биографии — судьба целого поколения, которое мы теперь с уважением и благодарностью называем «старшим»...

К чести томских медиков, большинство из них и разумом и сердцем восприняли Великую Октябрьскую социалистическую революцию, встали в ряды ее славных солдат и тружеников. Доведенное до отчаянного положения царскими управителями, разрухой, гражданской войной, практическое здравоохранение нуждалось в острых — и тоже революционных мерах. И началось одно из величайших сражений, которое не значилось ни в одних военных сводках, — сражение против

смерти, голода, эпидемий, антисанитарии, болезней, саботажа реакционно настроенной части медработников.

Перелистаем пожелтевшие, но незабываемые сводки с этого фронта...

Началом создания нового здравоохранения в Томске считается решение Томского губисполкома от 23 марта 1918 года по докладу В. Н. Чепалова об организации врачебно-санитарного отдела Совдепа.

1918 год. В Томске создан Социалистический союз врачей, во главе которого стояли преданные революции врачи, участники становления Советской власти: П. Н. Обросов (впоследствии профессор Московского мединститута), М. Н. Федоров, В. В. Карелин.

1918—1919 годы. Контрреволюционный мятеж и временное падение Советской власти в Сибири. Белый террор, страшная диктатура Колчака. Тридцатидвухлетний врач, видный революционер В. Н. Чепалов погиб от тифа в Екатеринбургской тюрьме, до последнего часа помогая заболевшим товарищам. Приговорен к расстрелу П. Н. Обросов. К счастью, отступавшие под натиском Красной Армии колчаковцы не успели привести приговор в исполнение. Колчаковская армия при отступлении оставила в Томской губернии 80 000 больных. Госпитали, больницы, лазареты, частные квартиры забиты тифозными больными...

Конец 1919-го—1920 год. Советская власть в Томске восстановлена. Создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом — Чекатиф. В результате героических усилий медиков и населения эпидемия побеждена.

1921—1927 годы. В Томске открыты первые в Сибири туберкулезный и кожно-венерологический диспансеры. Проводятся «недели водоснабжения», «недели очистки». Создаются выездные врачебные бригады — на Север, в гиблый Нарымский край, к рыбакам и охотникам. Инициатор таких подвижных медицинских отрядов, ставших традиционными для Томска, — будущий академик, знаменитый хирург А. Г. Савиных.

Органы здравоохранения переходят к плановой работе...

Каким счастьем для истинного медика дышат эти неприемлемые «казенные» слова — к плановой работе! Это значит — социалистическое здравоохранение превращалось в систему, способную уничтожить «проклятые вековые болезни», улучшить жизнь и здоровье народа. (Это не какой-то «Праздник белого цветка» — это система!).

...С 1906 по 1929 год кафедрой терапии заведовал Михаил Георгиевич Курлов.

Ученый с мировым именем, гордость Томска, профессор М. Г. Курлов со своими последователями, учениками много сделал для практического здравоохранения нашего края, Сибири. Если отвлечься от его научных трудов (а они обширны и достаточно хорошо известны специалистам как в нашей стране, так и за рубежом; работы по гематологии, курортологии, по внутренним болезням — к примеру, в науке известны «ординаты Курлова» в диагностике сердца и печени...), то и одной этой практической деятельности достаточно, чтобы помнить его имя.

Отец сибирской бальнеологии, М. Г. Курлов много способствовал исследованию и развитию сибирских курортов. Вместе с коллегами, молодыми учеными А. Г. Вишневым, К. Н. Завадовским, Д. Д. Яблоковым, он изучил и консультировал сибирские здравницы — Аул, Аршан, Боровое, Белокуриха, Дарасун, Карачи, Кури, Лебяжье, Рахмановские ключи, озеро Татартское, Чемал, озеро Шира. Предложил лучшую среди прочих классификацию минеральных вод — и химики с ней согласились. Стоял у истоков противотуберкулезной службы в Томске. Создание первого в Сибири местного противотуберкулезного санатория за Томью, в Городке, связано с его именем, как и организация областной противомаларийной станции...

История и личность... Их внутренние взаимоотношения сложны и многогранны. «Быть человеком — это чувствовать свою ответственность, — говорил французский писатель-гума-

нист Антуан де Сент-Экзюпери. — Чувствовать стыд перед нищей, которая, казалось бы, и не зависит от тебя. Гордиться каждой победой, одержанной товарищами. Сознать, что, кладя свой кирпич, и ты помогаешь строить мир».

Томские медики всегда сознавали свою ответственность за народное здоровье. Вот почему томики знают и помнят их имена — Г. Е. Сибирцев, Л. И. Рубинштейн, Н. И. Плоскирев, А. Н. Лаптев, А. П. Шахматов, А. В. Ширшов, С. П. Карпов, В. А. Лапшин, К. Н. Черепнин, И. П. Добровидова, В. А. Рубинштейн, В. Ф. Фишер, В. П. Рыбаков, Н. И. Геблер... (В таких вот упоминаниях особенно остро ощущается бессилие любого самого просторного списка охватить все многоцветие человеческих судеб и деяний!) «Кирпичик» томских медиков в общей постройке советского здравоохранения прочен и основателен. Тысячи томских медработников высшего и среднего звена, ученые, организаторы медицинской помощи — все они были и остаются участниками невиданного в истории по масштабам сражения за жизнь и здоровье людей.

...В Томске клинику факультетской терапии именуют попросту — «клиника Яблокова». И в этом — та огромная популярность и уважение, которое питают земляки к Почетному гражданину своего города Дмитрию Дмитриевичу Яблокову.

Тридцать восемь лет, начиная с грозового 1941 года, сменив на посту профессора П. А. Ломовицкого, руководит он кафедрой факультетской терапии, клиникой. 13 ноября 1976 года Дмитрию Дмитриевичу исполнилось 80 лет. В юбилейной листовке, похожей на пригласительный билет, напечатаны слова о том, что в связи с пожеланием юбиляра официального чествования не будет, а все поздравления и приветствия можно направлять по адресу — город Томск, мединститут. (Между прочим, эти же слова печатались и в год семидесяти и семидесятипятилетия Дмитрия Дмитриевича.)

Удивительная скромность во всем, что касается его славы (заслуженной и громкой), пожалуй, самая характерная черта Яблокова. «Не ставьте в подписи громких титулов. Я — врач,

это звучит достаточно весомо», — говорит он журналистам, готовящим в областной печати статьи о нем.

Студенты поражаются тому, как почтенный профессор снимает профессорский колпачок с белой головы и вежливо здоровается с каждым. Им делается отчего-то неловко и даже стыдно своей суетной небрежности, вечной спешки, в которой мелькают не только лица — дни жизни...

Преподаватели, коллеги восхищаются его феноменальной работоспособностью и какой-то изысканной тщательностью, с которой профессор подходит к любому, самому, казалось бы, пустяковому делу.

«Надо сходить в библиотеку», — чаще всего можно услышать от него. И идет. И длительные часы сидит среди студентов и аспирантов. «А сам — энциклопедист, и память просто изумительная!» — говорят о нем на кафедре.

— Мы — клиницисты старого поколения... — нередко слышат студенты на его лекциях. — Мы просто обязаны быть на самом передовом фронте современной науки. (И далее — сугубо специальный вопрос о том, что и как считали клиницисты старого поколения и насколько далеко теперь ушла современная наука и — что немаловажно! — какие новые открытия, касающиеся данного, сугубо специального вопроса, вправе мы ожидать в будущем...)

— Удивительный человек наш Дмитрий Дмитриевич, — говорят его коллеги. — Возьмем, к примеру, обычную черновую вузовскую работу... На четвертом курсе пишут студенты «истории болезни». Или, скажем проще — курсовые. Защита «историй» по сердечно-легочной патологии происходит обычно в кабинете академика — и превращается в праздник. Десятки интересных творческих работ, сложные клинические случаи, в которые дотошный профессор вникает и знает лучше самих авторов. И еще — студенты очень любят спрашивать Дмитрия Дмитриевича, как он стал врачом, вообще о его жизни. Его рассказы — как захватывающая книга...

...Практическая служба Дмитрия Дмитриевича в качестве

медика началась рано. После двух курсов, проведенных на медфаке Пермского университета, студент Яблоков был насильно мобилизован в колчаковскую армию фельдшером. В сложное, противоречивое время гражданской войны молодой человек сумел выбрать единственно правильную дорогу: в Новониколаевске (Новосибирске) вместе со всем госпиталем, забитым тифозными больными, он остался ждать прихода Красной Армии, беспощадно гнавшей белого адмирала.

Два раза сам болел тифом. Выжил. И снова — изо дня в день — у постели мечущихся в лихорадке людей.

После восстановления на сибирской земле Советской власти подпал молодой фельдшер под общий армейский приказ о возвращении всех студентов в институты и университеты. Возвращение пришлось как раз на 8-й семестр (седьмой был пропущен). Таких, как военнослужащий Яблоков, в тот год в Томском университете было много — набралась целая группа, которую называли «обратниками»: после 8-го семестра они переходили в 7-й, так что диплом врача Д. Д. Яблоков получил не весной, как все выпускники, а зимой.

В то время, когда Д. Д. Яблоков находился в армии, умерла его мать, учительница русского и латинского языков, светлой души человек. (Отец скончался в тот день, когда родился Дмитрий Дмитриевич. В честь отца и имя — Дмитрий). Дом родительский в Уфе опустел. Ехать было не к кому — и Дмитрий Дмитриевич остался в Томске.

Работал служителем ветеринарного лазарета. Будучи студентом, трудился в рентгеновском кабинете в клинике, затем по окончании вуза остался в ординаторах у профессора Курлова (сначала бесплатно, сочетая лечебную работу с рентгенологической). Итого — с 1922 года без перерыва, пятьдесят семь лет приходит врач Яблоков в клинику, которую теперь томищи называют «клиникой Яблокова»... Завидное постоянство, говорящее о цельности души человеческой.

Долгие годы научной и практической деятельности Д. Д. Яблоков отдал борьбе с туберкулезом — бугорчаткой,

страшным недугом, поражающим людей с древних времен. (Еще в законах Хаммурапи упоминается это тяжкое заболевание. Там, в частности, говорится о том, что муж имеет право развестись с женой, если она больна туберкулезом). «Страдание» — так привык говорить Дмитрий Дмитриевич, избегая термина «заболевание». Он и на лекциях так диктует: «Гипотеза о характере страдания...»

Д. Д. Яблокову принадлежит более 170 работ на русском и иностранных языках, из них 10 монографий. Фундаментальное исследование «Легочные кровотечения» — уникальная отечественная работа — принесло ему заслуженную славу. «Клиника силикоза и силикотуберкулеза», «Туберкулез легких в сочетании с внутренними болезнями» и другие — укрепили известность Д. Д. Яблокова как выдающегося советского ученого. В 1938 году после защиты докторской диссертации (работа оригинальная и по тому времени новая: «Лечение туберкулеза солями золота») Дмитрий Дмитриевич был утвержден в ученом звании профессора. В 1941 — принял кафедру...

В годы Великой Отечественной войны, явившиеся суровым испытанием для всего советского народа, медики-томичи заслужили незабываемое уважение за помощь фронту.

В первый год войны в Томск поступило 15 845 раненых, в 1942 — 40 000, в 1943 — 26 000, в 1944 — 17 000, в 1945 — 5000. В городе развернуто 11 госпиталей. По 18 часов в сутки врачи стояли у операционных столов. Молоденькие санитарки поднимали на второй и третий этажи тяжелых мужчин, по пояс закованных в гипс. Каждому четвертому раненому в томских госпиталях перелили донорскую кровь. 99,4 процента раненых возвращено здоровье.

Зимой 1942—1943 годов, когда нарушилось плановое снабжение и кончился запас перевязочных материалов, по предложению хирургов С. П. Ходкевича и А. Г. Савиных заменителем дефицитной ваты стал торфяной мох. Горком партии организовал сбор и обработку мха.

Научный сотрудник СФТИ Б. П. Кашкин и рабочий П. П. Одинцов изобрели радиожуп, помогающий хирургам находить и извлекать металлические осколки из тела человека.

Профессор С. П. Карпов (отец Ростислава Сергеевича Карпова, молодого доктора наук, заместителя завкафедрой Яблокова) с сотрудниками научно-исследовательского института вакцин и сывороток изготовили грамицидин и нативный пенициллин для госпиталей.

Академик А. Г. Савиных предложил для удаления осколков из нижних полей легких новый метод — через диафрагму.

Академики Н. В. Вершинин, Д. Д. Яблоков, профессор В. В. Ревердатто изучили и ввели в практику ряд новых лекарственных препаратов из сибирских растений: сибирская камфара — вместо дефицитной и дорогостоящей японской, препараты пустырника, шлемника байкальского, желтушника, синюхи, кровохлебки, панцерии сибирской и других местных трав. За эту работу они были удостоены звания лауреатов Государственной премии.

В годы войны Д. Д. Яблоков был главным терапевтом и консультантом эвакогоспиталей Томска и ряд своих работ посвятил легочной патологии у раненых; был программным докладчиком по этому вопросу на республиканской конференции врачей эвакогоспиталей.

В послевоенное время Дмитрий Дмитриевич участвует в международных конгрессах (Москва, Мадрид, Лондон, Вена). Его избирают членом Международной ассоциации терапевтов, членом Международного противотуберкулезного союза, членом правления Всесоюзных обществ терапевтов и фтизиатров.

— И многие годы является бессменным руководителем студенческого научного кружка у нас на кафедре, — добавляет с улыбкой Анна Ивановна Галибина, кандидат медицинских наук, жена и верный друг и сотрудник Дмитрия Дмитриевича. — Вы знаете, он ко всему относится серьезно. Вот говорят иные: «Подумаешь, что стоит профессору выступить?

Встал да сказал...» Это кажется только, что ничего не сто́ит. Сто́ит, да еще как!.. До сих пор Дмитрий Дмитриевич по три дня готовится к каждой лекции. Обновляет, добавляет что-то свежее, недавно прочитанное. Продумывает каждое слово.

Анна Ивановна рассказывает о муже сдержанно — только факты! — и вместе с тем необычайно тепло; труднее всего, говорят мудрецы, скрыть любовь, спрятать нежность...

— Наши друзья и знакомые не раз упрекали нас: неправильно, дескать, живем — работа да работа! Нельзя, дескать, эдак-то... — Анна Ивановна усмехается. — Это все так — признаемся... У Дмитрия Дмитриевича есть один серьезный недостаток — от своих пациентов он решительно требует не заполнять работой часы, отведенные медициной для отдыха, а сам заполняет. «Какое это удовольствие — свободное время!» — радуется он в отпуске, и... мы садимся с ним за нашу общую монографию. Где уж тут правильно жить?

История и личность... Тесны и взаимопроникновенны их сложные отношения. В биографии Д. Д. Яблокова — судьба нескольких поколений врачей. Сама история впечаталась в, казалось бы, личный мир человека. И не разделить, не разъять их... Молодой ученый Яблоков поражался неутомимой энергии своего учителя профессора Курлова, все свои отпуска проводил с ним, обследуя сибирские курорты, — нынешние ученики Дмитрия Дмитриевича (одних только кандидатов и докторов наук он подготовил более 40 человек!) удивляются неумности Яблокова в труде...

— Знаете, что самое поразительное в Яблокове? — спрашивает Ростислав Сергеевич Карпов. — Он удивительно чуток к новизне! Да, да — к новизне! Порой даже мы, более молодые, бываем консервативны, а Дмитрий Дмитриевич — нет. Факты? Пожалуйста! Новые методы лечения туберкулеза, ревматизма (ревматология — одно из основных научных направлений для нашей кафедры в настоящее время), электроимпульсная терапия мерцательной аритмии, комплексная разработка современных методов диагностики, создание межклиниче-

ских лабораторий — биохимической, функциональной диагностики, радиоизотопной, клинической иммунологии — все самое передовое, перспективное. Яблоков горячо поддерживает и свою энергию отдает новому делу!

Далеко за пределами Томска известно о «школе Яблокова» в медицинской науке. Школа Яблокова — это не только современные методы диагностики и лечения болезней, но и человечность, доброжелательность, внимание к больному.

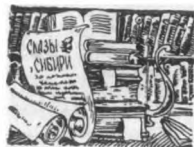
— Врач должен обладать неистощимым терпением и тактом! — убеждает Дмитрий Дмитриевич своих воспитанников, студентов. — Он должен постоянно — всю жизнь! — учиться, увязывать науку с практикой. Организм человеческий есть единое целое, нельзя смотреть на него сквозь щелку узкой специальности. И — важное! — никогда не теряйте из виду личность больного с его исключительно сложным миром. Этот момент особенно важен в наш век НТР, в век ускоренной технизации медицины. Мы преодолели дикость, о которой говорил Ленин, но мы еще не достигли идеала социалистической культуры. Мой совет студентам: не замыкайтесь в узких рамках своей специальности, почаще посещайте аллеи муз, не забывайте о художественной литературе, живописи, музыке... Не отступайте от клятвы советского врача. Гордо несите звание — Человек. И пусть это слово применительно к вам будет начертано не только с большой, но и с художественно изображенной буквы!..

Студенты слушают своего профессора, в аудитории стоит особенная, взволнованная тишина, в которой каждое слово западает в душу.

«Профессия врача — это подвиг, — писал Антон Павлович Чехов. — Она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помыслов». Вот так, в чеховском понимании глубинного смысла профессии врача и воспринимается жизнь и труд томских медиков, неразрывно связанные с историей становления советского здравоохранения в Сибири, в нашем любимом городе.

К ГЛУБИНАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЕРДЦА

ТАМАРА КАЛЕНОВА

КОЛОСЬЯ В ПОЛЕ

Его сравнивают с городом, на построение которого каждый человек, живущий на земле, принес свой камень. С морем, разлившимся безбрежными бездонными волнами. С царством и сокровищницей... В минуты просветленной сыновней благодарности его называют «великой поэзией нашего века», «возвышенным воплощением Отечества», «мелодией сердца и души». А во дни сомнений и тягостных раздумий видят в нем единственную поддержку и опору...

Во всех этих (и в сотнях других, не менее известных!) высказываниях нет больших преувеличений, ибо речь идет о родном языке. «Дивисься драгоценности нашего языка, что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценней самой вещи», — писал Гоголь.

Как легко из его щедрой россыпи слов зачерпнуть сравнение и назвать людей, занимающихся изучением языка, «лов-

цами жемчуга», или «охотниками за самоцветами», или как-то еще, но удержимся от броских словосочетаний и скажем просто: ученые, посвятившие свою жизнь службе языка, — великие труженики. Их работа нередко скромна и внешне малоприметна, длится годами, и результаты могут сказаться порой лишь через несколько десятилетий, а посему терпение и упорство, умение работать в коллективе — не последние качества в характерах этих исследователей. Впрочем, без таких качеств работать в любой науке просто невозможно. А лингвистика — наука серьезная и точная: как и прочие, физика ли, математика ли, к примеру, она тоже «является коллективным творчеством и не может быть ничем иным; она как монументальное сооружение, строить которое нужно века и где каждый должен принести камень, а этот камень часто стоит ему целой жизни».

Ученые-томичи сумели принести «свой камень» в строение отечественной науки о языке.

О МАТЕРИКАХ, УХОДЯЩИХ ПОД ВОДУ...

«Жил старик со своим сыном. Жили, жили. Сын в тайгу ходил охотиться на оленей, а старик не умел. Однажды сын в тайге встретил Кайгусь. (Это такой мудреный человек — лесная баба, все делает, обед-кушанье, но ничего не говорит.)

— Зверей добывать я хочу, — сказал ей сын.

А она ему знаками отвечает: «Иди домой, не тужи».

Парень домой ушел, а у него там — всякие звери.

Потом Кайгусь посоветовала: «Как домой придешь — впереди себя постель постели».

Он так и сделал. Наутро проснулся — сидит хорошая женщина. Стали они жить вместе.

Все было хорошо. Только Кайгусь все время молчала. Старик, отец сына, задумал узнать, почему она не говорит.

Вот они обед сварили. Кайгусь доставала рыбу и без слов на ту сторону чума подавала старику. Старик разозлился.

Потом она хотела черпать суп, по сторонам посмотрела, а старик назло поварешку спрятал.

Она посидела и, не найдя поварешки, начала черпать суп ладонями. Обожгла ладони.

После этого Кайгусь исчезла.

Прошло много времени. Снова на охоте в тайге сын старика повстречал Кайгусь.

— Отныне не ищи меня. Твой отец плохое сделал. Твой отец хотел, чтобы у меня слово наружу вышло,— сказала она ему.

И Кайгусь пропала. Теперь уже навсегда...»

Сказка без счастливого конца... Она сложилась у малочисленной (общее число около 1 000 человек), но чрезвычайно интересной народности — кетов, проживающих в Туруханском районе Красноярского края по берегам Енисея и его притокам — Сыму, Дубчесу, Подкаменной Тунгуске, Бахланихе, Бахте, Елогую, Сургутихе, Пакулихе, Имбаку, Турухану и Курейке; небольшие поселения можно встретить в верховьях Кети, притока Оби, получившего свое название от имени этой народности. Кеты не имеют собственной письменности, и только в памяти поколений хранятся их сказки и предания, и сам язык, богатый, своеобразный и неповторимый, до недавнего времени походил на Атлантиду, медленно погружавшуюся в небытие.

«Кайгусь» — маленькая история, бросающая свет на сложную и многовековую историю аборигенов Сибири, на их быт, особенности развития. «Кайгусь» — это неосознанная тоска народа по творчеству, тяга к свободному, раскованному слову. Рассказанная по-северному скупое, однотонное, без пестрых словесных радуг, она врезается в память, тревожит душу.

У каждого сколько-нибудь неизвестного острова в науке

есть свои открыватели, исследователи, свои Колумбы. Есть он и у «страны Кетии» (так студенты называли землю кетов, их самих и все вопросы и проблемы, связанные с изучением кетского языка).

Андрей Петрович Дульзон — из тех людей, которых всю жизнь влекло к себе малоизвестное, неразгаданное. Тяготение к «белым пятнам», желание непременно докопаться до истины, довести исследование до конца — эти качества появились у Андрея Петровича рано. Еще тогда, когда он заканчивал Саратовский университет, учился в аспирантуре при Московском институте философии и литературы. Не случайно для кандидатской и докторской диссертаций «подбирались» не разработанные в науке темы, такие как «Немецкая диалектология», «Проблемы смещения диалектов».

Годы труда и научных поисков сделали Андрея Петровича таким, каким остался он в памяти томичей: лингвист широкого профиля, свободно владеющий английским, немецким, голландским, итальянским, кетским и другими языками, неутомимый популяризатор научных знаний, уважаемый профессор Томского педагогического института, доброжелательный и мудрый наставник десятков молодых ученых Томска и других сибирских городов.

С 1944 года А. П. Дульзон занимается топонимикой, изучает географические названия, расшифровывает их. И зачастую находит в названиях рек, городов, поселков, гор, озер грамматические и фонетические следы давно умерших, забытых языков, бытовавших среди древних народов нашего государства. Эта работа увлекает его все больше.

Однажды в северных районах Томской области, «охотясь» за языком чулымских татар, Андрей Петрович обнаружил, что словарный состав изучаемых наречий не является полностью оригинальным, а во многом заимствован. Основой для этих говоров послужил какой-то другой язык, язык народности, которая в этих местах больше не живет. Когда-то профессор слышал о существовании почти не исследованной народ-

ности, остатки которой жили на севере Красноярского края в бассейне Енисея. Возможно, их язык ответит на вопросы, заинтересовавшие ученого?

Путь привел на север. Полчища комаров, тяжелые пешие переходы, сюрпризы нехоженого пути — все это выпало на долю крохотной экспедиции, в составе которой, кроме профессора, было всего два человека.

Каковы же были удивление и радость, когда первый собеседник на кетской стоянке, встретившийся экспедиции, объяснил более половины из трехсот слов, собранных под далеким Тегульдетом! Сомнения больше не было: перед учеными стоял представитель кетской народности, чей язык когда-то господствовал в Средней Сибири.

Эта встреча оказалась решающей для обеих сторон. Кеты приобрели в лице профессора Дульзона верного друга, радетеля за их интересы, желанного гостя в берестяных чумах. А профессор столкнулся с любопытной лингвистической загадкой, которой он посвятил всю свою жизнь. Биография ученого и история кетского народа стали неотделимы друг от друга.

С наступлением лета Андрей Петрович каждый год отправлялся на север. Долгое время один, потом — с несколькими студентами, аспирантами, увлеченными подвижническим трудом своего учителя. Он видел, как благодаря заботам Советской власти изменяется полупервобытная жизнь кетов-охотников, кетов-рыболовов, кетов-оленоводов. Старое уходило, как плохой гость, медленно, тягостно. Вековые привычки, предрассудки еще цепко удерживались в быту, в сознании кетов. Строились бесплатные бревенчатые дома, но старики разбивали все тот же берестяной чум во дворе новой усадьбы и жили там. «В доме трудно дышать», — оправдывались они и ютились в чуме, где дымоходом служила дверь, согреваясь возле горящего длинного бревна, которое приходилось время от времени подпихивать в очаг, чтобы избежать двух зол — пожара и холода.

Но новое побеждало. Молоденькие русские учительницы стали обучать кетских ребятишек. Создавались кочевые Советы, крепили рыболовецкие коллективы. Это радовало профессора, но в то же время заставляло задумываться: на глазах, с каждым годом уходил в небытие язык целой народности. Умирали старики, а молодежь забывала слова, сказки, с трудом вспоминала старинные выражения, похожие на пословицы. И сам профессор приносил на кетские стоянки это новое, помогал наиболее одаренным молодым людям поступать в вузы, становиться по-настоящему интеллигентными людьми.

Отмирающий кетский язык в типологическом отношении напоминал язык индейцев Америки. Изумительное богатство грамматических форм приводило ученого в отчаяние. Казалось совершенно немыслимым делом соединить все эти фантастические формы в какую-то систему.

«Бу-биндада-ет-к-а-а-ала» — это всего лишь одно слово, самое обычное. И перевод простой: «Она сама себя рассердила». А сколько бессонных ночей пришлось провести над ним, пока удалось понять, что каждая составная часть этого «обычного» слова несет на себе функции либо числа, либо времени, причем глагольные признаки находятся, как главнокомандующие, в самом начале слова!

Или, например, обычные глаголы, без которых не обойдется ни один язык земного шара: «иду», «падаю». Почему же в кетском они звучат только как пассивные — «меня идет», «падаюсь»?

Долгие-долгие часы просиживал «бородатый человек» (так кеты ласково называли своего друга) за столом старинной работы, в кабинете, где не хватало места уникальным рукописям, фотографиям, рисункам, материалам многочисленных экспедиций. Статьи, доклады, лекции, научные публикации — а впереди высилась гора, которую профессор был обязан преодолеть, несмотря на свое слабое сердце и возраст, — монография «Кетский язык», учебник кетского языка...

В 1968 году монография в 40 печатных листов была выпущена издательством Томского университета. «Бородатый человек» взошел на гору, исполнил свой долг, который он всегда ощущал «возле сердца». В 1970 году ему присуждена Государственная премия СССР. 15 января 1972 года Андрей Петрович Дульзон умер.

Предваряя объемистую книгу, ответственный редактор член-корреспондент Академии наук СССР, профессор-доктор В. А. Аврорин пишет: «...в данной книге описывается строй кетского языка на основе огромного материала, собранного в течение 20 лет во всех местах проживания его носителей. Автору удалось разгадать систему построения этого своеобразного языка и выяснить его связи с другими языками, относящимися к глубокой древности...»

«Удалось разгадать» — в этих словах напряженность нескольких десятилетий, научный поиск и открытие, масштабность которого трудно объять сиюминутно, трепет захватывающего исследования.

Редкая и странная судьба постигла кетский язык, во многих отношениях интересный для науки. Его изучением занимались не многие, да и то сказать, не изучали, а лишь касались с той или иной стороны, несмотря на тот факт, что этот язык — явление исключительное.

В Европе и Азии насчитывается три «окаменелости», три «ископаемых» языка, сохранившихся с древнейших времен: язык басков на Пиренеях, вершиков на Памире и кетов на севере Красноярского края. Эти языки совершенно изолированные, особенные, их нельзя отнести к какой-либо ветви могучего и разнообразного древа языков. Что было бы, если бы вдруг люди увидели разгуливающего на свободе живого мамонта? Можно с точностью сказать, что эта сенсация взбудоражила бы умы не только специалистов-зоологов. Еще бы — воочию увидеть живое звено давно прошедшей жизни!

Так вот, кетский язык — это тоже мамонт. Живой, теплый, его можно почувствовать, услышать на пристани рыболовец-

кой артели, в чуме, где молодая мать укачивает ребенка, у костра, когда охотники вернулись из тайги, где они «охотились на лису», «охотились на песца» (это тоже особенность кетского глагола — конкретность каждого глагола: не просто охотиться, а охотиться на кого-то определенного, зверя ли, птицу...).

Но нельзя, к сожалению, сказать, чтобы редкий по своему научному значению кетский язык «будоражил» многие и многие умы. Кто знает, может быть, это лишняя иллюстрация к тому, что «атлантиды» начинают почему-то волновать лишь много лет спустя и только по прошествии времени принимается чей-то ум мучиться над неразрешимостью, заколдованностью навсегда исчезнувших загадок. Странная закономерность...

Одним словом, фактов немного: в 1847 году в Санкт-Петербурге на немецком языке была издана крохотная, неточная и неполная грамматика кетского языка; талантливый и неутомимый ученый Александр Кастрен вместе со своим коллегой И. К. Бергстади собрал значительные материалы по коттскому языку (носитель — кетоязычная народность котты), и в 1858 году эти материалы были опубликованы; с 1869 по 1911 год в печати прошло несколько научных сообщений о кетском языке; в 1911—1913 годах по северу Западной Сибири путешествовал Кай Доннер, известный финский исследователь, собравший очень ценный материал по языку и этнографии енисейских кетов и опубликовавший рисунки какого-то кетского художника (они вызвали исключительный интерес во всем мире и стали тотчас же библиографической редкостью). До 1937 года кетским языком занимался талантливый советский лингвист Н. К. Каргер. С 1944 года — до конца дней своих — Андрей Петрович Дульзон, случайно столкнувшийся с кетской загадкой и оказавшийся в ее плену.

«Кет» в переводе с кетского означает «человек». Растущее дерево рассматривается в этом удивительном языке как одушевленное; спиленное, засохшее считается неодушевленным. Огонь, река, земля, солнце — существа женского рода. Луна —

«мужчина». А вот «сердце» — одушевленный предмет женского рода. Что касается «березы», то она может быть либо существительным мужского класса (если нет крена), либо женского (если крен есть). Падежи и того интересней: притяжательный (чей?) — брат матери; дательный (кому?) — отцу-матери; исходный (от кого?) — от отца-матери; местно-личный (у кого?) — у отца-матери; назначительный (для кого?) — для отца-матери; орудно-совместный (с кем? с чем?) — с отцом-матерью; продольный (вдоль чего?) — вдоль реки; лишительный (без чего? без кого?) — без отца, без матери; звательный — отец, мать...

Проблема кетского языка продолжает волновать томских ученых и в этом тоже заслуга Андрея Петровича, который привлек, а точнее сказать, увлек всю кафедру языкознания Томского педагогического института. В экспедициях, кроме него, принимали участие: М. А. Абдрахманов, В. Т. Пузанкова, А. И. Кузьмина, Г. К. Вернер, Т. И. Поротова, С. П. Ламова, Р. Ф. Деннинг, М. И. Валл, Л. Е. Виноградова, В. С. Бибикова. Картотека словаря кетского языка в настоящее время составляет более 100 печатных листов, в фонотеке имеется 20 километров записей различных текстов на магнитофонной пленке; сборник текстов, преимущественно сказок, уже опубликован...

Этот список деяний Андрея Петровича Дульзона и кафедры можно было бы дополнить сообщением о том, сколько и каких диссертаций подготовлено, защищено, какие прекрасные захватывающие лекции были прочитаны... Главный же смысл всего сказанного в том, что благородная эстафета, начатая ученым с мировым именем, принята его учениками. Кетский язык теперь уже никогда не будет походить на материк, уходящий в безвозвратность и небытие.

«Душа человека в его делах», — писал Ибсен. Какую же надо было иметь мудрую и щедрую душу, чтобы оставить после себя дело — спасенный для истории и науки язык целого народа!

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ДАЛЯ

«Гибок язык человека; речей в нем — край непочатый. Царство словесное неистошимо по всем направлениям», — эти слова великого старца Гомера, наверно, всегда будут современны, во всех веках. Лингвистическим наукам, изучающим неистошимое царство словесное, следовательно, суждена долгая жизнь.

Диалектология, наука о диалектах, или говорах, занимается собирательством, исследованием одной из основных форм существования языка — разговорной. Живая речь, еще не обработанная мастерами слова, еще не ставшая литературным языком, но ощутимо и своеобразно влияющая на него, и есть предмет изучения диалектологии. Непочатый край речей народных неистребимо богат, сложен, многоцветен и полифоничен. Без преувеличения можно сказать, что в том краю бьется бессмертное сердце народа. (Как не вспомнить известное изречение: «Нападать на язык народа — значит нападать на его сердце»!) Диалектологи бережно приникают к нему, вслушиваются в тоны и звуки биения его, отмечая и учась понимать неостановимое движение, саму жизнь, заключенную в нем.

Как правило (как хорошее правило!), это люди увлеченные, трудолюбивые, нередко «с чудиной»; скрытая лихорадка в их характерах напоминает золотоискательскую, только без того оттенка, который неизменно прикипает к слову «золото», потому как свойство это, лихорадящее душу истинного ученого-диалектолога, бескорыстно.

В 1976 году наша страна отмечала 175-летие со дня рождения Владимира Ивановича Даля, оставившего великое наследие: не только изумительный по богатству многотомный Толковый словарь и сборники «пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.»,

но и пример, образец подвижнического трудолюбия, служения русскому языку.

В этом же году кафедра русского языка Томского университета справляла свой «скромный», как они называли, «юбилей» — тридцатилетие диалектологических экспедиций. «За тридцать лет ежегодных полевых исследований сотрудниками кафедры и студентами (в экспедициях приняли участие 2 000 студентов-филологов) собран большой уникальный материал, на основе которого создано 4 докторских диссертации (авторы: О. М. Соколов, В. В. Палагина, И. А. Воробьева, О. И. Блинова) и 24 кандидатских (С. И. Ольгович, М. Н. Яценецкая, О. И. Гордеева, Е. М. Пантелеева, О. Н. Киселева, Л. А. Захарова и др.), две монографии и более 200 статей, сотни дипломных и курсовых сочинений», — писала по этому поводу многотиражная университетская газета «За советскую науку».

Что же это за уникальный материал? И отчего «скромный юбилей кафедры» превратился в праздник диалектологов не только Томска, но и всей Сибири? Чтобы ответить на эти вопросы, следует вернуться — хоть ненадолго — в прошлое...

Кафедра русского языка была организована в 1944 году. Первый ее руководитель доцент Анна Алексеевна Скворцова, человек сложного, «жестковатого» характера, сумела сразу же определить основное направление научных устремлений кафедры: диалектология, сибирские говоры, живой и исчезающий постепенно язык старожилов Сибири, первопоселенцев.

В 1946 году кафедра предприняла первую диалектологическую экспедицию. Состав ее был небольшой (сама А. А. Скворцова и молодая выпускница, только что пришедшая работать на кафедру, Вера Владимировна Палагина), но по-настоящему увлеченный и преданный избранному курсу кафедры. Цель этой экспедиции была ясная и конкретная: собирать сибирские говоры. Площадь поисков — вся Томская область, по территории превосходящая Австрию, Бельгию, Данию, Ирландию, Нидерланды и Швейцарию вместе взятые.

Маршрут крохотной экспедиции был проложен северный,

в Верхнекетский район. Через лежавшие в раздольном весеннем паводке северные речки, знаменитые болота Среднего Васюганья, через трясины и урманы. Попутные грузовики (они встречались на сибирских дорогах крайне редко), телеги, тракторные сани, коровьи упряжки, обласки, безмоторные лодки, ну и, конечно, пешком — вот основной транспорт тех семи послевоенных лет, которым пришлось пользоваться энтузиастам-диалектологам. В селах встречали по-разному. Непривычная цель — собирательство слов, выражений, песен... — иных удивляла, озадачивала, иных настораживала. Так в одном из колхозов студентов и преподавателей, зарисовывающих деревянные узоры ставен и крыш, расспрашивающих «под карандаш» о прошлом крестьян, их труде, быте, оружии производства, сочли подозрительными и... заперли в амбаре «до выяснения личностей». Но чаще всего участникам экспедиций, среди которых были будущие известные ученые-лингвисты, удавалось расположить к себе людей, и тогда перед ними открывалась сокровищница народной речи: слова, пословицы, частушки, шутки, песни, как из короба, сыпались широко и щедро, только успевай записывать.

Записывать успевали. Иной раз руки немели от напряжения, блокнотов и тетрадей не хватало, о магнитофонах и понятия не имели, — но добыча из каждой экспедиции привозилась в родной университет всякий раз солидная, имеющая подлинно научное значение.

Роль по-настоящему талантливой творческой личности в науке трудно переоценить. Сибирская диалектология смогла в полной мере заявить о себе лишь благодаря подвижничеству ее преданных служителей. Томские ученые всегда шли в числе первооткрывателей, прокладывая по нетронутому вековому насту первую, самую трудную, лыжню.

В 1917 году зав. кафедрой русского языка и словесности ТГУ профессор А. Д. Григорьев собирал диалекты и в Праге опубликовал первую небольшую работу о говорах Сибири. В тридцатые годы профессор Томского педагогического инсти-

тута Г. Т. Чуич готовил материалы для диалектологического атласа, задуманного Академией наук СССР. В сороковые-пятидесятые годы университетские лингвисты, приняв эстафету от одиночек, превратили научные исследования в этой области в подлинно коллективное дело.

Единомышленники подбирались не сразу, но уж коли они оставались работать на этой ниве, то не покидали ее, как говорится, от зари до зари. За тридцать лет собран огромный материал, к которому будут вновь и вновь обращаться новые поколения лингвистов: более 320 000 карточек, около 7,5 тысячи метров магнитофонной пленки, свыше 2 000 тетрадей.

Законной гордостью кафедры стали пятитомный «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» (1964—1975 гг., под редакцией В. В. Палагиной), а также «Словарь просторечий русских говоров среднего Приобья» (1977 г., под ред. О. И. Блиновой), «Опыт обратного диалектного словаря» (1973 г., под ред. М. Н. Янценецкой).

«Словарь народа — это ведь и мышление народа; это его история, его быт и труд», — пишет известный советский литературовед А. К. Югов. Словарь исконного населения Сибири XVI—XVII веков хранит информацию о предметах материальной и духовной культуры сибиряков, о явлениях сибирской природы. Он может служить и как справочник для этнографа, историка и писателя, помимо того, что он необходим историку языка, диалектологу, школьному учителю... Работать с таким словарем, читать его — истинное наслаждение.

«Я копал-копал, насили до родной земли докопался: сверху-то назем, а снизу родна земля»... (пример к слову «родной, -ая, -ое). Или: «Сядь-ка рядом, сядь-ка рядом, земляничка моя. Мы разделим скуку-горе, Не тоскуй ни ты, ни я...» (частушка-пример к слову «земляничка»).

Писатели, тоже в своем роде пожизненные охотники за самоцветными словами, первыми оценили и поняли широкий адрес сугубо научного издания томских лингвистов.

«Хорошее, очень полезное дело начали вы. Убежден, что многие работники культуры, науки, любители живой русской речи скажут вам искреннее спасибо.

...Сейчас я работаю над второй и третьей книгами романа «Отец и сын». Часть событий разворачивается на средней Оби, ее притоках. «Словарь» окажет мне существенную помощь». (Из письма Г. Маркова составителям словаря В. В. Палагиной, О. И. Блиновой, М. Н. Янцецкой, О. М. Соколову, Ф. П. Ивановой от 1 июля 1964 г.)

«Речь... о том, как внуки и правнуки В. И. Даля по его святому делу блистательно продолжают начатое им.

Томский университет выпустил в свет «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» (1964—1967 гг.). Это не просто академический труд научных работников, но и своего рода подвиг коллектива...» (Е. Пермяк, «Литературная газета», 12 июля 1968 г.).

В мире науки также не замедлили признать заслуги творческого коллектива томичей. География их научных публикаций говорит сама за себя: Барнаул, Иваново, Кемерово, Красноярск, Ленинград, Москва, Новокузнецк, Новосибирск, Свердловск... Коллектив кафедры заслуженно пользуется уважением не только в Сибири, но и за ее пределами. Она помогала и помогает рождению «научных точек» и в других городах Сибири. Так, в Барнаульском университете заведует кафедрой доктор наук Ида Александровна Воробьева, ее работы по топонимике, начатые в Томске, известны в стране. В Симферополе — заведует кафедрой Олег Михайлович Соколов. В Кемерово, в Омске, в Красноярске... — всюду много воспитанников кафедры.

«Душа коллектива»... — бытует среди людей выражение. Так можно сказать о человеке, о деле, в которое целый коллектив вложил все, что имел, — ум, энергию, усилия. Так можно сказать о мечте многих людей. Среди лингвистов Томска душой и коллектива, и дел его считают В. В. Палагину, с 1955 года заведующую кафедрой русского языка ТГУ.

Дialeктолог № 1 — так зовут ее коллеги, друзья. Неутраченная Вера Владимировна не только душа всех больших и малых кафедральных дел, но и их разум, и руки, и терпеливость, и забота. Она же — залог нерушимой творческой атмосферы, научного поиска, неподдельной дружбы, царящей на кафедре.

— Над нами подшучивают, — говорит Галина Ивановна Климовская, ученица Веры Владимировны, ныне заведующая кафедрой общего языкознания, выделившейся из кафедры русского языка. — Вы, говорят, словно гуси друг за дружкой... А мы, действительно, словно члены одной семьи. Если кому-то трудно, кто-то заболел, всегда у Веры Владимировны найдется возможность помочь. Не сможет сама, нас попросит. Бывает так: что-то не успеешь сделать. Так просто совесть заест. Знаешь, что Вера Владимировна всю тяжесть ответственности возьмет на себя. И это ее человеческое качество, по моему, является определяющим в создании того настроя, который годами живет на кафедре. Доброжелательность в сочетании со справедливой требовательностью — вот какие свойства характера Веры Владимировны я взяла себе на вооружение как заведующая кафедрой.

Студенты обожают своего профессора за веселый нрав, жизнерадостность, за то, что «справедливо шкуру дерет», щедро тратит время на отстающих, на непонятливых («да и то сказать, историческая грамматика — сло-о-жный предмет», — важно сообщают третьекурсники).

О себе Вера Владимировна говорить не любит. О других — пожалуйста. Память хранит все доброе и значительное, что произошло за минувшие десятилетия... Часто вспоминается А. П. Дульзон, гордость сибирских лингвистов, прекрасный ученый и высокоталантливый человек. Кому только не оказывал он, крестный отец многих и многих диссертаций, помощи! Идеи раздавал направо и налево: берите, творите и создайте! К каждому ученому совету готовился так основательно, добросовестно...

Память хранит каждую защиту аспирантов, имена и лица студентов, потянувшихся на «огонек лингвистики»... Мысли бегут дальше, во времени... Жаль, что в связи с состоянием здоровья покинули Томск светлые головы, супруги Л. А. и О. М. Соколовы. Всегда жаль, когда Томск теряет, а не приобретает таких людей... Хорошо, что удалось добиться создания учебно-научной диалектологической лаборатории. Неплохо бы еще к этому — и помещение расширить. Тесно, трудно пока еще живется...

— Помню, заболела у нас Ольга Иосифовна Блинова, — рассказывает Вера Владимировна. — Надолго слегла в больницу. Мы, естественно, тревожимся за нее, наказываем — не волнуйся, лечись дисциплинированно, спокойно. А она?.. Вместе с кефирными бутылками из палаты нам карточки с диалектными словами в полиэтиленовом мешочке передает! Оказывается, попала к ней в соседки старая женщина, диалектоноситель, как мы выражаемся, а попросту — очень богатый по языку человек, вот и забыла про болезнь Ольга Иосифовна. Мы до сих пор подшучиваем над тем, как она «лечилась»... Хороший у нас народ на кафедре. Надежный.

То же самое можно сказать и о самой Вере Владимировне. Скромность во всем, что касается ее личности, а о трудолюбии ее всем хорошо известно.

24 октября 1973 года в Новосибирске на Ученом совете института истории, филологии и философии СО АН СССР состоялась успешная защита докторской диссертации Веры Владимировны Палагиной на тему «Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора)». Это была не просто защита. На нее приехали коллеги диссертанта из нескольких городов Сибири, знающие ее как талантливого руководителя плодотворно работающей школы диалектологов, автора многочисленных печатных работ.

Начиная свое выступление на Ученом совете, оппонент, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, известный советский лингвист А. В. Текучев сказал:

— Я рад присутствовать сегодня на большом празднике сибирской диалектологии, каковым является успешное завершение интересного и ценного исследования Веры Владимировны Палагиной.

Трудолюбие и скромность... Как часто мы произносим эти слова, говоря о настоящих людях, горюх труда и науки, не замечая того, что уже в самом сочетании этих человеческих качеств сокрыта красота и богатство души.

Шумит студенческий Томск. Взрывается смехом и песнями, всегда готовый в дорогу, всегда привычный к движению. Сменяются поколения студентов, каждый год все новые волны плещутся в старых городских берегах. Седеют учителя наши, уходят из жизни, но вечно колосится поле, возделанное их руками.

СЕРГЕЙ ЗАПЛАВНЫЙ

К ГЛУБИНАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЕРДЦА

Каждое утро, предъявив охране пропуск, в котором значилось — Михаил Михайлович Черемных, художник, — он торопливо поднимался на Спасскую башню Кремля. Несколько минут стоял, любясь панорамой просыпающейся Москвы. Затем натягивал поверх потертого суконного пальто рабочую спецовку и, отступив в дальний угол часовницы, внимательно разглядывал громоздкий механизм курантов. На столике перед ним громоздились не холсты, не банки с кистями, не коробки с красками, а хитроумные слесарные инструменты, иные из них собственного изготовления.

Шум хмурого осеннего дня не достигал башни. В ее гулком чердачном зале всегда величественно-тихо. Даже затаенное человеческое дыхание звучит здесь как набат — громко и неуместно. Но Михаила Михайловича безмолвие это не тяготило, напротив, помогало сосредоточиться, вызывало в памяти и как-то по-особому подчеркивало слова Ильича о том, что

революционный пролетариат решительно перевел стрелки истории на новое время, стало быть, и кремлевские куранты пора перевести на иную мелодию — вместо царского гимна «Коль славен...» обучить «Интернационалу» и «Вы жертвою пали...»

Выбор — кому это сделать — пал на умельца Черемных. Правда, не обошлось без сомнения: а справится ли с подобной задачей человек, не имеющий технического образования? Не лучше ли пригласить специалиста-механика? В конце концов доверились ему.

Однажды, когда работа над механизмом новой мелодии уже близилась к концу, к художнику наведалься член ЦК РКП(б), член Президиума Моссовета, председатель комиссии по снятию и установке памятников Михаил Федорович Владимирский. Прослушав первые музыкальные такты «Интернационала», он попросил мастера сделать некоторые уточнения, но в целом творчество его горячо одобрил. Поинтересовался, откуда Черемных родом, чем думает заняться в будущем. Михаил Михайлович с охотой ответил: родился и вырос в Томске, учился в университете на медицинском факультете, окончил томские классы рисования, затем Московское училище живописи, ваяния, зодчества. Рисует для столичных журналов. В будущем мечтает заняться не только книжно-журнальной практикой, но и агитационным рисунком. Время такое: хороший плакат наиболее доходчив, он — оружие борьбы, он — товарищ и советчик.

Владимирский внимательно выслушал художника и улыбнулся неожиданно молодого:

— Выходит, мы с вами коллеги, Михаил Михайлович. Я ведь тоже в Томском университете учился. И тоже на медицинском. Хотя сам нижегородский...

Разговорились. Владимирский припомнил конспиративную сходку томских студентов в 1895 году. Собралась она за городом в лесу — ребята будто бы на гуляние пришли. Да началось это гуляние с доклада «О задачах революцион-

ной социал-демократии и о народничестве», а продолжилось жаркими словопрениями между сторонниками той и другой платформ. В разгар полемики на поляне появились полицейские, «пикник» довести до конца не удалось. Расправа была быстрой и жестокой. В числе зачинщиков сходки выслали из Томска и Михаила Федоровича.

Об одном умолчал Владимирский: это он создал первый в Сибири марксистский студенческий кружок, это он в свое время был главным возмутителем томских студюзов, за что и получил в паспорте особую отметку о крайней неблагонадежности...

Неожиданная встреча земляков взволновала обоих, напомнила каждому свои томские годы. В то время, когда Владимирский был исключен из университета, Черемных исполнилось пять лет. Но разве это главное? Главное, они жили рядом, ходили по тем же улицам, что и ссыльные А. Н. Радищев, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Короленко, К. М. Станюкович, встречались в Университетской роще с ее замечательным садовником П. Н. Крыловым, в лицо знали лучших профессоров «Сибирских Афин», были свидетелями и участниками революционных волнений. И не раз где-нибудь в Лагерном саду или у пристани наблюдали они, как рисует с натуры известный всему городу Павел Михайлович Кошаров, первый в этих краях профессиональный живописец. Ученик К. Брюллова и И. Айвазовского, выпускник Академии художеств, в 1851 году приехал он в захолустный сибирский городишко, чтобы стать там учителем рисования мужской гимназии (а значит, учителем «сибирского Герцена» — Н. М. Ядринцева, писателей И. А. Куцевского, Н. И. Наумова, народовольца В. С. Осипанова, казненного вместе с Александром Ульяновым и другими участниками покушения на Александра III). Более пятидесяти лет жизни отдал Кошаров Томску. Сам интересный художник, он стал объединителем народных дарований, устройтелем первых в Сибири художественных выставок, автором учебника рисования для начинающих. Добрый

человек и талантливый воспитатель, он посылал работы своих учеников на просмотры в Академию художеств и по-детски радовался, когда они удостоивались поощрительных медалей.

Дело Кошарова подхватили и продолжили воспитанник Мюнхенской Академии, преподаватель женской гимназии живописец А. Э. Мако и сестра изобретателя радио А. С. Капустина-Попова. Они организовали классы рисования на дому, где учили юных томичей живописи и рукоделию — лепке, росписи по гипсу и фарфору, изготовлению орнаментов, выжиганию по дереву. Затем Александр Эдуардович Мако открыл в городе художественную студию.

Соседство убогого и прекрасного всегда было характерно для дореволюционного Томска. Именно здесь в 1850 году построен был первый в Сибири городской театр, поначалу деревянный, похожий больше на купеческий лабаз, нежели на помещение для публичных представлений. На спектакли заезжих трупп томские толстосумы заявлялись обычно в пролетах, доверху нагруженных провизией. Слуги проворно вытаскивали из коробов роскошные азиатские ковры, устилали ими ложи, устанавливали столы с яствами, раздували вместительные самовары, откупоривали привозные вина, самогоны, и начиналось бесконечное «чаепитие» вприглядку с драматическим действием. Наибольшей благосклонностью купеческой публики пользовались водевили, комедии и душещипательные бытовые драмы, но нет-нет да и проникали на сцену шокирующие зажиточную публику представления по произведениям Грибоедова, Гоголя, Островского, а позже — Толстого, Чехова, Горького, других прогрессивных русских писателей — и тогда разражалась буря. Она подхватывала на свой гребень критически настроенную к существующему правопорядку молодежь, объединяла в общем порыве гнева и протеста рабочих, ремесленников, политических ссыльных.

С классами рисования, с художественной студией произошло примерно то же, что и с театром. Далеко не каждый

томич имел возможность оплатить занятия на дому или на частных уроках — лишь состоятельным людям это по средствам. А кто платит, тот и музыку заказывает.

И все-таки студия принесла свою ощутимую пользу — через нее прошли ученики самых разных сословий, возраста и политических взглядов: трое сыновей тюремного врача Ф. Ф. Оржешко (в меру сил своих пытавшегося облегчить участь тысяч несчастных людей), один из которых стал впоследствии известным в Сибири архитектором, будущий репинец С. И. Голубин и даже профессор юридического факультета Томского университета М. А. Рейснер, после революции заведовавший отделом Наркомата юстиции РСФСР. (Его дочь Лариса послужила Всеволоду Вишневскому прототипом Комиссара в «Оптимистической трагедии»)... Они противостояли ремесленникам из «первой в Сибири из России иконописной мастерской И. А. Панкрышева с сыновьями», взявшимся обеспечить необразованных провинциалов поделками византийского, старорусского, равно как и новейшего академического стиля.

Медленно пробуждался Томск от забитости и невежества. Сначала здесь открылась первая в Сибири публичная библиотека (1866 г.), затем распахнул двери первый за Уралом книжный магазин (1873 г.), родилась художественная студия, начала работу специальная школьная комиссия, поставившая своей задачей расширить число обучающихся грамоте, основать школьные библиотеки и педагогический музей, начала выходить первая «Сибирская газета» (1881 г.), возникло Общество попечения о начальном образовании с девизом «Ни одного неграмотного!» (1882 г.).

В 1866 году заявило о себе Томское драматическое общество (в нем начинала свой путь на сцену Малого Академического театра В. О. Массалитинова, впоследствии народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии, а ее брат Н. О. Массалитинов — на сцену МХАТа и Софийского театра имени И. Вазова. В последнем Н. О. Массалитинов показал

себя «болгарским Станиславским», за что был удостоен Димитровской премии.)

В 1895 г. учреждено третье в России Общество содействия физическому развитию, а в начале нашего века в дополнение к единственному в азиатской части России императорскому университету было возведено здание для Томского народного университета (Дом науки П. И. Макушина), работе которого помешали проволокки правительства и первая мировая война...

Многое из того, что при Владимирском только зарождалось, пускало глубокие корни, Черемных запомнил как уже традиционно существующее. Его томская юность, во многом похожая на юность Михаила Федоровича, пришлось на время еще более драматическое — время вооруженной борьбы. Художественная интеллигенция Томска, творческая молодежь приняли в этой борьбе по-своему активное участие.

Двенадцатилетним мальчиком пришел Миша Черемных на выставку известной томской художницы Л. П. Базановой, долго рассматривал ее «Сибирского крестьянина», «Крючников», «Мечту» и другие работы, подмечал, как Базанова вписывает в портреты и жанровые сцены томские пейзажи, детали тяжелого быта поденщиков, удивлялся зоркости и самостоятельности ее взгляда и в то же время, несмотря на свой юный возраст, не мог не заметить зрелости, размытости многих композиций, общей умиротворенности письма. Выставке явно не хватало эмоций, но благо уж и то, что она — впервые после профессиональных выставок П. М. Кошарова и А. Э. Мако, после работ А. С. Поповой-Капустиной, — дала бой холодному копиизму, вызвала общий интерес горожан к изобразительному творчеству.

За этой скромной выставкой последовали другие.

А потом судьба свела Черемных с талантливым графиком Щегловым, тоже Михайлом Михайловичем, сотрудником многих сатирических и иллюстрированных журналов (с 1906 по 1910 год в Томске, сменяя один другой, непродолжительно

выходили «Томский театрал», «Ерш», «Бубенцы», «Бич», «Литература и юмористика», «Сибирские отголоски»). Наиболее зрелые работы Щеглова появились в самом интересном периодическом издании тех лет — в «Силуэтах родного города». Чего стоил его рисунок «Немного статистики — 104 000 жителей, 1170 избирателей», изображающий огромного нищего мужика, а рядом приземистого вороватого купчишку! Или «Три песни Сибири» — символ бесправия и опустошенности: шаман, колодник, спившийся мастеровой...

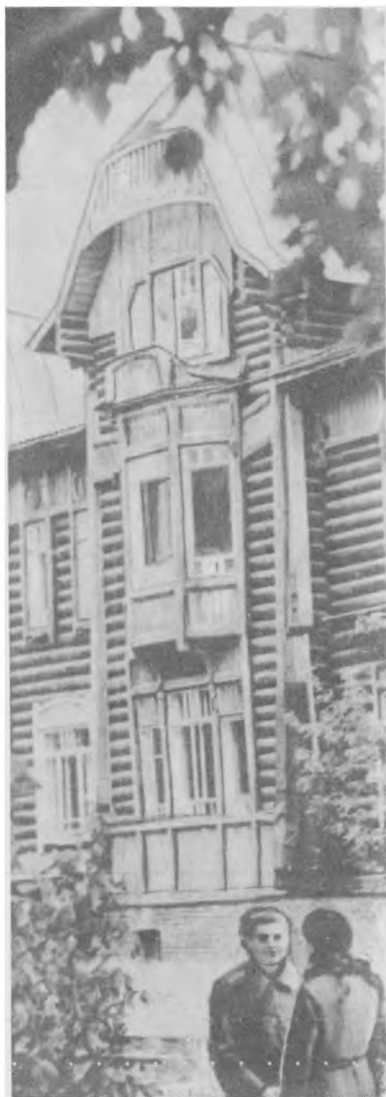
К тому же Щеглов нередко получал заказы на книжное оформление от столичных издательств. Свообразными красочными иллюстрациями сопровождал он одно из лучших изданий «Анны Карениной», вышедшее в товариществе П. Д. Сытина, а позже, используя народные мотивы, создал немало оформительских проектов для Кустарного комитета Сибири, за что не раз был премирован на всероссийских конкурсах.

Не без влияния Щеглова попробовал рисовать для «Силуэтов родного города» и Черемных. Правда, без красной краски (в типографии имелись лишь черная, синяя и зеленая) начинающему графику приходилось довольно туго, зато он научился создавать настроение не цветом, а тоном, за счет умелой силуэтной заливки, делать выразительным плоский рисунок. Эти первые навыки профессиональной работы очень пригодились ему впоследствии.

В 1909 году произошло памятное не только для художественной, но и для всей прогрессивной общественности города событие: учреждено наконец первое в Сибири Общество любителей художеств. Его председателем стала Л. П. Базанова, секретарем — В. Ф. Оржешко, казначеем — М. М. Щеглов, а членами ревизионной и приемной комиссии — известный сибирский просветитель П. И. Макушин, профессор медицинской химии Ф. К. Крюгер и другие ученые, архитекторы, общественные деятели. Они утвердили Устав Общества, который подчеркнул, что одной из его задач «должно являться озна-

К ГЛУБИНАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЕРДЦА

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

Из постановления бюро Новосибирского обкома ВКП(б) от 5 января 1943 г.:
«...Считать, что трудящиеся Томска, держатели переходящего знамени обкома ВКП(б) в течение трех месяцев подряд, завоевали право оставить это знамя у себя навсегда. В связи с этим переходящее знамя обкома ВКП(б), установленное за 1942 г., оставить за г. Томском...»

ЛЮДИ ЦИФРЫ ФАКТЫ ЛЮДИ

	In	Sn	Sb	
Ba	La	W	Mo	Re
Ca	Sc	Ti	V	Cr
Co	RO	NO	HO	HO
Ni	Pm	Sm	Eu	Gd
U	Np	Pu	Am	Cm

люди · цифры · факты · люди

«В г. Томске началось строительство новой электрической станции. Тысячи томичей принимают непосредственное участие своим личным трудом в строительных работах.

Пример показали городской партийный, комсомольский и советский активы. 10 мая первыми на строительную площадку вышли работники горкома, райкомов ВКП(б), городского и районных исполкомов. За первые 6 часов работы они вынули около 500 кубометров земли. Многие выполнили норму на 170—200%...»

Газета «Красное знамя»
от 12 мая 1943 г.

люди · цифры · факты · люди

люди

цифры

факты

люди

В годы Великой Отечественной войны жители горсда и Томской области защищали нашу страну от фашистских захватчиков. Немало томичей прославилось в кровопролитных боях под Москвой и у стен Сталинграда. Многие из них закончили свой ратный путь в Берлине.

284-я стрелковая защищала Сталинград, была названа 79-й гвардейской и дошла до Берлина. 48-й гвардейский артиллерийский полк, в составе 22-й гвардейской стрелковой дивизии, закончил войну в Прибалтике.

129 183 томича ушли на фронт. 57 934 не вернулись: они пали смертью храбрых, защищая Родину.

За годы войны вся промышленность Томска выросла более чем в 3 раза, а крупная — почти в 6 раз. Были созданы новые отрасли: электротехническая, резиновая, оптико-механическая, химическая (ацетоновая), металлообрабатывающая и др.

люди

цифры

факты

люди

люди цифры факты люди

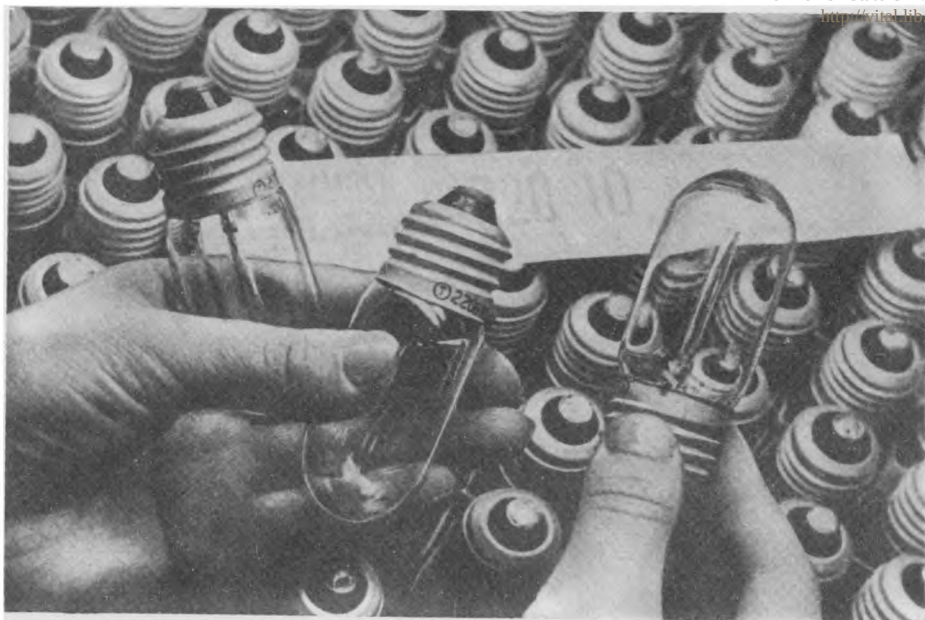
Из письма участников совещания передовиков производства воинам 22-й гвардейской стрелковой дивизии:

«21 января 1944 г.

...За прошлый год промышленные предприятия города дали только сверхплановой продукции в фонд победы на 30 000 000 рублей... Из своих личных сбережений трудящиеся собрали и внесли на строительство боевых самолетов, танков, орудий свыше 11 420 000 рублей...»

люди цифры факты люди

люди

цифры

факты

люди

В 1941—1945 гг. ученые Томска выполнили 1607 научных исследований, связанных с обороной, защитили 34 докторских и 103 кандидатских диссертации. Ряд ученых удостоен Государственных премий СССР, более 30 человек награждены орденами и медалями.

В четвертой и пятой пятилетках в Томске построено 192 тыс. кв. метров жилья. В середине 50-х годов развивался пассажирский транспорт. Перевозки трамваем составляли 18,5 млн. человек ежегодно, автобусом — 16 млн. Таксопарк имел 44 машины.

За 30 лет с начала трамвайного движения протяженность линий (в однопутном измерении) выросла с 8,3 до 45 км, а количество перевозимых в год пассажиров — до 36 млн. человек.

В 1967 г. в Томске открылось троллейбусное движение. За 10 лет протяженность эксплуатационного пути составила почти 70 км, а перевозки пассажиров достигли 52 млн. человек ежегодно.

люди

цифры

факты

люди

люди · цифры · факты · люди

В 1960 г. степень благоустроенности жилья в Томске составляла: водопроводом — 21%, канализацией — 11,3%, горячей водой — 2,4%, ваннами и душем — 4,7% ко всей жилплощади. В 1972 г. степень благоустроенности достигла (соответственно): 79%, 65%, 53%, 50% ко всей жилплощади.

В октябре 1974 г., на 6 месяцев раньше нормативного срока, в Томске была сдана в эксплуатацию уникальная система водоснабжения из подземных источников. 105 тыс. куб. метров воды, соответствующей по чистоте уровню мировых стандартов, подает она ежедневно в квартиры томичей.

люди · цифры · факты · люди

ЛЮДИ

ЦИФРЫ

ФАКТЫ

ЛЮДИ

До революции в Томске было 3 училища со средним специальным образованием. Сейчас — 12 техникумов и 5 училищ, в которых обучается более 20 тыс. человек.

В 1914 г. было 3 вуза с 2400 студентами. В 1977 г. в 7 вузах занималось более 45000 студентов. За девятую пятилетку вузы выпустили свыше 33 тыс. специалистов. Подготовку их ведут более 180 докторов и около 2 тыс. кандидатов наук.

В Томске работает 15 вузовских, отраслевых и академических научно-исследовательских учреждений. Томский филиал СО АН СССР имеет в своем составе институты — оптики атмосферы, химии нефти и сильноточной электроники — и специальное конструкторское бюро научного приборостроения «Оптика». Только вузовские НИИ и проблемные лаборатории выполнили в девятой пятилетке работы на 135 млн. рублей.

ЛЮДИ

ЦИФРЫ

ФАКТЫ

ЛЮДИ

ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

За 25 лет (с 1950 г.) число больничных коек в городе увеличилось с 3908 до 6950, количество врачей — с 1174 (1955 г.) до 2413.

За годы восьмой пятилетки значительно возросла связь ученых с производством. Объем научных исследований по хозяйственным вопросам вырос с 4,5 млн. рублей в 1966 г. до 9,7 млн. в 1970 г.

ЛЮДИ · ЦИФРЫ · ФАКТЫ · ЛЮДИ

люди цифры факты люди

Темпы роста промышленной продукции в процентах к 1960 г. по Томску составили: 1965 г.—149, 1970 г.—213, 1975 г.—290, 1976 г.—311.

В 1975 г. по сравнению с 1945 г. увеличилось производство: электромоторов — в 34 раза, манометров — в 24,6 раза, электроламп — в 25 раз, эмальпроводов — в 46 раз.

В 1976 г. производительность труда промышленности по сравнению с 1940 г. выросла в 4,5 раза.

люди цифры факты люди

люди . цифры . факты . люди

11 томских предприятий, вузов и научно-исследовательских учреждений награждены орденами СССР; из них завод режущих инструментов и политехнический институт — дважды.

* * *

19 апреля 1974 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о строительстве в Томске гигантского нефтехимического комбината. ЦК ВЛКСМ объявил стройку Всесоюзной ударной. Первая очередь комбината должна вступить в строй к началу одиннадцатой пятилетки.

люди . цифры . факты . люди

ЛЮДИ

ЦИФРЫ

ФАКТЫ

ЛЮДИ

Первая томская школа — духовное училище при монастыре — открыта в 1744 г., вторая — еще через 45 лет.

В 1916 г. в 36 школах обучалось 3947 детей. В 1976 г. 50 школ посещали 39100 учеников.

. . .

С 1955 г. начинается история томского телевидения. Первый телецентр имел 56-метровую башню. Радиус действия составлял 35 километров. В 1968 г. новая башня высотой 180 метров обеспечила уверенный прием в радиусе 80—90 километров.

В 1976 г. в Томске началась трансляция цветных телепередач, а 1 июля 1978 г. цветная передача впервые проведена на томской студии.

ЛЮДИ

ЦИФРЫ

ФАКТЫ

ЛЮДИ

люди

цифры

факты

люди

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина открыт универсальный Дворец зрелищ и спорта на 5 тыс. мест. Здание построено методом народной стройки.

. . .

В феврале 1979 г. отметил свое 30-летие театр Томского Дома ученых. За эти годы театр поставил около 750 спектаклей, из них свыше 150 — в районах области.

. . .

В девятой и за три года десятой пятилетки введено в действие более 300 автоматических и поточно-механизированных линий, свыше 9 тыс. единиц нового высокопроизводительного оборудования, в том числе почти 120 станков с числовым программным управлением.

люди

цифры

факты

люди

люди . цифры . факты . люди

В настоящее время Томск дает Родине ежегодно 750 тыс. электромоторов, свыше 50 млн. подшипников, 125 млн. электроламп, 4,5 млн. манометров, десятки видов числового программного управления и другую продукцию.

* * *

В девятой пятилетке в городе освоено 522 млн. рублей капитальных вложений, за три года десятой — 452 млн. рублей.

люди . цифры . факты . люди

люди · цифры · факты · люди

За годы девятой пятилетки построено свыше 900 тыс. кв. метров жилья, что позволило улучшить жилищные условия 29 тыс. семей.

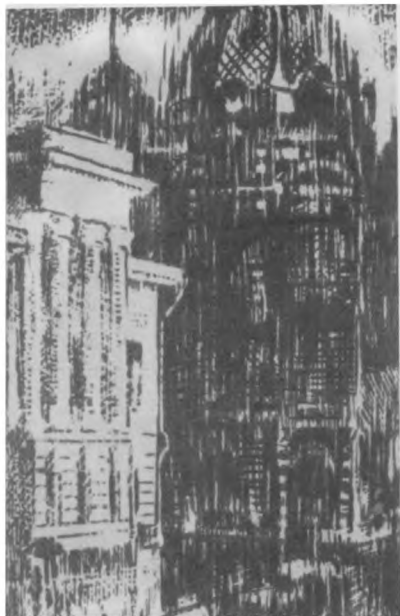
В 1978 г. сдано 230 тыс. кв. метров жилья, на 50 тыс. кв. метром больше, чем в 1977 г.

• • •

За девятое пятилетие на развитие коммунального хозяйства города направлено 83 млн. рублей — в четыре раза больше, чем за предыдущее.

люди · цифры · факты · люди

комление художников и публики с творчеством местного населения, разумея под этим последним главным образом народную массу».

Воспользовавшись отъездом в Петербург А. С. Капустиной (она последовала за мужем), Общество уполномочило ее просить И. Е. Репина направить в Томск на должность преподавателя платных рисовальных классов кого-нибудь из своих учеников-живописцев. Илья Ефимович не замедлил откликнуться и словом и делом.

«Милостивые господа! — написал он томичам. — Польщенный вашим любезным доверием, рекомендую вам молодого художника Семена Марковича Прохорова, окончившего в прошлом году Академию художеств и только что вернувшегося из заграничного путешествия, сделанного им для завершения своего художественного курса.

Ваша программа так серьезно обдумана, с таким видным пониманием вопроса, даже до распределения специальных занятий, что мне не трудно было убедить художника во цвете лет не бояться далекой Сибири и принять ваши условия для дорогого дела художественного развития в наших отдаленных краях.

С. Прохоров будет очень подходящим руководителем в студии, которую он организует в Томске при вашем содействии. Серьезное отношение к этой задаче вашего Общества и желание трудиться учеников будут его вдохновлять и создавать, надеюсь, художественный светоч, который, может быть, со временем и нас порадует своим особым локальным блеском».

Черемных, к тому времени поступивший в Томский университет, узнал о письме прославленного русского художника из сообщения в «Сибирской газете». Одним из первых он пришел на занятия классов живописи и рисования. Благодаря С. М. Прохорову, всего за год подготовился он к конкурсному экзамену в Московское училище живописи и с успехом выдержал его.

Следом за Черемных в Москву за знаниями отправились другие начинающие рисовальщики, ученики Прохорова: Н. Котов, Т. Оларь, П. Свешников, П. Тарский, П. Фомин. Вместе с посланцами Барнаула они образовали там кружок сибирских художников, крепко усвоивший горькие слова М. М. Щеглова: «Печально, если Сибирь, Америка будущего, будет и в искусстве походить на нее, т. е. все покупать и не иметь своего». Трудна, но и почетна задача — создать свое самобытное профессиональное сибирское искусство.

Революция, затем гражданская война разметали кружковцев по стране: одни добровольцами вступили в Красную Гвардию, другие, в том числе М. М. Черемных, мобилизованы для работы в Москве, и лишь Николай Котов вернулся в Томск. Вместе с М. М. Поляковым он создал там беспрецедентную в истории Сибирскую Академию художеств, но ей не суждено было окрепнуть: город захватили белочехи. Они разгромили мансарды П. Шарлаимова, А. Лямина, Е. Машкевича, зверски расправились с В. Д. Вучичевичем-Сибирским, автором картины, запечатлевшей трагические события первой русской революции, — «Погром в Томске» (1905 г.).

Черемных хорошо помнил эту картину. Неумело написанная, она тем не менее заставляла сопереживать, среди безмятежных выставочных пейзажей и натюрмортов выделялась резкостью, злободневностью темы. Охваченное пламенем управление Сибирской железной дороги, зловещие фигурки черносотенцев с дубинками, задыхающиеся в огне люди...

Белочехи — те же черносотенцы...

Чувство невольной вины перед товарищами мучило Черемных: они ежедневно подвергаются смертельной опасности в оккупированном Томске, а он ничем не может им помочь. Рассказать бы о своих сомнениях Владимирскому... Он поймет, не может не понять. Но ответ его наверняка будет коротким и исчерпывающим: «Каждый обязан бороться на своем месте. Мы с Вами, Михаил Михайлович, тоже выполняем задание государственной важности...»

И Черемных вновь, с удвоенной энергией, принялся за перестройку кремлевских курантов. Второго октября 1918 года после долгого вынужденного молчания они вновь заговорили — на этот раз на языке победившей революции. Их четкий торжественный голос прозвучал на весь мир. Он возвещал новую эру.

Весной 1919 года вместе с В. Маяковским М. М. Черемных выпустил первые листы Окна РОСТА, положив тем самым начало жанру советского агитационного плаката. Острые политические миниатюры его сражались на всех фронтах молодой Советской республики, в том числе и на сибирском, вдохновляли красноармейцев, являли пример в работе для молодой творческой интеллигенции. И пусть не вернулся в Томск М. М. Черемных (в будущем — народный художник РСФСР, академик, лауреат Государственной премии) — вернулись его последователи и единомышленники.

В 1920 году в ряд томских художников встал молодой красногвардеец М. М. Беренгов. Ему принадлежал первый из сохранившихся эскизных портретов В. И. Ленина, сделанный в 1917 году во время выступления Ильича во дворце Кшесинской. Один из основателей областного краеведческого музея, он многое сделал для того, чтобы научить томичей, как призывал Ленин, «соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой, бывшей до сих пор достоянием немногих...».

Сразу же после восстановления Советской власти возобновила свою работу секция изобразительного искусства Томского Совдепа, открылись художественные студии, в том числе для красногвардейцев, для военнопленных немцев и австрийцев. На первую послевоенную выставку томские рисовальщики представили в основном плакаты, карикатуры на злобу дня, портреты и эскизы будущих полотен.

Томское отделение Ассоциации художников революционной России, филиал сибирского общества «Новая Сибирь», товарищество «Художник», отделение Союза советских ху-

дожников — вот этапы развития изобразительного искусства в Томске. С ними тесно связаны имена Н. Ф. Смолина, В. М. Мизерова, В. И. Лукина, В. Г. Халявиной, К. Г. Чумичева, Т. В. Чернавина, Н. Г. Георгиевича, Л. И. Обабковой и других.

Особое значение для города имело возвращение в родные пенаты живописца репинской школы Сергея Ивановича Голубина. Он многое сделал для профессионального образования художников и архитекторов не только Томска, но и близлежащих сибирских городов. До последнего дня своей жизни, ослепший, прикованный болезнью к постели, он не прекращал работы — диктовал сестрам главы так и не законченного учебного пособия по рисованию...

В годы Великой Отечественной войны в Томском университете сохранялись не только архивные документы Ясной Поляны, музей А. М. Горького, но и Севастопольская картинная галерея. Вместе с другими советскими известными художниками работал здесь и воспитанник города М. М. Щеглов. Самое деятельное участие принял он в издании «Окон ТАСС» (они выходили в Томске ежемесячно тиражом в три-четыре тысяч экземпляров), в выпуске иллюстрированной газеты «За Родину», создал 507 рисунков для «Дневника Отечественной войны»...

Ныне в Томске живут и трудятся тридцать два члена Союза художников РСФСР. Рядом с ними работают сорок три молодых графика, живописца, скульптора. Закономерно, что в своем творчестве все они вновь и вновь обращаются к далекому и близкому прошлому Томска, черпают вдохновение в его сегодняшних свершениях.

Благодаря таланту и зоркости художников-томичей оживает перед нами сказочная и реальная история любимого города.

«Легендой о Белом озере» назвала серию своих рисунков («Тома», «Битва», «Ушай», «Дух тайги») Т. Бельчикова. Великому русскому металлургу, томскому гражданскому губер-

натору П. П. Аносову посвятил одно из своих полотен Г. Ламанов. Скульптуры Г. С. Батенькова, А. Ф. Иванова воздвигнуты на улицах города С. Данилиным. А. Евтихьева и Ал. Шумилкина взволновала «Сибирь кандалная» и «Политические». В. Гроховский и Ал. Шумилкин создали портреты Я. М. Свердлова в пору его нарымской ссылки, Л. Майоров — скульптуру В. В. Куйбышева, А. Зуев — картину «С. М. Киров в подпольной типографии Томска». Вас. Попов воссоздал демонстрацию 1905 года в Томске. М. Горбатенко захватила ленинская тема — «Третье Баку будет в Сибири».

Особой выразительности и психологической точности исполнены работы томских художников, воспевших Томск научный. Л. Базанова оставила нам выразительный портрет путешественника, географа и этнографа, исследователя Монголии, Китая и Сибири Г. Н. Потанина, заслуги которого в развитии отечественной науки общепризнаны. С. Данилин создал его скульптурное изображение в Университетской роще. Скульптура выполнена формовщиком Томского электромеханического завода Виктором Алексеевичем Суриным. (Им же отлиты памятники декабристу Г. С. Батенькову, Героям Советского Союза М. Ф. Октябрьской, Олегу Кошевому, Алексею Лебедеву, секретарю заводской комсомольской организации Николаю Громышеву, погибшему в боях за Родину).

С. Голубин сумел ярко передать творческий характер своих современников — выдающегося хирурга А. Г. Савиных и создателя сибирской камфары Н. В. Вершинина. В. Котова продолжила галерею портретов, начатых ее предшественниками. На ее полотнах живые, выразительные лица первого директора научной библиотеки университета В. Н. Наумовой-Широких, дочери известного сибирского писателя-народника, академиков В. Д. Кузнецова, Д. Д. Яблокова, докторов наук И. Н. Бутакова, А. Г. Сватикова, Л. П. Кулева, Н. А. Прилежаевой, А. Н. Добровидова, В. А. Хахлова, Д. И. Гольдберга, Н. П. Завадовской, Л. В. Скрипова, С. П. Карпова, заслуженной учительницы РСФСР М. П. Кувшинской...

Героями произведений томских художников стали Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, Почетные граждане города, а также студенты и молодые специалисты, чьи имена навечно внесены в списки областной комсомольской организации: С. Вицман, В. Шамов (скульптор С. Данилин), Е. И. Кружевлева (художник К. Залозный), П. Орлянский, Э. Быкова (художник В. Котова), Н. Ольчев (художник В. Хоменко), И. Черных, П. Ковалев (скульптор Л. Майоров) и другие.

Но, пожалуй, наибольшее количество работ посвящено самому городу, его старым и новым улицам: В. Кудряшов — «Лагерный сад», «Рабочие шпалозавода», «Пробуждение весны»; А. Евтихийев — «Томские кружева», «Томская ТЭЦ» и др.; Б. Кутуков — «Окраины Томска», «На реке Ушайке»; В. Гусаров — «Вечер на Томи»; В. Мизеров — «Осень в Университетской роще»; Р. Пантелеева — серия офортов о Томске; Г. Завьялов — «Томск», «Окраина»; Я. Панов — «Улица Плеханова», «Вечер в Томске»; В. Попов — «Томск»; Л. Почекутова — «Воскресенская гора», «Томск»; В. Черемин — «Старый Томск», «Лесоперевалка», «Город строится»; Ал. Шумилкин — «Переулок в Томске», «Шпалозавод», «Томск-1»...

На различных международных выставках демонстрировались картины Ал. Шумилкина, Г. Завьялова, В. Котовой, П. Мудрака, Д. Строчковой, В. Терещенко, В. Черемина... Ал. Шумилкин и К. Залозный удостоены звания заслуженных художников РСФСР, В. Кудряшов стал лауреатом премии Томского обкома ВЛКСМ.

«Между наукой и художественной литературой есть много общего, — писал М. Горький, — и там и тут основную роль играют наблюдение, сравнение, изучение; художнику, так же, как ученому, необходимо обладать воображением и догадкой — «интуицией».

Своеобразие Томска в том и заключается, что наука и искусство здесь развивались не изолированно друг от друга,

шли не параллельными путями, а всегда вместе, всегда рука об руку. Многие видные ученые, родоначальники научных школ и направлений, всеми своими силами, авторитетом способствовали созданию в Томске различных творческих обществ и кружков, сами показали себя самобытными художниками, писателями, артистами. Это и автор научно-фантастических романов «Земля Санникова» и «Плутония» В. А. Обручев, и поэт П. Л. Драверт, популяризатор М. А. Усов, краевед Г. К. Тюменцев и другие.

В 1909 году, одновременно с Обществом любителей художеств, в Томске был основан двухнедельный художественный журнал «Молодая Сибирь», нравственным девизом которого стали стихи Ивана Тачалова, сосланного на берега Томи из Барнаула за дерзкую поэму «Егорка»:

О, колыбель моя, Сибирь моя родная,
О, край непочатый непробужденных сил,
Когда ж ты расцветешь, красой своей блистая,
И засияешь весь от края и до края,
Как небосвод в огне пылающих светил?

Журнал объединил вокруг себя наиболее способных томских литераторов. В нем участвовали Г. А. Вяткин, П. Л. Драверт, И. И. Тачалов и другие писатели. Уже в одном из первых номеров «Молодой Сибири» опубликовал свой рассказ «Бабушка потерялась» инженер Томского округа путей сообщения Вячеслав Яковлевич Шишков, неутомимый исследователь речных дорог Сибири. Затем его статьи «Пасынки» и «К вопросу о театральной школе в Сибири» были опубликованы в газете «Сибирская жизнь».

«Молодая Сибирь» пользовалась большой популярностью у читателей. Продолжением ее стал литературно-критический еженедельник «Сибирская новь», выходивший в январе — марте 1910 года.

В боях за молодую Советскую республику пал «талантливый запевала» Федор Лыткин, но его песню подхватили Александр Богданов (автор «Студенческой марсельезы», «Песни

пролетариев», поэтических книг «В борьбе за жизнь», «Песни подпольщика»... О его творчестве сочувственно отзывался В. И. Ленин), а позже томские студии, руководимые одним из организаторов сибирской литературы писателем Ф. И. Тихменевым, — Лев Черноморцев, Евгений Березницкий, Игнатий Рождественский, Елизавета Стюарт, Давид Лившиц, Юрий Бессонов и другие.

Любая крупная золотая россыпь непременно дает редкие по форме и величине самородки, но и песок в ней — неизмеримое богатство, если этот песок — золотой.

Сибирь богата и золотым песком, и самородками. Старателям хорошо известна примета: там, где найден один драгоценный камень, отыщется и второй, и третий.

«Я никогда не видел Вячеслава Шишкова, но голос его, голос подлинного народного художника, я слышал всегда: в детстве и юности, в годы социалистического преобразования Родины, в годы смертельной битвы с немецким фашизмом. Этот голос всегда проникал до самого сердца, согревал душу, поднимал энергию, звал вперед и вперед. Он и сейчас звучит неустанно, звучит как живой», — эти слова принадлежат лауреату Ленинской и Государственной премий, первому секретарю Правления Союза писателей СССР Георгию Мокеевичу Маркову.

Шишков и Марков — два имени, связанные не только духовным и писательским, но и географическим родством: именно в Томске первый из них написал более 40 очерков и рассказов, повесть «Тайга», накопил немалый материал для «Угрюм-реки», другой все свои лучшие произведения — романы «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь», ставшие гордостью отечественной литературы, — посвятил людям сурового Нарымского края. Здесь, в семье потомственных охотников, он рос, здесь в 13 лет стал одним из первых членов Вороново-Пашенской ячейки РКСМ, здесь же, сначала по рассказам односельчан, а затем из различных документальных источников, начал знакомиться с историей родной сибирской

стороны, здесь стал селькором и молодежным активистом.

«Я вспоминаю об этом времени с восторгом и неизменной благодарностью,— напишет он позже, обращаясь к землякам со страниц областной газеты «Красное знамя». — Окруженный вниманием и заботой многих товарищей по комсомолу, я прошел вместе с ними, вместе со всем комсомолом замечательную школу жизни. Без этой школы я никогда не стал бы коммунистом, не стал бы советским писателем... Я шлю Томской комсомольской организации сердечное спасибо за все, что она дала мне в невозвратную пору юности».

Вожак Новокусовской, затем Коларовской и Томской сельской комсомольских организаций, ответственный работник Томского горкома и окружкома комсомола, студент Томского государственного университета, член редколлегии окружной комсомольской газеты, журналист — такова «томская биография» будущего писателя. Но она стала и биографией его книг, вошла в историю Сибири, страны, времени. Вслед за академиком И. М. Губкиным и томскими учеными Р. С. Ильиным, М. К. Коровиным, М. А. Усовым, М. И. Кучиным, задолго до «открытия века» давшими обоснованные прогнозы о нефтегазоносности Сибири, Г. М. Марков первым в советской литературе начал борьбу за сибирскую нефть и таким образом стал в славную шеренгу тех, кто непосредственно причастен к освоению природных богатств Зауралья.

Вместе с Г. М. Марковым не раз приезжала и подолгу жила в Томске и Новокусово его жена, известная детская писательница Агния Александровна Кузнецова. Здесь начала она работу над повестями «В чулымской тайге» и «Свет-трава». В 1977 году за книгу «Земной поклон» ей присуждена Государственная премия имени Н. К. Крупской. А в 1978 году в Новокусово состоялось торжественное открытие библиотеки, на строительство которой Г. М. Марков передал свою Ленинскую премию. Просторный холл библиотеки украшен деревянным панно работы томского художника В. Гусарова. Читальные залы для детей и взрослых радуют простором и

уютом. В специальном фонде при этих залах размещены полторы тысячи книг из личного собрания Георгия Мокеевича — с дарственными надписями от ведущих писателей нашей многонациональной родины.

Среди них книга с автографом секретаря Правления Союза писателей СССР, редактора журнала «Знамя», Вадима Михайловича Кожевникова, выпускника томской школы № 9. Он вырос в семье нарымских политических ссыльных. Воспоминания детства помогли ему создать роман «Заре навстречу» — о революционном движении и становлении Советской власти в Сибири.

Томская школа № 15 носит имя лауреата Государственной премии СССР Галины Евгеньевны Волянской-Николаевой, автора романа «Битва в пути». И это не просто дань уважения известной советской писательнице, но и память о ней, о том, что она родилась и выросла на томской земле (село Усманка), отсюда ушла в большую жизнь, стала военным врачом, а затем литератором.

В Томске прошло детство известного сибирского писателя Анатолия Васильевича Никулькова, редактора журнала «Сибирские огни». «Я с уважением и огромным любопытством отношусь к документу, факту, — объясняет он свое пристрастие к исторической теме в одной из своих статей. — По-моему, невозможно выдумать ситуацию более интересную, чем подкидывает нам жизнь, история... В романе «В буче» есть эпизод, где рассказывается о приезде в Томск Ильи Эренбурга. В результате этой поездки был написан роман «День второй». Томская газета «Красное знамя» опубликовала тогда большую информацию о встрече Эренбурга с первым секретарем и заведующим агитпропом Томского горкома партии. Суть разговора... сводилась к тому, что Эренбург считал Томск умирающим городом, оказавшимся в стороне от великих строек пятилетки, а партийные руководители страстно возражали. А подробности, которые помогли мне зримо написать этот эпизод, я собрал по крупницам: внешность Эренбурга — из

личных впечатлений, скорректированных его портретами 30-х годов; речевую характеристику и строй мыслей — из его романа; образы Москалева и Байкова — из долгого общения с ними в детстве, а их высказывание — из информации в «Красном знамени».

Неудивительно, что в 1932 году И. Г. Эренбург подметил прежде всего затухание административной значимости города, удаленности его от главной железнодорожной магистрали и вызванное этим замедление в промышленном росте, а уж потом передовую науку, взрывающую обывательский, мещанский уклад, десятки тысяч студентов, которые «заполнили Томск грохотом и смехом».

Иным увидел Томск летом 1945 года другой старейшина советской литературы — поэт и режиссер Павел Григорьевич Антокольский. Его взгляду открылся крупный заводской, научный, студенческий и культурный центр, в пору суровых испытаний ставший побратимом многих городов Советского Союза. Творческие кадры Томска во время войны пополнили работники искусств из самых разных краев и областей. Немало оказалось среди них и актеров Горьковского драматического театра.

«Мой приезд, — пишет П. Г. Антокольский, — связан с первыми шагами этих актеров на томской сцене. Ставил я «Ромео и Джульетту» Шекспира. Кроме того, в театре шли две мои постановки — «Лес» Островского и «Женитьба Фигаро» Бомарше».

Нужно сказать, что к тому времени Томск, первый театральный город Сибири, преодолевший после революции засилье развлекательных спектаклей в «Интимном» театре (ныне кинотеатр имени А. М. Горького), театре миниатюр (Обруб, 10) и других, накопил немалый опыт воспитания и объединения народных талантов. Поначалу группа его театра драмы и комедии состояла из актеров гарнизонной драматической группы, наиболее талантливых сотрудников и студентов томских вузов и немногочисленных посланцев столицы. Затем

творческий состав укрепился профессиональными артистами, режиссерами, художниками, силами которых было поставлено немало интересных спектаклей. Во время Великой Отечественной войны театр был переведен в Кемерово, а его помещение (пер. Нахановича, 4) занял Первый Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный академический театр имени Янки Купалы. Для того чтобы возродить городской театр, решено было объединить Колпашевский драматический театр с посланцами города Горького. П. Г. Антокольский всеми силами своими способствовал этому объединению. Со сцены театра имени В. П. Чкалова, названного так по просьбе горьковчан в честь их замечательного земляка, коренного волжанина, Павел Григорьевич прочитал отрывок из поэмы «Сын», за которую годом позже удостоен был Государственной премии СССР. В Томске написал он стихотворение «В библиотеке», посвятив его В. Н. Наумовой-Широких. При его заинтересованной поддержке готовились к постановке «Кремлевские куранты» Н. Погодина. Образ Ильича в этом спектакле убедительно создал М. П. Кузнецов, ныне народный артист СССР. И вновь на берегах Томи зазвучала мелодия, которую возродил в курантах М. М. Черемных.

В последующие годы ленинская тема стала главной в репертуаре Томского драматического театра. Вслед за М. П. Кузнецовым — в спектаклях «Незабываемый 1919 год», «Именем революции», «Цветы живые», «Между ливнями», «Третья патетическая» — образ Ленина создал А. В. Ратомский, ныне народный артист РСФСР.

Большим событием в культурной жизни города стали работы театра, в основу которых положены произведения писателей, связанных с Томском жизнью и творчеством: В. Короленко «Без языка» (1957 г.), В. Шишкова «Тайга», Г. Маркова «Соль земли» (1963 г.), «Отец и сын» (1965 г.).

Заинтересованно встречен во многих сибирских городах и заслужил самые добрые отзывы спектакль по пьесе поэта Давида Лившица «Университетская роща» (1962).

Циклы рассказов и стихов о городе своего детства, о его людях создала И. Гофф, автор песни «Русское поле» и других. Они часто звучат в исполнении различных сценических коллективов Томска.

«Томск всегда был театральным городом, городом искусств,— свидетельствует народный артист РСФСР Б. Ф. Горбатов, большая часть жизни которого связана с Томском и областью, а начало артистической деятельности — с учебой в университетском театральном коллективе.— Театралом был ректор ТГУ (Я. Д. Горлачев.— С. З.). Помогали и партком, и местком. Ходили на репетиции. Вокруг драмкружка всегда была группа любителей театра. А играли мы в актовом зале библиотеки. Здесь началась моя вторая, если так можно сказать, творческая судьба — артиста-чтеца».

Через «Сибирские Афины» прошли А. П. Казанцев (широко известны его научно-фантастические романы «Арктический мост», «Планета бурь», «Внуки Марса» и другие), В. Р. Келер (впоследствии главный редактор энциклопедического словаря «Вселенная и человечество», автор книг — «Сергей Вавилов», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», «Приглашение к открытиям» и других), Б. П. Вейнберг (автор научно-фантастической повести «Человечество в 20 300 году»), Ю. Ф. Стрехнин (автор повестей и романов «На поле Корсунском», «Пушки еще не смолкли», «Знамя», «Есть женщины в русских селеньях»), А. К. Дремов (автор литературоведческих книг «Идеал и герой», «Художественный образ», «Образ нашего современника в художественной литературе»), поэты Василий Казанцев, Евгений Ерхов, Олег Головкин, Геннадий Карпунин, Геннадий Кругляков, Геннадий Юров и многие другие.

Большая часть жизни и почти все художественные произведения Виля Владимировича Липатова связаны с Томском и Томским Приобьем. После окончания Томского педагогического института он восемь лет проработал в областной газете «Красное знамя», хорошо изучил быт и устремле-

ния освоителей Севера — рыбаков, лесорубов, охотников, хлеборобов. Личный опыт и многочисленные встречи подсказали ему тему для повестей «Глухая мята», «Деревенский детектив», «Сказание о директоре Прончатове», романов «И это все о нем», «Игорь Саввович»...

В Томске окрепло писательское перо одного из ведущих сотрудников газеты «Известия» Г. Б. Комракова. Здесь он создал повесть «За картошкой», цикл рассказов и художественных очерков, которые вошли в книги «Пункт Васька», «Доведи до вершины», «И к селу и к городу»...

Имея давние литературные традиции, Томск, однако, позже целого ряда других сибирских городов создал у себя областную писательскую организацию. Сказалась специфика вузовского центра — с его постоянными приливами и отливами, сменой студентов и учащихся, многие из которых вместе с дипломами об окончании института или техникума увозили с собой первые литературные опыты, а то и самостоятельные книги, становились профессиональными писателями в других городах.

В сентябре 1963 года, с помощью и при личном участии Г. М. Маркова, было создано наконец Томское отделение Союза писателей России. «Это поможет,— сказал в те дни Георгий Моисеевич,— творческой работе как самих членов Союза, так и начинающей литературной молодежи, это повысит требовательность писателей к себе...»

Первым руководителем организации стал кандидат филологических наук (позже профессор) Томского университета литературовед Николай Федорович Бабушкин, а первым среди томичей в Союз советских писателей был принят Вадим Филиппович Иванов, поэт и прозаик, с отроческих лет прикованный к постели тяжелым недугом. До последних дней жизни они напряженно трудились сами и учили тому же творческую молодежь.

Яркий след оставил своими книгами и безвременно ушедший из жизни Иван Ульянович Басаргин. Его роман «В горах

тигровых», повести «Черный дьявол», «Акимыч — таежный человек» получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом...

В народе говорят: шагая вперед, не ленись почаще оглядываться назад, иначе забудешь, откуда вышел и куда должен прийти. Этому правила стремятся придерживаться в своем творчестве шестнадцать профессиональных писателей, работающих сегодня в Томске и составляющих одно из самых молодых по возрасту подразделений Союза писателей РСФСР, а также члены областного литературного объединения.

Творческим принципам В. Я. Шишкова, Г. М. Маркова и других своих замечательных предшественников стремится следовать Владимир Колыхалов. За роман «Дикие погоби» он удостоен премии имени Н. Островского. Его брат, Вениамин Колыхалов, стал лауреатом той же премии за книгу художественных очерков об освоителях Сибири «У подножья солнца». Переизданы за рубежом книги Тамары Каленовой, Виктора Колупаева, Александра Шелудякова. Широко известны кинофильмы и телевизионные спектакли по произведениям старейшей сибирской писательницы Марии Леонтьевны Халфиной — «Мачеха», «Безотцовщина», «Ульяна Михайловна»...

Городские творческие союзы Томска издавна работали в тесном содружестве, но еще больше содружество это упрочилось 30 апреля 1955 года. В этот день в Томске начались регулярные передачи первого сибирского телевидения. Необходимое для трансляции оборудование создали и смонтировали верные друзья и ценители искусств — сотрудники томских научно-исследовательских институтов, преподаватели и студенты вузов. Первые же передачи еще больше приблизили к массам творчество художников, артистов, писателей, народных умельцев.

Ярко и разносторонне открылось томичам прошлое, настоящее и будущее любимого города, увиденное глазами работников искусств. А у искусства, как известно, нет предела ни в пространстве, ни во времени.

ЛЕВ ПИЧУРИН

НА СВОЕМ МЕСТЕ

С этой школой мне давно хотелось познакомиться. Зайти просто так, без всякой цели, подняться по широкой лестнице, заглянуть в классы с высокими потолками и большими окнами, походить по просторным коридорам... Но разве сейчас можно сделать что-нибудь «просто так»? Всегда бежим, всегда торопимся, и «некогда нам оглянуться назад»...

А оглянуться стоит на очень многое.

Стоит оглянуться и на это небольшое по нынешним масштабам здание, построенное, как сказали бы сегодня, по индивидуальному проекту, правда, проекту далеко не самому лучшему. Впрочем, кому более ста лет назад могло прийти в голову, что наступят времена, когда в Сибири будут строить сотни школ по отличным типовым проектам! А тогда это была первая и в течение ряда лет единственная в нашем городе женская гимназия, относившаяся к ведомству императрицы Марии.

Десятки поколений учащихся сменили здесь друг друга, начиная от прилежных девиц из достойных семей и кончая нынешними вихрастыми акселератами и акселератками. Именно глядя на них и стоит оглянуться на прошлое и задуматься о будущем школы № 3 города Томска.

Здесь незадолго до революции получила золотую медаль Мария Большанина, ныне известный томский физик, профессор университета, лауреат Государственной премии, а за несколько лет до войны учился прекрасный человек, фронтовой корреспондент «Комсомольской правды» писатель Лев Ющенко.

Эту школу окончил талантливый геометр Марк Пергаменщиков, любимый преподаватель нескольких поколений студентов физмата пединститута, и профессора университета и мединститута В. Г. Багров и В. В. Кусков. Здесь учились многие и многие. Этой школе есть чем гордиться, и сама она — явление, явление в жизни нашего города, в истории народного образования в Сибири, в педагогике. Ее богатый опыт и интересные традиции должны быть изучены и использованы для общего блага.

Но познакомиться со школой — это прежде всего познакомиться с ее учителями, увидеть их на уроке, понять, как они учат, как воспитывают детей. И так случилось, что мое желание совпало с поручением от нашего пединститута, и я попал на урок химии в девятом классе, к завучу (никак не могу привыкнуть к нынешнему официальному казенно-торжественному званию «заместитель директора школы по учебно-воспитательной работе») Елене Николаевне Дегтяревой.

О Елене Николаевне я слышал давно. Учителей, как известно, не очень-то балуют наградами, степенями и званиями, далеко не в каждой школе работают заслуженные учителя РСФСР, естественно, что в нашем институте их знают и ее портрет есть у нас на кафедре химии. К тому же, как известно, учитель всегда проявляется в своих учениках, а воспитанников третьей школы немало среди наших студентов — будущих

учителей. Но одно дело слышать, другое — взглянуть самому.

...Урок, на который мы попали, с точки зрения Елены Николаевны, был самым невыигрышным. Более или менее опытный педагог в присутствии посторонних лиц всегда сумеет показать свое мастерство в изложении нового материала и владение этим материалом, всегда может спросить именно тех, кого надо спросить для создания необходимого впечатления об уровне знаний, всегда может «прикрыть» несмышлению ученика, проще говоря, на обычном уроке всегда можно показать товар лицом. Но тут была ситуация порядка — последний урок по теме «Теория электролитической диссоциации». Со следующего урока начнется новая тема («Вот там вам было бы гораздо интереснее!»), на предыдущем была контрольная работа, сейчас придется говорить о недостатках, о двойках, о пробелах, надо вызывать худших учеников, надо читать мораль... Трудный, опасный всякого рода непредусмотренными событиями и осложнениями урок. И, в то же время, именно на таком уроке человек, хоть немного разбирающийся в педагогике, увидит главное в работе учителя, поймет, каков он на деле.

— Я вас прошу к следующему уроку подготовить... — учительница начинает урок с домашнего задания, «с конца». Этим уже давно никого не удивишь — ныне могут и ради дела, и ради оригинальничания самым неожиданным образом перевернуть традиционную форму школьного урока. Но меня сразу же подкупил тон слова «прошу». Нет, это вовсе не было заигрывание с учениками — верный признак слабости педагога. И тем более это не было тем категорическим «прошу!», которое в устах иного руководителя звучит куда более повелительно, чем «приказываю!». Здесь прозвучало нечто совсем особенное, прозвучала необходимость: я вас прошу принять участие в очень важном деле, важном для всех нас в равной степени, и не может быть сомнения в его выполнении.

Может быть, именно одно это слово, может быть, то, как уверенно и в то же время легко вошла в класс эта подтянутая, собранная, энергичная женщина, может быть, еще и очень строгий взгляд, которым она привычно окинула весь класс (если быть очень внимательным, то где-то там, далеко за этой строгостью, можно уловить почти незаметную доброжелательную улыбку), а может быть, уже выработанная в классе привычка к порядку создали ту обстановку, ту организацию урока, которую далеко не всегда удастся увидеть и по которой я, откровенно говоря, скучаю.

...Нельзя проводить урок, если в классе беспорядок. Но дети не могут просидеть спокойно сорок пять минут, если в этом нет необходимости, — иначе они не были бы детьми. К этому, если хотите, и сводится диалектика организации урока, а возникающее здесь противоречие разрешается по-разному, нередко, увы, самыми резкими действиями учителя, с помощью заметного напряжения и чуть ли не взрывной энергии педагога. После таких уроков у учителя болит голова, а ученики хотят сорвать на ком-нибудь или на чем-нибудь накопившееся напряжение...

У Елены Николаевны Дегтяревой — другое. В ее классе создан рабочий настрой — нам всем некогда, учительница вошла, следовательно, пора заниматься делом, и даже посторонних людей в классе никто не замечает — симптом показательный. Ох, не у каждого учителя так получается, и научить такой организации урока почти невозможно, это — талант, это — искусство...

А урок идет своим чередом, и первое замечание Елены Николаевны не кажется сколько-нибудь манерным или искусственным:

— Вы меня огорчили своей прошлой работой... Грустно, что причина ваших ошибок — крайнее невнимание — становится чертой характера... — вот какой неожиданный поворот в мыслях учительницы. Ведь речь-то сначала шла о том, как

один из учеников старательно записал реакцию гидролиза с участием карбоната кальция, забыв при этом, что CaCO_3 — это самый обыкновенный известняк, вещество, в воде не растворяющееся, значит, никакой реакции идти не может. Только и всего. В любом учебнике методики можно прочесть о подобных ошибках, они объясняются формализмом в знаниях учащихся. В учебнике же можно прочесть и о том, как с формализмом следует бороться, все это — педагогическая азбука. Но Елена Николаевна делает ход, на который решается далеко не каждый учитель-предметник. Химия, конечно, нужна, но все же главное не в том или ином предмете, а в том, какими станут эти люди, какие черты будут определяющими в их характере.

Вот теперь я, кажется, начинаю убеждаться в справедливости оценки, данной Елене Николаевне одним из наших студентов-практикантов. «Дегтярева? Очень обаятельна, любит свой предмет, очень эрудированна, ответственна, хороший химик. Но не в этом главное. Я ее могу представить и биологом, и математиком. И даже вообще не учителем. Но она прирожденный руководитель, организатор и воспитатель, ее за это все мы и ценили, этому и пытались научиться. Знаете, кто-то из больших ученых, кажется, академик Соболев, говорил, что талант математика редок, талант музыканта встречается еще реже, а уж талант руководителя и организатора — вообще исключение. Так вот, Елена Николаевна — обладатель этого исключительного таланта».

Наверное, в подобном заявлении есть кое-что от юношеской непосредственности и восторженности, но есть в нем немало и от профессионального подхода к людям. За последние годы мне не раз приходилось встречаться именно с таким подходом к оценке педагога со стороны молодежи. На первое место ставится не специальная подготовка по предмету (она как будто сама собой разумеется, сейчас не тридцатые и не сороковые годы), а профессиональные педагогические качества —

организаторские, воспитательские, человеческие. В этом смысле Елена Николаевна неординарный человек, и, обучая химию, она не просто воспитывает своих учеников, но делает это в соответствии со своими, может быть, в чем-то и спорными педагогическими концепциями.

— Взаимная доброжелательность между учителем и учеником, конечно, должна быть, это важно, но прежде всего должна превалировать требовательность, твердость по отношению к ученику, должна существовать совершенно четко установленная дистанция между ними, грань, которую нельзя стирать, чем, между прочим, грешны сегодня художественная и даже специальная педагогическая литература...

Сложен этот вопрос. Нынешние призывы к максимальному сближению с учениками в значительной степени являются реакцией на когда-то имевшую место казенную педагогику неоправданной повышенной строгости. Носителем такой педагогики в кино обычно изображалась сухая измученная женщина, злая на всех и вся, предельно несовременная, не любящая ни свою работу, ни детей, ни предмета, который она знает в пределах учебника.

И в противовес такой учительнице в кино и литературе вдруг появилась личность, нередко понятия не имеющая о педагогике, этакий рубаха-парень, за которым дружно бегут все ребята, только что не закуривающие с ним из одной пачки. Появилась другая крайность, едва ли не заигрывание с учеником, когда проступок, граничащий с хулиганством, начинают объяснять одной лишь сложностью переходного возраста, когда разболтанность и расхлябанность числят чуть ли не проявлением современности и уже сам учитель начинает употреблять жаргонные словечки...

Видимо, эту крайность и имела в виду Елена Николаевна, говоря о дефиците требовательности в современной школе. Но на ее уроке я что-то не заметил ни страха, ни трепета у кого-либо из учеников. Зато другое заметил определенно — воспи-

танники школы № 3 выгодно отличаются от учеников многих других школ своим внешним видом, опрятностью, аккуратностью.

...До встречи с Еленой Николаевной Дегтяревой мне удалось поговорить со многими ее бывшими учениками и ученицами. Мнение о Елене Николаевне было удивительно единодушным.

— Повлияла ли Елена Николаевна на то, что я стала учительницей химии? Нет, я не стану говорить, что она определила мою судьбу, все это не так просто. Но ведь не случайно же пять человек из нашего класса стали химиками, в том числе четверо поступили в педагогический институт. Что я взяла у нее как педагога? Вы знаете, по отношению к себе я бы не решилась так ставить вопрос, лучше по-другому: что мне хотелось бы взять, это вернее... Манеру ведения урока. Умение держаться в классе. Пока не могу, не получается. Умение работать с трудными и заставить работать бездельников. Это, пожалуй, получается. У нас, в ПТУ, трудных ребят немало, я с ними вроде бы справляюсь, не зря же я тоже, как и Елена Николаевна, завуч. Еще что? Высокую требовательность. Она не пропустит ни одного нарушения, а мы-то частенько просто не хотим делать замечания — без них спокойней жить. Отличное владение педагогической техникой. Интенсивность проведения урока, с мобилизацией всех учащихся. Отличное владение приемами и методами опроса. Умение уловить момент, когда класс может выйти из-под контроля, так сказать, педагогическая бдительность. И еще — какой-то молодой задор, внутренний оптимизм, что ли... Нет-нет, никаких шуточек, она и улыбается-то, может быть, даже слишком уж редко, но что-то такое есть, я не могу этого объяснить, это уже характер... И еще есть особенность — ее язык. Вот уж чему хочется подражать и чему надо учиться у Елены Николаевны... Да вы сходите к ней на урок, послушайте, как она говорит!

...Вот как раз и сажу, слушаю.

Речь учителя... Есть ныне ТСО — технические средства обучения, есть кадоскопы, диапроекторы, магнитофоны, наглядные пособия, а все-таки главным оружием учителя был, есть и будет язык. Но, как это ни грустно, далеко не всегда на уроке услышишь правильную русскую речь: то наши коллеги-математики начнут самым невероятным образом склонять числительные, то вдруг географ заговорит о «га» вместо гектаров, то появятся самые удивительные ударения, а уж про наше родненькое сибирское «ложить» и говорить не приходится.

Здесь — другое. Безупречная дикция, построение фразы, отчетливое, хорошо продуманные паузы, владение силой голоса. И, конечно, главное — русский литературный язык, тот самый, которому преподаватели русского языка и литературы научить не смогут, если в школе не создано соответствующей обстановки, тот самый, владение которым нужно любому воспитанному человеку, будь он историком, математиком, химиком...

— Нет, я химиком не стал, я медик. Но химию на приемных экзаменах сдал на пять, даже еще и похвалили за какое-то оригинальное решение задачи. Конечно, в этом есть заслуга Елены Николаевны. Тогда еще никто и не думал о факультативах, а мы все у нее занимались дополнительно, потом она придумала зачетную систему, по-моему, этого тоже в то время нигде еще не было. Взаимоотношения? У нас в классе подобралось много не очень легких ребят, некоторые из них могли позволить себе все, что угодно, но только не на уроках Елены Николаевны. Пример конфликта с нею? Да в том-то и дело, что нечего мне по этому поводу вспомнить. При чем тут память? Просто она в любой обстановке так умеет повернуть дело, что конфликта не будет. Нет-нет, это не обход острых углов, от принципов она никогда не отступала, но и на обострение отношений не шла, вернее, не давала

повода. Наверное, это и есть педагогический такт. Конечно, мы ее побаивались и всегда при ней вели себя сдержанно, но дело все же не в нас. Знаете, как часто бывает? Учитель — слово, мы — два, учитель — четыре, мы — десять, и пошло, и поехало, и вроде бы мы уже на равных, кто кого перекричит. А Дегтярева — совсем другое. Она просто не унижится до конфликта с учеником или классом, хотя и совершенно беспощадна ко всяким нарушениям. Иногда даже, пожалуй, слишком бескомпромиссна... Но зато никогда никого не унижит, не оскорбит...

— Ну, повысить-то голос и Елена Николаевна может...

— И что особенного? Даже накричать может. Но ты никогда не почувствуешь себя оскорбленной, даже если и попадет как следует. Я жила далеко от школы, но на уроки никогда не опаздывала, а тут как-то трамвай сломался. «Ну что, Валечка, выпалась?» — И ни тени улыбки, а так это жестковато-дружелюбно. Видите, даже сейчас, через пятнадцать лет краснею...

— Вот Валя говорит: пятнадцать лет. Я в педагогике ничего не смыслю, что там правильно, что не так. Но, понимаете, Елена Николаевна для нас — всегда учитель, и сколько еще времени пройдет, она так навсегда для нас и останется — наш учитель.

— Верно. У нее настолько все сосредоточено на школе, детях, что как будто больше вообще нет ничего. Ведь мы о ней ничего не знали, да и сейчас не знаем. Есть такие учителя, о которых чуть ли не с первого урока знаешь все, и про дом, и про детей, а про Елену Николаевну...

— Мы всегда думали, что она из породы очень счастливых женщин — интересная, стройная, всегда хорошо, с лучшим вкусом — только очень строго — одетая... Никогда ничего о себе, какая-то подобранная, сжатая. Никогда не раскрывалась. Она вообще ни на минуту не позволяла себе рассла-

биться. Мы уж только после выпуска немножко узнали о ее личной жизни, не очень, к сожалению, гладкой...

Да, уж о себе Елена Николаевна рассказывать явно не любит. Я в этом убедился, когда начал расспрашивать ее уже не о педагогике и методике.

...Отец был фитопатологом — специалистом по защите растений. Работал на лесозащитных станциях и в заповедниках, с ним девочка объездила чуть ли не всю страну от Украины до Приморья. Рано увлеклась — не без влияния отца — зоологией, очень любила животных. Окончила школу на Алтае, никаких сомнений в выборе специальности не было — поступила на биофак Томского университета, работала под руководством профессора Владимира Антоновича Пегеля и, наверное, стала бы научным работником, но в тот год весь выпуск биофака ТГУ направили в школы Западной Сибири.

— И, честно говоря, это решение было нами воспринято как удар. Никогда не собиралась преподавать в школе, а тут — деревня Бобровка Новосибирской области, двадцать километров от районного центра, сто семьдесят — от железной дороги. Потом работала в школе № 31 города Томска, а с шестьдесят второго года — в третьей школе, сначала завучем по производственному обучению, потом — по учебно-воспитательной работе. Нет, еще не четверть века — был перерыв. Три года работала лаборантом в научно-исследовательском институте, появилась тема, возможность работать над диссертацией, перейти в младшие научные сотрудники, но тяги к научной работе все же не было, а в школу — тянуло.

Существенный это штрих для характеристики человека. Есть хорошая специальная подготовка, есть приличное место, можно спокойно идти по давно проторенному пути. Но раз уж меня не тянет — не пойду, пойду туда, где «работа невероятно трудна»! Как много я знаю людей, которые, занимаясь наукой, любят не ее, а то, что она дает для их благополучия!

И как редко люди находят в себе мужество и твердость духа, чтобы сказать — я это не люблю, мое место не здесь.

Елена Николаевна Дегтярева — на своем месте. На своем месте потому, что она — современный учитель, человек образованный, эрудированный, хорошо подготовленный по специальности.

На своем месте потому, что она — современный воспитатель, человек требовательный, внимательный, любящий молодежь.

На своем месте потому, что она — настоящий коммунист, человек, у которого дела не расходятся с убеждениями, а убеждения основательны и тверды.

МАРИЯ СМЕРНОВА

РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ТРИ ГОДА

— Кабы не судили Власихина, вот он был бы судья...

— Да как его судить-то? Полжизни за народ положил...
— Не убоюсь, сам явился.

На сельской площади собрался народ — жители краснопартизанской республики Соленая падь, — чтобы решить судьбу односельчанина, укрывшего сыновей от мобилизации.

В приглушенный и почти музыкальный говор толпы врывается резкий женский голос:

— Каешься?

В нем и боль старой крестьянки за хорошего человека, и попытка подсказать ему: «Ну что же ты, покайся — простит народ». Выкрикнула и замерла в ожидании, хоть сурово лицо, оттененное белой кромкой платка.

Но не хочет Власихин спасти себя:

— Не каюсь, а признаюсь...

...В народных сценах, которых много в спектакле Томского драматического театра «Соленая падь», внимание еще не раз обратится на эту женщину, хотя текста у нее — всего пять-шесть фраз. В программе же спектакля ее фамилия в общем списке участников массовых сцен стоит одной из последних — Т. П. Лебедева, но отличает ее указанное перед именем звание — народная артистка РСФСР.

Трудно подсчитать, сколько часов репетировал главный режиссер театра Феликс Григорьевич Григорьян эти массовые сцены. Инсценировка романа Сергея Залыгина, режиссерское решение спектакля таковы, что народ здесь — одно из главных действующих лиц. Он растет политически, он борется и мучается. Он велик своим единством и велик тем более, что внутренне чрезвычайно разнороден. Не так просто было коллективу понять и принять довольно сложный ход, при котором разные группы людей вдруг начинают говорить хором, когда реальные события, в которых они участвуют, вдруг сменяются раздумьями героя и народ является к нему уже как символ — символ мудрости, доброты, честности.

— Уже первая реплика «Кабы не судили Власихина...» — это признание неоднозначности ситуации, — объясняет режиссер. — То наказание, что положено Власихину по закону, не положено по справедливости. А сам он настаивает: надо меня по совести судить. Народ здесь впервые почувствовал свою ответственность — и за судьбу человека, и за общее революционное дело. На суд над Власихиным пришли не любопытные, это не казнь на Гревской площади. Тут люди сошлись принципиально, и каждый пытается ответить для себя на самые болезненные вопросы.

Актеры старшего поколения, и среди них Тамара Павловна Лебедева, быстрее и точнее схватывают мысль режиссера — в силу не только профессионального, но и жизненного опыта. Но за все месяцы репетиций не было случая, чтобы актриса позволила себе выключиться из действия, расслабить-

ся. Наоборот, живостью и точностью реакций она увлекала за собой остальных, заражала неутомимостью.

Казалось бы, ну что для народной артистки республики даже не эпизод, а участие в массовке. Однако полная отдача делу — это принцип Лебедевой, которому, кажется, она никогда не изменяла.

Истоки этого отношения к труду найти и легко и трудно. Масса влияний, фактов биографии, случайностей определяют мировоззрение и судьбу. Но начало профессионализма (а преданность театру, умение отдавать себя в каждой роли — именно профессиональное качество настоящего актера) было положено в студии при театре Революции в Москве (ныне театр имени В. Маяковского) и затем работой в нем. Тамаре Павловне довелось играть в эпизодах, но — с Астанговым, Штраухом, Бабановой, Глизер, довелось учиться у них. Такое начало иногда дает заряд на всю жизнь.

В Томск Лебедева попала по семейным обстоятельствам.

Ровно тридцать лет и три года назад молодая актриса сошла с поезда в незнакомом провинциальном сибирском городе. Привокзальный район, насколько хватало глаз, был пустырем с огромной лужей посередине. Вдали темнели какие-то развалюхи. Она осмотрелась и заплакала. И, может, так и покинула бы этот, показавшийся столь неказистым, городок, если б не родные да еще главный режиссер томского театра Николай Васильевич Смирнов. Он просто не отпустил ее, сразу включив в работу. И вскоре, продолжая видеть и грязь, и деревянные тротуары, и булыжные мостовые («при мне здесь пошел первый трамвай»), Тамара Павловна стала узнавать интенсивную, значительную духовную жизнь города и театра. А последний представлял в те годы очень интересное явление.

После войны в Томск прибыл фронтовой театр имени В. П. Чкалова. Этот коллектив вырос из драмкружка, над которым в свое время взял шефство и организовал студию театр

имени Евг. Вахтангова. Рабочие ребята получили дипломы и, когда началась война, отправились со своими спектаклями на фронт. Коллектив в прямом смысле закалился в боях.

И вот он влился в труппу Томского драмтеатра. Процесс объединения был труден, даже болезнен, но приехавшая молодежь безусловно несла прогрессивное, творческое начало, которое стало эликсиром бодрости для всей труппы.

Сегодня в Томском драматическом театре работает лишь один представитель чкаловского театра — заведующая костюмерным цехом Клеопатра Георгиевна Григорьева. В те годы она была актрисой.

— Мы не сразу присоединились к томскому театру, сначала существовали отдельным коллективом, жили в вагончиках. Тамара пришла к нам, когда официальное воссоединение уже состоялось, но некоторая внутренняя разобщенность, естественно, существовала. Наши ребята — все комсомольцы — творческие, рабочие вопросы привыкли решать коллегиально, высказываться принципиально, не признавали компромиссов. И надо сказать, что Лебедева сразу стала у нас «своей», потому что была близка и по духу, и по школе. Много лет прожили мы вместе в общежитии, как одна семья. Сколько здесь было споров, обсуждений, ни одна работа не оставалась без внимания, без дотошной и иной раз резкой критики.

Это уважение к гласности мнений, к принципиальности позиций Тамара Павловна сохранила на всю жизнь. В каждом ее нынешнем выступлении — на партсобрании, на художественном совете и просто на репетициях — все та же прямота и честность. Изменения связаны только со зрелостью, опытом, мудростью.

На афишах томского театра сегодня значится: 120-й сезон. Это огромный путь, проследить который с самого начала можно лишь благодаря архивным документам, материалам театрального музея. А послевоенные годы еще свежи в памяти и его работников, и зрителей. По мнению Тамары Пав-

ловны, именно в это время начался процесс, продолжающийся и по сию пору,— процесс поисков и находок, родилось стремление всегда быть на стрейне современных проблем. Разные были периоды — более или менее интересные в творческом отношении. Но и сегодня помнят томичи имена режиссеров Г. И. Иванова, Д. А. Лядова, И. Б. Колтынюка, М. А. Юфы, артистов Марии Стряпкиной, Михаила Кузнецова, Николая Филиппова, Николая Земцова, Натальи Юргенс, Георгия Лесникова и многих других, в разные годы работавших на нашей сцене.

Много прекрасных работ у таких ветеранов, как заслуженные артистки РСФСР Л. И. Долматова, Н. В. Крылова, народный артист УдмАССР М. А. Исаев, артисты Э. И. Ратомская, А. А. Аркин.

В 1958 году Л. Лядовым была поставлена пьеса В. Розова «В поисках радости». Т. Лебедева создала в нем образ Клавдии Васильевны Савиной, матери суровой и нежной, женщины-труженицы. Ее сыновей играли тогда заслуженный, а ныне народный артист РСФСР А. Ратомский, артисты В. Калинин и В. Семенов. Именно «семейное» взаимопонимание участников этого прекрасного ансамбля служило залогом большого успеха спектакля.

Пьеса Артура Миллера «Все мои сыновья» вошла в репертуар театра в 1963 году (постановщик А. Габович). Кэт Келлер, американская мать, с каменной маской на лице скрывающая муки разбитого сердца, и ее муж Джо, любящий, добрый, а вместе с тем — типичный представитель мира «остервенелых, разжиревших псов». Их играли Т. Лебедева и Н. Земцов, играли ярко, остро, страстно.

Успех комедии «Сослуживцы» Э. Рязанова и Э. Брагинского, которая шла на сцене несколько лет назад, был обеспечен замечательным дуэтом Т. Лебедевой и М. Исаева.

«...Все, что делает в этой роли Т. Лебедева, придает образу черты подлинной трагедии, все дальше уводя его от ме-

лодраматических интонаций, свойственных пьесе, наполняет его более глубоким человеческим содержанием. В исполнении актрисы он обретает обаяние внутренней значительности и той удивительной простоты, наполненной и глубокой, которая может быть только результатом тонкого и чуткого искусства настоящего художника». Это из очерка «Четыре роли», опубликованного в журнале «Театральная жизнь». В нем рассказывалось о работе Лебедевой над образами Лены Туйск в спектакле «Блудный сын», королевы Елизаветы в «Марии Стюарт», Торговки в «Бессмертной юности» и Тузиковой в «Барабанщице». Заканчивался он словами:

«Четыре героини Т. Лебедевой, разные по характерам, по манере игры, требующие от актрисы искусства перевоплощения, тонкой техники, чувства стиля автора, показали ее большие творческие возможности в разных жанрах — от комедии до трагедии».

Двести раз на сцене томского театра был сыгран спектакль «Миссис Пайпер ведет следствие». Главную роль в нем неизменно исполняла Тамара Павловна Лебедева. Смешная, но сообразительная и дотошная уборщица миссис Пайпер великолепно справляется с неожиданно представившейся возможностью провести следствие по делу об убийстве, не ставя в тупик и преступника, и полицейских. Вторую ведущую роль — инспектора полиции Бакстера — играет О. А. Афанасьев. Актеры ведут темпераментный, острый, озорной диалог, в котором всегда есть элементы импровизации, на который чутко реагирует зрительный зал.

— Лебедева прежде всего партнер живой. Она действует не по заученной на репетициях канве, а каждый раз бывает новая, «сиюминутная», — объясняет Афанасьев. — Она меняется, если меняется что-то в партнере, в зале. И тогда происходит — как в жизни: на живое в ответ — живое. Но Тамара Павловна — профессионал, и если не слышит этого живого от партнера, то будет сама держать сцену на высоком уровне.

Можно сказать так: если партнер стреляет из рогатки, она все равно — из гаубицы.

В последние годы Т. П. Лебедевой больше приводилось играть роли комедийные — так складывался репертуар театра. Были острохарактерные: Розалия Павловна Ренессанс («Клоп»), миссис Пайпер, эвенкийка Югана («Из племени Кедра»). О ее драматическом даровании можно было судить лишь по рассказам очевидцев и еще по работе в спектакле «Прошлым летом в Чулимске». И вот пришла пора ответственного испытания. Театр взял к постановке пьесу Бертольда Брехта «Мамаша Кураж и ее дети». Ставил спектакль Николай Евгеньевич Емельянов. Образ мамашы Кураж требовал широкого философского обобщения, актерской мудрости.

...Шестой эпизод. Кураж, маркитантка, следующая за войсками со своим фургоном, узнает о смерти главнокомандующего. Пересчитывая товар, она с непозволительной непочтительностью рассказывает о весьма нелепой гибели знаменитого маршала.

— Сейчас конкретизируем задачу. Какое событие играть в этом эпизоде? Что здесь происходит? Кураж барахло пересчитывает...

— Наверно, главное — смерть главнокомандующего и что теперь будет?

— Вам не кажется, Тамара Павловна, что такая инвентаризация — итог. Сейчас замирает война. Значит, конец вашему предприятию. Это не просто пересчет сапогов. Нынче все поворачивается так, что нужно или на пенсию выходить, или еще двадцать лет работать... И она цепляется за слова священника, что войне «несть предела».

— Постойте, я сейчас увидела новую закономерность. При первой встрече с войной от Кураж уходит старший сын — Эйлиф. Когда со вступлением поляков для нее начинается активная торговая жизнь, теряет второго — Швейцарца. И вот здесь, при одной только перспективе, что война продолжит-

ся, — несчастье с дочерью. Кураж начинает с таких потерь, но они ничему ее не учат. Через людей, через детей прокатывается колесо истории, а Кураж, сводя итог, видит: сальдо положительное. Я заплатила, но я и получила.

— А ведь вы, Кураж, уверяли, что хорошо знаете, когда надо остановиться...

— Да, конечно, этот эпизод — один из пиковых моментов. Как раз из тех, когда можно остановиться. У нее есть момент прозрения, когда говорит: «Вот война, а вот от нее и барыш». В этом эпизоде на глазах у зрительного зала я должна заканчивать войну и снова начинать ее. Вот теперь понятна ремарка «смеется», понятна динамика картины...

Предыдущую работу — роль Бабушки в спектакле «Восемь любящих женщин» Тамара Павловна также делала с режиссером Н. Емельяновым. Он тогда только приехал в Томск.

— Встретили меня доброжелательно, — рассказывает режиссер. — И существенным источником этой доброй энергии была Тамара Павловна. Отсюда возникла атмосфера репетиций. Я впервые работал с народной артисткой. Дело тут не в самом звании и не в пиетете перед ним, но оно, как минимум, говорит о положении человека в театре. Это — лидер, один из столпов коллектива, а значит — возможны и нередко случаются определенные сложности в пристройке нового режиссера. В Тамаре Павловне сразу подкупает и трогает готовность идти на контакт, готовность поставить себя на пользу общему делу. Подчинить этому свою волю, свое умение. Вскоре я уже начал проверять себя по Тамаре Павловне, обращался за советами, за оценками и всегда ощущал полную поддержку...

Творческая биография актрисы тесно связана с историей театра, всеми его начинаниями. Воспитание зрителя давно стало заботой и долгом театрального коллектива. Дело это нелегкое и долговременное. Тамаре Павловне памятливы времена, когда на гастроли отправлялись на грузовых паузках:

— В этом большом деревянном судне трюмы были оснащены нарами, приспособлены для жилья. Заезжали в места, где люди вообще не знали, что такое театр, спектакли называли концертами или спрашивали: «Театр? А где же у вас собачки и обезьяны?» Мы привозили с собой керосиновые лампы и ими освещали маленькие сцены клубов или школьные классы. Иной раз приходилось гримироваться в одном доме и по лесенке через окно перебираться в другой — на сцену. Но встречали нас всюду замечательно. Бывало, на лодках перехватывали наш «корабль» и уговаривали показать спектакль в какой-нибудь маленькой, не запланированной в маршруте деревне или на проходящем судне.

Изменились средства передвижения, изменился весь облик области, особенно северных ее районов, где театр частый и желанный гость. Вместе с товарищами Т. П. Лебедева отправляется на комфортабельном теплоходе в самые отдаленные села Александровского, Каргасокского, Парабельского районов, принимает участие в зрительских конференциях, встречается с нефтяниками, строителями.

Своей основной работой руководство театра, его партийное бюро, в которое входит и Тамара Павловна, всегда считало не только выпуск спектаклей, но и шефство, встречи со зрителями, лекционную пропаганду и многое другое. С концертно-лекционными программами выезжают работники театра в вахтовые поселки нефтяников и лесников. В подшефном Бакчарском районе очень интересно проходят декады театрального искусства. Артисты выступают в домах культуры, в районном объединении «Сельхозтехника», на полях у механизаторов, на молочно-товарных фермах. График всегда очень плотен, работа напряженная — но зато какое чувство удовлетворения!

Традиционными стали Дни театра, проводимые для тружеников различных предприятий и организаций города.

Большой популярностью среди молодежи пользуются литературно-художественные вечера, которые организуют город-

ской комитет партии, общество «Знание» и Томский государственный университет. Артисты театра — постоянные и активные их участники.

В течение сезона творческие работники театра проводят до двухсот встреч со зрителями: сюда входит участие в работе факультетов общественных профессий вузов города, зрительские конференции по спектаклям, беседы о театральном искусстве и многое другое. В Томске нет студенческого и рабочего общежития, где не было бы встреч с артистами театра. Другая, не менее важная сторона деятельности — помощь художественной самодеятельности в постановке спектаклей, участие в подготовке и проведении смотров и фестивалей...

Каковы составляющие молодости и жизнеспособности художника? Первое — умение радоваться чужим успехам, видеть даже маленькие проявления таланта и раздувать эти искры. Второе — умение учиться. Все это присуще Тамаре Павловне. Автору этих строк приходилось видеть, как она беседует с молодыми коллегами, как делится удачными находками с артисткой, параллельно работающей над ролью, как обсуждает самодеятельные спектакли — всегда щедро, заинтересованно, без тени менторства и снисходительности. А в своей работе к каждой роли подходит как в первый раз, с боязнью, в том состоянии наивности и трепетности, которое одно может стать залогом сценических открытий.

Как-то, давая интервью журналистам, Тамара Павловна заметила:

— Мне кажется, что миг, когда я в первый раз произнесу «А в наше время...», будет означать, что я безнадежно постарела.

Придерживаясь высказанного тезиса о губительности указующего перста из прошлого, актриса всегда была в ряду хранителей и продолжателей лучших традиций.

Театр достаточно жесток не только к бесталанным людям, но и к тем, кто плохо трудится. На одном из заседаний ко-

миссии по работе с творческой молодежью Тамара Павловна определила требования, необходимые для того, чтобы выработать у актеров критическое отношение к самим себе, умение делово и честно разговаривать, видеть перспективу своего роста. В их основе постоянное внимание к каждой работе каждого молодого артиста. Казалось бы, не новая мысль. Но в повседневной текучке не всем и не всегда удается следовать ей. Внимание, постоянный «присмотр» ветеранов позволяет сделать процесс становления молодежи более интенсивным.

При этом Т. П. Лебедева с удовольствием признается, что сама с интересом учится у ребят, только что пришедших с вузовской скамьи: «Они ведь напичканы самыми современными знаниями и умениями».

С годами актер подчас устает, душевное напряжение становится привычным, и тогда, как замена поиску, стремлению к постоянным открытиям, приходит ремесло. Накопленный опыт позволяет при этом создавать образы, на первый взгляд, вполне убедительные. Ведь столько уже в багаже: интонаций, жестов, взглядов — надежных, как говорится, обреченных на успех. Но обязательное свойство настоящего мастера — движение вперед, отказ от всего достигнутого. Средство для этого одно: актер сегодня должен знать о жизни, о роли больше, чем вчера. Если это происходит, художник обязательно остается в искусстве на прогрессивных позициях.

Что говорить, труден этот путь и далеко не всегда результат достоин затраченных усилий. Но всегда остается принцип: предъявление себе самых высоких требований, самого крупного счета. И еще — постоянный, страстный интерес к жизни, к миру.

Когда звучит последняя реплика мамыши Кураж: «Эй, Второй Финский! Меня прихватите!» — в зале повисает тяжелая тишина. Потому что актриса видит в этот момент не уходящий полк, а всю нашу землю, на которой в разных уголках вспыхивают малые и большие очаги войны, и ее героиня го-

това рвануться туда, где кровь и смерть могут принести на-
живу. И зрители не могут не почувствовать масштаба, кото-
рый в этот момент приобретает образ.

От зрителей скрыт огромный тяжкий труд, предшествую-
щий выпуску каждого спектакля,— на сцене все должно
происходить естественно, органично, как в первый раз. Но все
же, встречаясь с работами Лебедевой, зал всегда понимает,
как много стоит за ними. Не говоря уже о коллегах, на гла-
зах которых проходит этот путь.

На одном из заседаний художественного совета театра
главный режиссер сказал:

— Конечно, томский театр мог бы существовать и без Та-
мары Павловны. Но это был бы уже театр без Тамары Пав-
ловны. Само то, что в нашем коллективе работает Лебедева,
во многом определяет творческое и нравственное его лицо.

СОДЕРЖАНИЕ

РАБОЧАЯ ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ

Ю. Литвинцев. КРАСКИ РОДНОГО ГОРОДА	3:
Казанцев А. СКАЗ О ТОМСКИХ ТЕРЕМАХ	9*
Заплавный С. РАБОЧАЯ ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ	14
Левницкий Л. ОДНАЖДЫ И НА ВСЮ ЖИЗНЬ	27
Макшеев В. ВЫСОТА	34

ТОМСК УЧИТСЯ И УЧИТ

Климычев В. УЛИЦЫ ГОРОДА	65
Бурмакин Э., Лозовский И. ТРАДИЦИЯ БЫТЬ ПЕРВЫМИ	68:
Колыхалов Вен. НА СЛУЖБЕ У НЕБА	82:
Бурмакин Э. БИОГРАФИЯ	94
Момсеев В. НА ГРЕБНЕ СЧАСТЛИВЫХ СОБЫТИЙ	105:
Каленова Т. ДОРОЖЕ ВСЕХ ВОГАТСТВ	135:

К ГЛУБИНАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЕРДЦА

Каленова Т. КОЛОСЬЯ В ПОЛЕ	153:
Заплавный С. К ГЛУБИНАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЕРДЦА	170:
Пичурин Л. НА СВОЕМ МЕСТЕ	208
Смирнова М. РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛЁТ И ТРИ ГОДА	219

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Составитель

ВЛАДИМИР АНИСИМОВИЧ КОЛЫХАЛОВ

■

Книга иллюстрирована photographиями Н. ПОТАПОВА

Фоторепродукции картин и эстампов

томских художников В. ЧЕРЕМИНА, В. ПОПОВА,

В. ЕВТИХИЕВА, В. ТЕРЕЩЕНКО выполнены

А. РАЙХОМ

Материал под рубрикой «Из реки по имени Факт»

подготовлен С. ФЕДОТОВЫМ

■

Редактор С. П. ФЕДОТОВ

Художник А. А. ЗАПЛАВНЫЙ

Художественный редактор В. П. МИНКО

Технический редактор Г. Л. ЕФИМЕНКО

Корректоры А. П. ЗВЕРЕВА, Р. Х. ХАБИВБРАХМАНОВ

■

ИБ № 622

**Сдано в набор 11.04.79. Подписано в печать 23.08.79.
МН 11384. Бумага тип. № 1. Формат 60×70/16. Гар-
нитура школьная. Печать текста высокая, вкладок
офсетная, усл. печ. л. 8,97+2,34. Уч.-изд. л. 8,61+2,70
вкл. Тираж 20.000. Заказ № 24. Цена 80 к.**

**Западно-Сибирское книжное издательство, Новоси-
бирск, Красный проспект, 32.**

**Полиграфкомбинат, Новосибирск, Красный про-
спект, 22.**

Цена 80 коп.

1-396472

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00629234